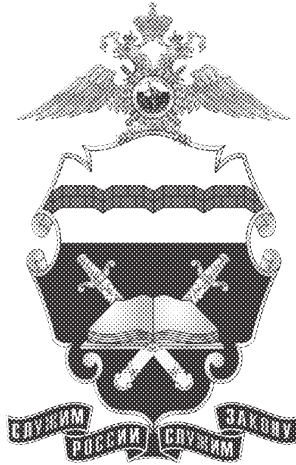

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

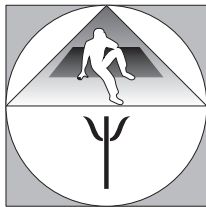

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 27
№ 1(88) январь – март 2022 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 27
No 1(88) January – March 2022**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Том 27, № 1(88) 2022

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-ru.ru>
<https://www.akc.ru>

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

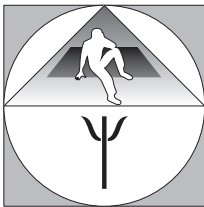
Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
И. Ф. Андрущишин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антимова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
В. И. Барко, д-р психол. наук, проф. (Харьковский национальный университет МВД Украины)
М. Блашкова, д-р психол. наук, проф. (Жилинский университет, Словакия)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
В. В. Вахнина, д-р психол. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
В. В. Векленко, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
Х. Х. Джейми, проф. военной психологии (Университет Англия Раскин, Великобритания)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
Э. Р. Исхаков, д-р мед. наук, проф. (Уфимский юридический институт МВД России)
А. Карпава, д-р социальных наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
И. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский юридический институт МВД России им. Д. Пutilина)
В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
О. М. Красноядцева, д-р психол. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
В. Б. Куликов, д-р филос. наук, проф. (Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Воронежский юридический институт МВД России)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлиняев, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Л. М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, доц. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
Ю. П. Соловей, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский юридический университет, Омск)
И. Н. Сорочагин, д-р юрид. наук, проф. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург)
П. Т. Турин, д-р психол. наук, проф. (Балтийская международная академия, Рига)
О. А. Ульянина, д-р юрид. наук, доц. (Российская академия образования, Москва)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Е. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)

Д. В. Четверяков, д-р психол. наук, проф. (Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодниковой, Омск)
Г. С. Човдырова, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Е. П. Щербатов, д-р психол. наук, проф. (Омская гуманитарная академия)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)

Редакционный совет

В. Л. Кубышко, канд. пед. наук (Департамент государственной службы и кадров МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Департамент государственной службы и кадров МВД России, Москва) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
К. Апдеш, д-р философии (Оборонный институт психол. исследований (ДИПР), организации оборонных исследований и разработок Министерства обороны, Индия)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Н. А. Батурин, д-р пед. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Буряков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
Г. Г. Гонсалес, д-р пед. наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
А. В. Глазков, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
В. А. Гусев, д-р юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
Ф. К. Зинуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Караяни, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
В. Н. Коновалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Мальх, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
М. Мэтью, д-р психологии, проф. коммуникации и психологии (Оксфордский университет, США)
А. Н. Пастушова, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
Ю. Ф. Подлиняк, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Российский университет дружбы народов, Москва)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Руван Джаятунге, врач по психическому здоровью в армии Шри-Ланки, психотерапевт (Онтарио, Канада)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаульский юридический институт МВД России)
Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Ян Инвэнь, д-р права (Чжэцзянская академия СМИ и коммуникаций, КНР)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор **А. Ф. Караваев**. Редактирование, корректура **М. В. Виноградова**. Компьютерная правка и верстка **М. Ю. Чалкова**. Перевод, корректура **Ю. И. Алферова**. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати: Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС 77-74589. Выдано Роскомнадзором 24 декабря 2018 г. Выход в свет: 25.03.2022. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 15,6. Усл. печ. л. 14,0. Заказ № 65. Цена свободная. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2022

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 27, No 1(88) 2022

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Board

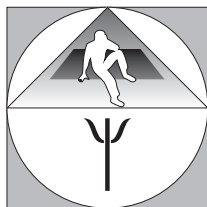
G. D. Babushkin, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor — *Assistant chief editor* (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Psychology, Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Psychology, Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Tyumen, Russia)
V. I. Barko, Doctor of Psychology, Professor (Kharkov, Ukraine)
M. Blashkova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Žilina, Slovakia)
I. V. Vachkov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
V. V. Vahnina, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor (Irkutsk, Russia)
H. H. Jamie, professor of Military Psychology (Kambridge, Great Britain)
E. V. Zautorova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Ufa, Russia)
A. Kárpava, Doctor of Social Sciences, Associate-Professor (Granada, Spain)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Professor, Candidate of Psychological Sciences (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
V. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)
E. A. Naumenko, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yugra State University, Khanty-Mansiysk)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Psychological Sciences, Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor (Tomsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
Yu. P. Solovey, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
I. N. Sorokotyagin, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)
P. T. Tyurin, Doctor of Psychology, Professor (Riga, the Republic of Latvia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
D. V. Chetveryakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
G. S. Chovdyrova, Doctor of Psychology, Doctor of Medical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
Yu. A. Sharanov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
A. S. Sharov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
Ye. P. Shcherbakov, Doctor of Psychology, Professor — executive secretary (Omsk, Russia)

M. S. Yanitsky, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)

The Editorial Council

V. L. Kubyshko, Candidate of Pedagogical Sciences — *chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Sciences (Psychology), Professor — *Assistant chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
A. G. Abdullin, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
K. Updesh, Ph. D. (New Delhi, India)
M. V. Bavsun, Doctor of Sciences (Law), Professor — *Assistant chairman of the editorial council* (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
N. A. Baturin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Chelyabinsk, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Sciences (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
G. G. González, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor (Granada, Spain)
A. V. Glazkov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Sciences (Law), Associate-Professor (Omsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
V. N. Konovalov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
A. G. Maklakov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
M. Matthew, Doctor of Psychology, Professor of Communication and Psychology (New York, USA)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
Yu. F. Podlipnyak, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Professor, academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Ruwan Jayatunge, Mental Health Doctor in Sri Lanka Army, Psychotherapist (Ontario, Canada)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Psychology, Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Sciences, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
Yang Yingwen, Doctor of Law (Zhejiang, China)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Medical Science, Professor (Moscow, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».
Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address: Russia, 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Free market price. Certificate of mass media registration PI No FS 77-74589 (December 24, 2018). Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Issued: 25.03.2022. Circulation: 150. Published sheets 15,6. Conventional printed sheets: 14,0. Order No 65. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2022

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Том 27, № 1(88) 2022

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Антилогова Л. Н.
Самоусиление тенденции к психологизации
права в современном юридическом дискурсе 6

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Човдырова Г. С., Иванова Е. В., Прокурова С. В.,
Тюрин П. Т. Ресурсная модель структуры
самооценки и ее влияние на стрессовладающие
стратегии полицейских *(на английском языке)* 18

Тулитбаева Г. Ф., Лапкина Е. В., Яннурова В. А.
Факторная структура личностных качеств
и копинг-стратегий у сотрудников
правоохранительных органов 24

Тихонова Е. А. Стратегии совладающего
поведения руководителей
органов внутренних дел в аспекте ресурсов
и профессиональных требований 33

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

Петросянц В. Р., Гридяева Л. Н., Арпентьева М. Р.
Буллинг и проблемы психологической
безопасности образования 40

Аксюткина З. А., Удалова Т. Ю. Психологическое
насилие родителей в отношении детей из-за
школьной отметки 50

КОРРЕКЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Ермолаев В. В., Марьин М. И., Воронцова Ю.
Управление организационной культурой органов
внутренних дел в динамике переживания
полицейскими социальных страхов COVID-19:
гендерный аспект 60

Забегалина С. В. Психологическое состояние
военнослужащих в период их адаптации,
методы его оценки 71

Гасанова Р. Р., Сетяева Н. Н., Хотеева Р. И.,
Арпентьева М. Р. Социально-психологические и
духовно-нравственные проблемы нейродидактики
в практике инклюзии *(на английском языке)* 79

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Булгаков В. В. Исследование мнения профессорско-
преподавательского состава вуза МЧС по вопросам
профессиональной деятельности. 87

Чигорьев Е. А., Литвин Д. В., Герасимов И. В.
Прогнозирование вероятности оказания
сопротивления со стороны правонарушителей
при их задержании. 95

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

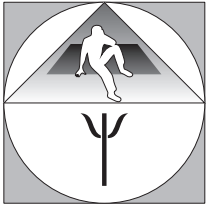
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Гусев В. А. Цифровая гигиена
vs. киберпреступность 102

Бучакова М. А. Правовое регулирование
борьбы с бродяжничеством, тунеядством
и попрошайничеством в Советской России 109

Голованова Т. В. Административно-правовые
средства профилактики правонарушений,
совершаемых в общественных местах 113

Информация для авторов 120

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 27, No 1(88) 2022

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL AND PROFESSIONAL TRAINING AND RELIABILITY

- Sharanov Yu. A., Kobozev I. Yu., Antilogova L. N.**
Self-Strengthening of the trend towards
Psychologization of Law in Modern Legal Discourse... 6

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY FORMATION AND DEVELOPMENT

- Chovdyrova G. S., Ivanova E. V., Prokurova S. V.,
Tyurin P. T.** Resource Model of Self-Esteem Structure
and its Influence on Stress-Coping Strategies
of Police Officers (*in English*) 18
- Tulitbaeva G. F., Lapkina E. V., Yannurova V. A.**
Factor Structure of Law Enforcement Officers'
Personal Qualities and Coping Strategies 24
- Tikhonova E. A.** Strategies of Coping Behavior
applied by Chief Police Officers in terms
of Resources and Professional Requirements 33

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TENSION AND CONFLICTOLOGY

- Petrosyants V. R., Gridyaeva L. N., Arpentieva M. R.**
Bullying and Problems of Psychological
Safety in Education. 40
- Aksyutina Z. A., Udalova T. Yu.**
Parents' Psychological Violence against
Children due to School Marks 50

PSYCHO-CORRECTION AND REGULATION OF STATES

- Ermolaev V. V., Maryin M. I., Voroncova J.**
Managing the Organizational Culture
of Law Enforcement bodies in the Dynamics
of Coping with Social Fears related to COVID-19:
the Gender Aspect. 60

- Zabegalina S. V.** Psychological State
of Military Servicemen during their Adaptation 71

- Gasanova R. R., Setyaeva N. N., Khoteeva R. I.,
Arpentieva M. R.** Socio-psychological
and spiritual-moral problems
of neurodidactics in inclusive practice (*in English*) 79

PEDAGOGICAL SCIENCES

THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION

- Bulgakov V. V.** Research of the Opinion
of the Teaching Staff of the University
of the Ministry of Emergency Situations
on Professional Activities. 87
- Chigoryaev E. A., Litvin D. V., Gerasimov I. V.**
Forecasting the Probable Resistance
from Offenders during their Detention 95

JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

- Gusev V. A.** Digital Hygiene vs. Cybercrime 102
- Buchakova M. A.** Legal Regulation
of Fighting Vagrancy, Parasitism
and Begging in Soviet Russia. 109
- Golovanova T. V.** Administrative and Legal Means to
Prevent Offenses committed in Public Places. 113
- Information for authors** 120

Морально-психологическая профессиональная подготовка и надежность

Morally-psychological and professional training and reliability

Обзорная статья

УДК 159.99 © Ю. А. Шаранов, И. Ю. Кобозев, Л. Н. Антилогова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-06-17

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Самоусиление тенденции к психологизации права в современном юридическом дискурсе

Юрий Александрович Шаранов¹, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии; niospba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

Игорь Юрьевич Кобозев¹, кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры юридической психологии; igorkobozev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3008-7886>

Лариса Николаевна Антилогова², доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и педагогической психологии; Antilogova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5940-4372>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. летчика Пилютова, 1, Россия

² Омский государственный педагогический университет, Омск, 644099, наб. Тухачевского, 14, Россия

Реферат

Введение. Рассматривается методологическая проблема фундаментального дуализма права и психологии, выражающаяся в психологизации права и юридизации психологии. **Материалы и обсуждение.** Статья содержит попытку концептуализации основных механизмов психологизации и юридизации, составляющих внутренний источник самодвижения и самоопределения предмета юридической психологии, и направлена на преодоление методологической антиномии в представлениях юристов и психологов о способах и границах взаимного научного синтеза. Анализируется взаимовлияние права, очерчивающего внешний контур антиномии в форме духовных, социокультурных доминант и психофизиологических доминант психики, являющихся результатом длительной эволюции и последовательного усложнения, самоорганизации более простых форм социального поведения в более сложные. Описывается процесс включения психических феноменов в социально-правовые явления, образующий при этом их психологический компонент и определяющий психологическое состояние и поведение личности. **Выводы.** Современное состояние методологии в психологии и праве характеризуется широтой стратегий, наличием конкурирующих друг с другом исследовательских программ, теоретических идей, способов концептуализации, ориентированных на отечественные традиционные школы или постмодернистские направления в науке.

Ключевые слова: психологизация; юридизация; методология; юридическая психология; право; дуализм права и психологии; концептуализация; механизмы психологизации и юридизации

Для цитирования: Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Антилогова Л. Н. Самоусиление тенденции к психологизации права в современном юридическом дискурсе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 6–17. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-06-17>

Review Article

UDC 159.99 © Yu. A. Sharanov, I. Yu. Kobozev, L. N. Antilogova, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-06-17

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Self-Strengthening of the trend towards Psychologization of Law in Modern Legal Discourse

Yuri A. Sharanov¹, Doctor of Psychology, professor, professor at the chair of Legal Psychology; niospba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

Igor Yu. Kobozev¹, Candidate of sciences (in Psychology) associate-professor, deputy-chief of the chair of Legal Psychology; igorkobozev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3008-7886>

Larisa N. Antilogova², Doctor of Psychology, professor, head of the chair of General and Pedagogical Psychology; Antilogova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5940-4372>

¹ St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1 Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

² Omsk State Pedagogical University, 14 Tukhachevsky embk., Omsk, 644099, Russia

Abstract

Introduction. The authors consider the methodological problem of the fundamental dualism of law and psychology, which is expressed in the psychologization of law and the legalization of psychology. **Materials and Discussion.** The article contains an attempt to conceptualize the main mechanisms of psychologization and legalization, which constitute the internal source of self-promotion and self-determination of the subject of legal psychology, and is aimed at overcoming the methodological antinomy in lawyers' and psychologists' views concerning the methods and boundaries of mutual scientific synthesis. Under analysis is the mutual influence of law, which outlines the outer contour of antinomy in the form of spiritual, sociocultural dominants, and psychophysiological dominants of the psyche, which are the result of a long evolution and gradual complication, self-organization of simpler forms of social behavior into more complex ones. The process of including psychic phenomena into social and legal phenomena is described, which at the same time forms their psychological component and determines the psychological state and behaviour of the individual.

Conclusions. The current state of methodology in psychology and law is characterized by the breadth of strategies, the presence of competing research programs, theoretical ideas, methods of conceptualization oriented towards domestic traditional schools or postmodern trends in science.

Keywords: psychologization; legalization; methodology; legal psychology; law; dualism of law and psychology; conceptualization; mechanisms of psychologization and legalization

Citation: Sharanov Yu. A., Kobozev I. Yu., Antilogova L. N. Self-Strengthening of the trend towards Psychologization of Law in Modern Legal Discourse. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 6–17 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-06-17>

Основные положения

1. Начиная со второй половины 1990-х гг. отмечается тенденция к психологизации юридической практики. По мнению психологов и юристов, психологизация права носит закономерный характер, так как совершенствование правового механизма регуляции правоприменительной деятельности не может быть полноценным без психологической составляющей.

2. Помимо процессов психологизации выделяется и процесс юридизации правовой системы государства. Под юридизацией понимается нормирование общественной жизни с помощью специальных правил, а именно юридического права, исходящего от государства.

3. Разделение на юридическое и психологическое порождает существенную методологическую проблему — фундаментальный дуализм. Юридическое задает внешний контур антиномии в форме духовных, социокультурных доминант, психологическое — психофизиологических доминант психики. Противопоставление между ними не носит абсолютного характера, поскольку и право, и социальная психика личности есть результат длительной эволюции и последовательного усложнения, самоорганизации более простых форм социального поведения в более сложные. Психические феномены встраиваются в социально-правовые явления, образуют их психологический компонент и задают «психолого-юридический масштаб личности».

4. Методологическая неоднородность и неопределенность в представлениях юристов и психологов о способах и границах взаимного заимствования порождают методические затруднения в прикладных научных исследованиях механизмов психологизации в праве.

Введение

Актуальность и сущность проблемы. Процесс перехода правоохранительной системы к новому общественному порядку, основанному на «конструктивном консерватизме», традиционных ценностях, декриминализации и либерализации правовой системы, до сих пор не завершён. Если старые законы можно было относительно быстро поменять на новые, то для того, чтобы изменить правовую психологию отдельных групп людей и общества в целом, необходим более длительный исторический период. Представители психологической и юридической науки в этих условиях вынуждены повернуться лицом друг к другу и пытаться совместно искать новый вектор психологизации и юридизации общественных отношений.

Материалы и обсуждение

Современная юридическая практика демонстрирует очевидную тенденцию к возрастанию в ее содержании объема психологического и семантического знания, соответствующих ценностей и установок. Начиная со второй половины 1990-х гг. тенденция к психологизации юридической практики вполне стала очевидной. Доказательством существования подобного рода «метафизического поворота» может служить последовательная смена доктринальной ориентации субъектов всех институтов права от повсеместного контроля и борьбы по всем фронтам с любыми правонарушениями на приоритетную защиту личности, ее прав и свобод к активному реформированию судебной системы и использованию психологических знаний в целях индивидуализации ответственности и наказания.

Как подчеркивает В. М. Поздняков, в России все чаще стали издаваться монографии юристов по ключевым юридико-психологическим явлениям, а в диссертациях при формулировании положений на защиту критикуется

«вестернизация» отечественного законодательства и отстаиваются психологизированные позиции. В то же время психологические реалии учитываются фрагментарно. В. М. Поздняков считает, что подобное положение дел вызвано недостаточным уровнем развития психологической культуры у юристов [1–2]. Вместе с тем отечественными юристами в последние годы издан ряд монографий, в которых критикуется и состояние современной юридической психологии. Так, В. В. Сорокин указывает: «На сегодняшний день юридическая психология как таковая отсутствует. А то, что принято называть юридической психологией, сведено к факультативной части криминалистики» [3, с. 4]. В. М. Поздняков вынужден констатировать, что главная причина этого в том, что «пока нет полноценного научного диалога между психологами и юристами» [2, с. 209].

История становления предмета юридической психологии действительно тесно связана именно с интеграцией юридических и психологических знаний. Не одно десятилетие продолжается дискуссия о закономерностях и механизмах междисциплинарного синтеза знаний о человеке, о способах связи юридических и психологических явлений в сфере отношений, регулируемых правом. Отсутствие единого понимания предмета юридической психологии, а также психологических механизмов, лежащих в основе образования новых правовых отношений, заставляет юристов и психологов обращать пристальное внимание на каждое научное исследование, где предпринимается попытка описания и толкования того, что относится к психологии, но используется юристами. И наоборот, юридические психологи стремятся адаптировать, превратить в собственный инструмент психологического познания базовые юридические категории и понятия. Подобного рода тенденции получили названия «юридизация» и «психологизация», при этом под ними подразумевается определенный уровень синтеза психолого-юридического знания.

Однако проблема юридизации и психологизации не проста и не сводится только к невысокой культуре владения юристами психологическими знаниями. По словам самих юристов, понятие юридизации оказывается неоднозначным с точки зрения оценки непосредственных и отдаленных (масштабных) социальных последствий и по своим многосоставным элементам [4, с. 7]. Юридизация — это некое качественное состояние всех элементов правового механизма, правовых регуляторов, включающее в себя их активное распространение и усиление воздействия на систему общественных отношений. При этом процесс юридизации может носить естественный и искусственный характер, может достигать, а может и не достигать целей повышения эффективности действующего права, так как зависит от множества других условий, в том числе от решения проблемы социокультурного, социально-психологического освоения данного процесса. Без добровольного согласования мотивов и интересов людей,

психологической готовности свободных субъектов объединяться, сочетая индивидуальную и коллективную волю без навязывания извне силового подчинения закону, социальные институты не могут приобретать устойчивость и сплоченность вокруг общезначимых целей и ценностей. Получается, что процессы юридизации и психологизации взаимно друг друга усиливают, так как они одновременно выступают друг для друга в качестве средства и условия, обеспечивая легитимный государственный порядок, свободы и права каждого субъекта.

В то же время социальная природа, цели, способы юридизации и психологизации отличаются друг от друга. Так, процессы юридизации имеют тенденцию к превращению в самодостаточный, связанный с воспроизводством атрибутов самого государства процесс. При этом проблему свободы личности право пытается решить внешним, социально-объективным образом, стремясь «заставить личность жить правильно». Иными словами, право преимущественно действует извне, контролирует и задает причинность поведения, тогда как личность гораздо успешнее все эти вопросы решает на «внутреннем» уровне, опосредуя внешние воздействия через внутреннее отношение. В силу своего творческого склада личность больше устремлена не столько к поддержанию должного порядка, сколько к творческому самовыражению своей субъективности, а потому, как правило, перестраивает и переформатирует процессы собственной жизнедеятельности, стремясь сохранить себя в качестве уникального, свободного субъекта. Отсюда между процессами юридизации и психологизации и внутри них существуют нелинейные по своей природе отношения, различные по форме и содержанию противоречия и конфликты.

Современный этап развития юридической психологии характеризуется широким освоением достижений мировой психологической мысли, активным проведением разнообразных прикладных исследований проблем и феноменов правоохранительной деятельности. Среди юристов различного уровня наметилась тенденция к росту числа потребителей психологического знания, сюда примыкают не только представители академической и университетской науки, но и депутаты органов законодательной и исполнительной власти, прокуроры, адвокаты, полицейские и нотариусы. Естественно, в научной методологии кроме синтеза существуют и другие способы развития научного знания. Однако именно синтез может оказать релевантное воздействие на становление новой архитектуры предмета юридической психологии.

Правовая система и юридическая практика современного российского общества находятся в ситуации динамического, противоречивого перехода от традиционной модели к либеральной, инновационной, цифровой. При этом на фоне усиления принципов полезности, эффективности и технологичности существует и противоположный «механическому фантому технологии» принцип — принцип сохранности и расширения влияния моральных

и духовных компонентов культуры, идей национальной юридической и психологической школы на развитие правоохранительной системы общества. В этом смысле право не может быть выше, чем культурный уровень общества и его правовое сознание. Национальная культурная традиция выступает в роли постоянной оппозиции между потребностью в устойчивом порядке и изменчивостью, необходимостью быстро откликаться, например, на постмодернистский вызов, перед которым стоят сегодня психологическая и юридическая науки. Однако, что обуславливает все эти переходы, вызовы и изменения, каковы их содержательные, качественные и количественные характеристики, чего ожидать от них психологической и юридической практике, ясности пока нет.

Именно юристы первыми в своих научных исследованиях и практической деятельности обратились к синтезу правовых концепций и психологического знания, предлагая новые идеи и способы обобщения юридических фактов в ответ на политику либерализации законодательства и правоприменительной практики, а также недостаточную отрегулированность внутренних социальных конфликтов. Положение дел усложнялось из-за увеличения количества дерзких и тяжких преступлений, совершаемых новыми для отечественной юриспруденции категориями преступников — маньяками, извращенцами, педофилами, гомосексуалистами и т. п. В известной степени процесс психологизации в эти годы осуществлялся в контексте нарастания эгоцентризации в сфере правовой жизни общества, возвышения ценностей индивидуальной свободы отдельного субъекта. Менялась единая, традиционная картина психолого-юридической реальности, важной для развития как юридической психологии, так и юридической практики. Однако до сих пор не изменились привычные для психологов и юристов линейные методы познания социальности: психологи сравнительно чаще оперируют дилеммами (между научной закономерностью и ценностным суждением, гуманистически нагруженным подходом к анализу социальных процессов и бездушным императивом права, между индивидуальным и общественным), тогда как юристы предпочитают рефлексировать поведение и действия людей, опираясь на закрепленные в законодательстве аксиомы, поскольку это свойство необходимо любым концептуальным правовым построениям. Тем самым юристы имманентно сосредоточены на технологической стороне права, его форме, линейной связи норм, в результате средства права нередко ставятся вперед его цели.

Иначе говоря, юристы принимают мир психологии, но интерпретируют его иначе по сравнению с психологами, а именно с точки зрения юридической прагматики (юридической истины и юридического смысла), определяя границы допустимого и запретного. Поэтому приходится говорить о разных стилях и стратегиях понимания феноменов сознания, значения, умысла, действия и поступка, укорененных в культурной познавательной

традиции психологов и юристов. Вместе с тем общим сюжетом для юристов и психологов второй половины XX — начала XXI вв. является признание общей логики социокультурной модернизации, востребующей предметную, творческую и самостоятельную деятельность человека как субъекта, репрезентирующего совокупность дискурсов «хочу», «могу», «должен», «надеюсь», «верю» и пр. [5]. Налицо тот самый онтологический поворот, сущность которого в обогащении социально-исторических трактовок человеческого бытия и субъектности, переход к интерпретации духовной биографии субъекта в контексте духовной истории человечества.

Совместно с моралью, религией, идеологией и политикой институт права задает общественные ориентиры, идеалы, обеспечивающие ролевое и ценностное единство социума. Названные дилеммы психологической и юридической мысли пронизывают историю их отношений и продолжают задавать познавательный коридор развития предмета юридической психологии. В условиях нарастающей либерализации и гуманизации правоохранительных институтов право только так может сохранить за собой функции регулирования допустимого поведения субъекта, не ограничивая при этом его возможности самостоятельно принимать решение. Где кончается легитимное действие права, там открывается пространство для этики — этической регуляции и саморегуляции поведения гражданина. Именно этика сегодня поднимается до уровня метатеории, в рамках которой осуществляются попытки дать ответ на самые животрепещущие вопросы человеческого бытия [6–8].

Таким образом, предельное усложнение социального порядка, переориентация права и правовой регуляции на приоритетную защиту прав и свобод субъекта с опорой на достижения психологической науки и этики заметно усиливают актуальность проблемы выявления особенностей механизмов, факторов, форм и научного инструментария, источников и причин самоусиления тенденции к психологизации современного юридического дискурса.

Выбор феномена дискурсивности не случаен, так как дискурс — это следствие процесса отношений теории (рефлексии) и практики, выход за пределы имеющихся знаний в целях обнаружения причин их возникновения и способов производства этих знаний [9]. При этом основным методом познания способов производства психологического и юридического знания нами выбран метод экспликации наиболее развитых форм научного познания — результатов диссертационных исследований, монографий и научных статей. В то же время метод экспликации предполагает теоретическое преобразование объектов наших представлений в целях «упрощения» его описания и толкования [10].

На фоне усиления тенденции к дифференциации психологической науки, расширения проблемных областей права становится еще труднее осуществлять синтез знаний о субъектах правовых отношений. Господство

неклассической рациональности (по В. С. Степину [11]) постмодернистских закономерностей и принципов научного познания в психологии и праве, процессов глобализации и цифровизации в обществе уже сейчас ставит под сомнение состоятельность традиционных подходов в праве. В частности, не выдерживает критики традиционный социологизм применительно к правотворчеству. Как отмечает В. В. Трофимов, проблемное пространство современных обществ характеризуется «стремительным возрастанием сложности, открытости и неустойчивости социума, что и предопределяет принципиально новый характер динамизма, взаимоотношений социальных индивидов и общностей» [12, с. 478].

Итак, первая тенденция, задающая иной масштаб, иное видение психологии субъекта права и психолого-юридической проблематики в целом, заключается в динамике нелинейной трансформации общества, институтов, организаций и сознания человека.

Сам субъект правовых отношений при этом приобретает неустойчивость во времени и пространстве, возрастает противоречивость внутри его сознания, границы личности колеблются и «мерцают», теоретически зафиксировать и остановить беспредельный динамизм социальных проявлений свободного субъекта классическими, линейными методами права уже проблематично. Нормативно-правовое вмешательство уполномоченного субъекта права в одном сегменте экономической или социальной сферы тут же сигнализирует отставание от стремительно рвущихся вперед процессов в других сферах общественной жизни людей. Имеется в виду наличие в обществе сравнительно исторически ранних и поздних, длинных, многообразных и противоречивых каузальных цепей, фиксирующих начало и окончание нарушения законного порядка. Одни каузальные цепи могут располагаться в разных по уровню психолого-правовой зрелости сферах: семейных, трудовых, жилищных отношениях, другие — в системе индивидуального предпринимательства и бизнеса. При этом в каждой общественной системе или институте могут иметь место свои случаи поведения, противоречащего законодательным нормам. Отсюда можно предположить существование постоянного зазора между порядком, регулируемым законом, и диссипативной (неустойчивой) природой социальных систем и системы психики отдельного человека.

Противоречие между действием права* как универсального механизма упорядочивания наиболее важных сфер общественной жизни людей и социальным «бытийствованием» (деятельностью, действием, взаимодействием) человека (по М. Хайдеггеру [13]) имманентно содержит в себе потенциал правонарушения. Об этом свидетельствует значительная разница между числом

совершенных преступлений и числом наказанных за эти преступления. Собственно, индивидуально уникальные правонарушения только законодательными средствами невозможно устранить, можно лишь ослабить их проявления, учитывая «личностный протокол» социокультурного опосредствования мотивационных процессов поведения зрелой личности.

Отсюда правопорядок самими юристами рассматривается как «определенное единство, как целостная система, в которой различные части взаимно уравновешиваются, а эффекты, вызванные в определенном месте как желаемые, в других местах могут вести к нежелательным побочным последствиям» [14, с. 97]. В связи с этим правовое регулирование неизбежно приобретает системный и нелинейный характер, в том числе за счет вовлечения самих членов общества, свободного гражданина в саморегулируемые формы отношений. От психологических особенностей поведения и отношения к праву дееспособного гражданина в итоге зависит устойчивость нормативной структуры всего общества.

Второй причиной самоусиления тенденции к психологизации в юридическом дискурсе является системность правотворчества и правоприменения. В определенном смысле данная тенденция выступает продолжением первой тенденции, так как отражает системную динамику общественного развития, и ее существование невозможно вне системности правотворчества [15, с. 36]. Другими словами, смысл психологизации в юридическом дискурсе заключается в необходимости применения психологических технологий для развития творческого потенциала юристов и юридической деятельности, с тем чтобы успевать за «системной динамикой общественного развития».

Государство и правосознание переходного общества, как справедливо утверждает В. В. Сорокин, отличается фрагментарностью, противоречивостью и радикальностью. «Наряду с динамизмом оно обладает и устойчивостью, сопротивляемостью новым идеям и принципам». При этом именно правосознание является духовной составляющей правовой системы, «обеспечивающей устойчивость последней даже при значительном динамизме ее развития» [16, с. 221]. Следуя этой логике, процесс реализации права образует «специфическую сферу самоорганизации права» посредством правотворчества и стихийного формирования норм обычного права. Этот процесс образования норм обычного права объясняется тем, что «современное общество представляет собой чрезвычайно динамично развивающуюся систему, в то время как обычное право становится основной формой (источником) права именно в традиционных обществах, консервативных по своему внутреннему укладу» [17, с. 39]. Психологизация в системе правотворче-

* Понятие «действие» в его философском значении употребляется как «бытие», «функционирование» и т. п. В психологическом смысле действие — процесс взаимодействия с каким-либо предметом, в котором достигается заранее определенная цель.

ства определяется возрастанием гражданской активности и самодеятельностью субъектов, что призвано компенсировать «несоответствие между статической совокупностью правовых актов и действием, между юридическим и фактическим содержанием права в переходный период» [2, с. 15]. Это тот самый особый случай пересечения правовой и психологической науки, необходимой для решения совместно обеими дисциплинами «проблемы конкурирующих моральных ценностей», познания и разрешения противоречий внутри становящейся правовой системы, чем ежедневно призваны заниматься юристы-практики, сотрудники органов внутренних дел.

По этой причине правоприменительная деятельность обладает значительным потенциалом упорядочения динамично развивающихся общественных отношений не только в сфере государственного управления, но и в сфере отношений, значимых для отдельных субъектов, социальных групп, общностей и коллективов. Другими словами, правоприменительная деятельность, право эпохи постмодерна вынуждены функционировать на «границе между хаосом и порядком», создавая условия для удобной, цивилизованной повседневной жизни граждан. Под хаосом понимается творческая, внеправовая сущность человека, который, возвращаясь в контексты повседневной жизни, нуждается в устойчивом, предсказуемом порядке. В качестве иллюстрации к данному утверждению можно обратиться к биографии И. Канта. То, что философ был творческой личностью, ни у кого сомнения не вызывает. Вместе с тем он любил, чтобы за пределами его творческого уединения, в доме и вокруг поддерживался порядок, все было на месте и предсказуемо. Индивидуальная культура порядка — это, как правило, постоянная оппозиция между потребностью субъекта в окружающем его порядке и безопасности, порой достигающая уровня одержимости в господстве формальной организации, и открытой возможностью для изменений, для случайности, ошибки и непредсказуемости. Таким образом, личность в силу своей социальной природы и устремленности к рациональности обладает определенной «моделью порядка», так как оперирует привычными нормами и правилами, обретается в социальном пространстве, «антропологические границы» которого совпадают с границами социального порядка семьи, производственного коллектива, межпоколенной солидарности. Если такие виды социального порядка деградируют и утрачивают свои функции, то в процессе воздействия социальной техники коммуникации «модель порядка» личности подвергается риску маргинализации, упрощению и обезличенному соблюдению норм права.

Вместе с тем структурно завершенный социальный или юридический порядок для субъекта принципиально невозможен. Господство формального «юридизма» — это реальность не субъекта, а вещи как завершенной субстанции.

Отсюда «красной линией», за которой право становится бесполезным или избыточным, является его базовая

функция — создавать юридический порядок, обеспечивающий безопасность через универсальные способы организации повседневной, в том числе и творческой, жизнедеятельности людей. Поэтому право как социальный институт существует и действует только тогда, когда оно обладает «трансцендентным критерием» — объективно служит самосохранению социума, когда непрерывно во времени и пространстве самовоспроизводится населением (как правоприменителями, так и обывателями).

Эти два аспекта очевидным образом взаимообуславливают друг друга, «демонстрируя диалог трансцендентного и имманентного»: самосохранение общества (или целостность, по терминологии Л. И. Спиридонова [18]) возможно только тогда, когда большинство населения (по крайней мере, значимая его часть) совершает действия и имеет об этом определенное представление, которые обеспечивают самосохранение; массовые действия и ментальные представления только тогда могут считаться правовыми (с трансцендентной точки зрения), если они достигают цели — самосохранения общественного целого; в противном случае, если эти действия приводят к аномии, то правовыми их нельзя назвать ни при каком типе правопонимания.

В связи с тем что субъектами правотворчества выступают в основном депутаты с различным уровнем компетентности и ответственности за последствия своих решений, правотворчество с неизбежностью проявляется как субъективно-объективный процесс. Отсюда возникает опасность того, что принимаемые законы могут становиться «не средством упорядочения общественных отношений, а орудием произвольного управления и манипулирования» [19, с. 65]. Властные полномочия начинают использоваться в политических или экономических интересах отдельных групп [20], в результате принимаются ничего не говорящие отсылочные «формулы», с помощью которых законодательный орган перекладывает решение проблемы на судью, полицейского или работников администрации. Последние систематически перегружаются подобными неопределенными общими положениями, не предписывающими сколько-нибудь четкого решения по конкретному делу, а потому просто оставляют проблему открытой или в лучшем случае прибегают к так называемому профессиональному усмотрению.

Избыточная психологизация правосудия, впрочем, как и юридизация, может служить источником для произвольных решений и формальных псевдообоснований. Так или иначе принятый закон окажется неэффективным [21, с. 41].

Вместе с тем тенденция к психологизации в настоящее время объясняется возрастанием в обществе количества неравновесных, слабоструктурированных, творческих проблем, которые не входят исключительно в сферу воздействия категории «правовая система», не поддаются однозначной формулировке и не могут быть решены вне системного подхода. В условиях самоорганизации право-

вой системы переходного этапа основным принципом функционирования социального порядка становится динамизм, возрастание значения творческого начала в деятельности членов общества. При этом само творчество приобретает свойства синергии, так как во многом выступает результатом синтеза хаоса и порядка. Отсюда субъект права — законодатель или правоприменитель — должен в равной мере обладать высокой психологической готовностью к адекватному самоопределению и самоорганизации в ситуациях творческой неопределенности.

Классическая слабоструктурированная проблема — это несоответствие существующего состояния управляемой системы желательному состоянию, заданному управляющим субъектом, для которой практически отсутствуют количественные зависимости между описываемыми ее факторами [22]. Подразумевается прежде всего ситуация, когда на языке одной науки, например только психологии или права, адекватное описание и понимание проблемы не представляется возможным. Так, преступления экстремистской и террористической направленности с использованием элементов искусственного интеллекта вызывают сегодня методологические трудности в ходе их расследования. Алгоритмы языков расследования в этой области еще не отработаны, так как преступление содержит в себе несколько этапов и способов маскировки главного — самого террористического акта. Следовательно приходится от языка криминалистики и криминологии понимания объективной стороны события преступления переходить на язык понимания субъективной стороны преступления, затем на язык понимания работы искусственного интеллекта, потом к языку раскрытия механизма совершения самого террористического акта, снова к юридической психологии описания личности преступника и только в заключительной стадии приступать к созданию документа на юридическом языке.

Вместе с тем интертекстуальный характер такого текста неизбежно сохраняет его полисемантическую, оставляет фрагменты смысловой текучести, неопределенности, не позволяя ему достичь окончательной завершенности. Такой текст будет ожидать дальнейшей трансформации на стадии судебного дискурса с помощью юридической техники как совокупности языковых средств выражения права (юридического опыта), состоящих из лингвистических схем с устойчивым коннотативным смыслом, так называемых юридических конструкций [23, с. 102]. При этом объективная реальность не столько преломляется через призму юридического языка, проговаривается на нем, сколько перерождается, переформируется им, создается заново [24, с. 35]. Возникает реальная угроза появления лингвистических, семантических и психологических ошибок, которые могут поставить под сомнение достоверность всего текста. В юридической психологии существуют специальные исследования, множество различных подходов к выявлению признаков как достоверности, так и недостовер-

ности сообщаемой информации участниками уголовного судопроизводства [25, с. 399–406].

По мнению самих юристов, именно язык выступает фильтром и одновременно ограничителем (препятствием) на пути познания права по причине формализации правовой реальности (можно сказать, экзистенции бытия права). Право как сложное, многогранное явление не может быть однозначно выражено в законченной системе знаков, последняя всегда огрубляет, искажает бытие права, хотя постижение права без определения его формы невозможно [26].

Очевидная интеллектуализация и семантизация юридической деятельности вызывает необходимость в знании юристом оснований законов гражданского общества и природы человеческой психики, права и IT-технологий. Такова сегодняшняя реальность расследования отдельных, слабоструктурированных, наукоемких, многоуровневых видов преступлений, где психология одновременно выступает в качестве источника средств воздействия на преступника и средства саморегуляции субъектов предварительного расследования. В этом смысле психология как наука и одна из разновидностей социальных практик обладает способностью согласовывать фундаментальные юридические установки и представления о человеке, объединять в форме «мягкого гибрида» разнородные стратегии в объяснении его сознания, мышления и поведения. Психология не отрицает, как это делают критически настроенные юристы [27], наоборот, с пониманием относится к особенностям постмодернистского мировоззрения, творчества, образа жизни или постмодернистского типа мышления, характеризующегося так называемой интерпретативностью. Собственно, любая гуманитарная наука отличается от естественнонаучной парадигмы доминированием методологии интерпретационного познания. Известный правовед Л. И. Спиридонов подчеркивал, что «один и тот же криминологический факт интерпретируется в различных контекстах и имеет неодинаковый смысл» [18, с. 20]. В познавательной практике психологов и юристов способы интерпретации фактов, событий, экспериментальных данных несколько не совпадают.

Как правило, юристы в рамках теории каузальной атрибуции, интерпретируя причины поведения других, обычно сводят объяснения либо к ситуативным факторам, либо к диспозициональным (чертам личности, предрасположенности реагировать сходным образом в различных ситуациях). Психологи же рекомендуют, чтобы избежать ошибки атрибуции, включать в процессы интерпретации и ситуативные, динамичные, сравнительно неопределенные факторы. Однако юридический дискурс не обладает по сравнению с психологическим языком развитой методологией интерпретации неопределенных, противоречивых систем, знаков или фактических данных [28].

Импровизация на юридическом языке, как правило, избыточна и вступает в противоречие с профессио-

нальным требованием ясности, однозначности суждений и умозаключений юриста, облакающего официальные формулировки законодательства в профессиональные стереотипы. Это требование в одинаковой мере относится к юристам с различным типом профессионального сознания и мышления, в том числе холистическим, аналитическим или экспертным. Если холисты полагают, что в мире все связано друг с другом, а потому следует рассматривать объекты, явления как нестатичные, и ожидают, что из-за сложных паттернов взаимодействий элементов существует состояние постоянного изменения. То аналитики, напротив, воспринимают большинство объектов как независимые. Отсюда следует, что сущность объектов не изменяется в течение долгого времени, она не затронута воздействием других факторов. Юристы с преимущественно экспертным мышлением демонстрируют сравнительно более жесткие процедуры и правила познания. Какой подход более совершенный? И корректно ли вообще сравнивать типы мышления с точки зрения их эффективности? Очевидно, что профессиональный мир юриста, процесс правового регулирования сложен и многомерен, а потому юрист, впрочем, как и психолог, должен гибко сочетать в себе аналитические способы интерпретации данных с холистическими.

Психология является не только сферой синтеза результатов правовых дисциплин, но и одним из источников прогресса формализованных научных дисциплин: математики, формальной логики, теории систем, кибернетики, информатики, теории языка и т. д. [29]. В исследованиях психологов описывается динамика изменений профессиональной активности мышления субъекта, его убеждений в стабильности или закономерной изменчивости. При этом активное развитие теории субъекта в психологии позволяет обратиться к целостному изучению человека, открывает возможность изучать поведение, деятельность, сознание как опосредованные внутренним миром человека, его субъектными выборами и предпочтениями, его активным построением модели мира (Б. Г. Ананьев).

Для постнеклассического этапа развития психологической науки на первый план выступают свобода воли, свобода самоопределения и выбора (самодетерминация) субъекта. В качестве общего для психологии и юридических дисциплин объекта научного исследования в постнеклассической науке выступает дискурс саморазвивающихся систем (систем «третьего типа», по В. С. Степину [11]), в отличие от жесткого объективизма неклассического этапа. Данный факт означает парадигмальную толерантность, междисциплинарный дискурс, герменевтический стиль мышления, сетевой принцип организации психолого-юридического знания, «легализацию внутрисубъектного опыта» в качестве исходного основания построения психологического знания. Для юридического дискурса становится необходимым связывать понятие детерминации с понятием «возможности и действительности», с превращением возмож-

ности в действительность. Тем самым взаимодействие права и психологии — это работа двух программ: одна занимается анализом цели и ценности субъекта, другая выявляет закономерности, которые могли бы привести к достижению этих целей.

В то же время гуманитарный подход в психологии и праве обязательно постулирует не только цели и ценности субъекта, но и способы их реализации.

Мир профессионального юриста по-прежнему «каузален», юрист, как правило, убежден в том, что достаточно обнаружить цепочку причин и тогда можно упорядочить любой процесс достижения цели. Психолог также пытается обнаружить устойчивые закономерности в динамике человеческой активности. В этом смысле юристы и психологи похожи. Они все чаще создают похожие проекты, публикуют похожие тексты и продвигают тождественные идеи. Похожесть — вот что объединяет тех и других. Все вместе они стремятся к завершенности своих усилий — объяснить и сделать предсказуемым и безопасным поведение, жизнь человека. Но все же каждый из них понимает эту завершенность по-своему.

Профессиональные возможности психолога ограничены и не позволяют без союза с юристами проникать во все тайны «юридической личности» или «конституционной психики» субъекта [30, с. 42].

Поэтому в правотворческой и правоприменительной теории и практике настоятельно рекомендуется всячески избегать опасности однобокого понимания принудительного влияния права на общество и человека, принимать во внимание роль субъектной активности, когда отношения, деятельность, поступки не просто возникают в пространстве социальной, культурной, языковой среды, а активно приобретаются и создаются самим субъектом.

Таким образом, от того, насколько конструктивным окажется интеллектуальное взаимодействие ученых — психологов и юристов, во многом зависит научный прогноз правовых процессов ближайшего будущего. При этом, как справедливо утверждал А. В. Брушлинский, «успех следует ожидать там, где психологическая мысль будет взаимодействовать „на равных“ с другими направлениями, а не растворяться в них» [31].

Третьим фактором психологизации юридического дискурса является «эффект Л. И. Петражицкого». Речь идет о психологизме в философии права первой четверти XX в., сущность которого наиболее ярко удалось выразить Л. И. Петражицкому в своей концепции права как «особого вида эмоций» [32]. Лев Иосифович полагал, что юридическая личность, субъект права целиком выражается в эмоциональной сфере, сфере переживания, и считал это достаточным для выяснения того, как право работает на самом деле. Свою задачу он видел в том, чтобы преодолеть формальный юридизм, догматическое правовое представление и приблизиться к пониманию того, как право не формально, догматически, а фактически отражается в правовом сознании субъекта и обуславливает

его правовое поведение. Тем самым Л. И. Петражицкий попытался осуществить некий антропологический поворот в общетеоретической правовой науке, предложив исследовать право в контексте его человекообразности.

Эффект Л. И. Петражицкого представляет собой реакцию юристов на глубокие изменения во всех сферах жизни общества, прежде всего в культуре сегодняшнего индустриального и постиндустриального общества, когда старые представления о государстве, праве, морали, развитии общества уже не удовлетворяют запросам новой реальности. Именно поэтому методологические проблемы науки становятся центральными в дискуссиях юристов, психологов, социологов, культурологов и философов. Пестрота социально-политической структуры, социальная неоднородность и противоречивость переходной государственной власти в России [33–35], стремительная дифференциация гуманитарных наук, ослабление связей между ними обуславливают особый интерес ученых к трем основным формам психологизма в философии права: учению о «правовой эмоции», социологическом и антропологическом психологизме.

Особенность современного научного дискурса состоит в том, что различные концептуальные идеи, подходы и гипотезы во многом имеют историческое происхождение и связаны не только с трудами Л. И. Петражицкого, но и с работами представителей юридического направления — В. М. Гессена, Н. М. Коркунова, П. И. Новгородцева, И. А. Покровского, Е. Н. Трубецкого, Б. Н. Чичерина, Г. Ф. Шершеневича и др. [34; 35].

В публикациях современных юристов основное внимание уделяется анализу антрополого-правового потенциала психологической теории права Л. И. Петражицкого [36] с позиций фундаментальной онтологии [37, с. 295–324], экзистенциализма, коммуникативной теории права [28], социально-конструктивистского подхода [18; 38; 39] и др. При этом человекообразность как принцип познания правовой реальности и сегодня позволяет методологически осуществлять синтез психики и личностных структур человека в праве, прежде всего его юридически значимых свойств, образований, состояний, ценностных ориентаций, направленности и взаимоотношений.

С точки зрения А. В. Полякова, одного из продолжателей петербургской школы права, именно правовая коммуникация, а не правовая эмоция сегодня является центральным понятием теории Л. И. Петражицкого [28]. Логика правовой коммуникации заключается в том, что субъекты права (как минимум двое) вначале осуществляют интерпретацию, т. е. понимание и объяснение смысла правовых текстов (его знакового выражения), а затем совершают юридически значимую деятельность.

Рефлексия теории Л. И. Петражицкого в работах юристов выходит далеко за рамки анализа его заблуждений или абсолютизации психологизма в праве. Так, Н. В. Разуваев исследует идеи социального конструкти-

визма в праве: «Отправной точкой постклассического правопонимания являются именно человек и его субъективные права, выступающие исходным, базовым уровнем правовой реальности» [38, с. 86].

А. В. Стомба делает акцент на человекомерности, а также нарративности методологии Л. И. Петражицкого, приходит к выводу, что между психологической теорией права и идеями динамического правопонимания существует несомненное сходство [39].

Вполне по-современному трактуется идея Л. И. Петражицкого о субъекте права, что дает основания предположить следующее: «Исторической предпосылкой появления права и его феноменов (включая и такие, как государство) является формирование человеческой субъективности, по мере выделения из окружающего ее мира осознающей себя в качестве таковой» [38, с. 84].

Естественно, с позиции достижений современной психологии многие идеи и подходы Л. И. Петражицкого могут показаться наивными. Но и сегодня трудно не согласиться с ученым в стремлении преодолеть формальный юридизм, догматическое правовое представление и открыть тайну механизмов правового поведения человека. По сути дела, психологическое учение Л. И. Петражицкого можно справедливо отнести к неклассической методологии познания.

Вместе с тем возникает вопрос, почему некоторые идеи, в частности о субъекте права, в их инструментальном значении оказались невостребованными в правовой науке XX в. По всей видимости, как тогда, так и сегодня это объясняется тем, что множество верных идей и наблюдений, теоретических обобщений и концептуальных положений психологической науки с трудом поддаются операционализации, т. е. превращению в форму рабочего аппарата права, пригодного для его применения на уровне юридической практики. Оказывается, у права, как, впрочем, и у психологии, имеются свои гносеологические возможности и границы. Отсюда в праве и психологии всегда есть соблазн вынести существование некоторых правовых или психологических явлений за пределы их формальных научных границ. Когда это случается, то наблюдаются формальное цитирование психологических публикаций и формальное признание, например, того, что в «характеристике человекомерности есть и психологический компонент» и что «современные антрополого-правовые воззрения исходят из ситуации „возвращения человека“ в правовую реальность наряду с субъектностью или поверх нее» [40].

Современное общество все более отчетливо осознает, что такие антропологические процессы, как свобода, ответственность, воля, нравственность (ценность) и вытекающая из нее справедливость, сохраняют свою валидность и для психологии. Одновременно с этим и такие социальные явления, как агрессивность, коррупция, неравенство доходов, а также характерные для современного рыночного общества феномены нигилизма, бесстыдства, нравственной опустошенности, цинизма имеют

психологическую составляющую, а их научное изучение и решение не могут быть полноценными без активного участия психологической науки. Другими словами, есть все основания предполагать, что те вызовы, которые ожидают как цивилизацию в целом, так и наше российское общество, будут «психологизированы» не меньше, нежели современные проблемы [41].

Выводы

По мнению психологов и юристов, психологизация права носит закономерный характер, так как совершенствование правового механизма регуляции правоприменительной деятельности не может быть полноценным без психологической составляющей. Правовая реальность, как ее понимают юристы [42], опосредуется системой психологических состояний, отношений, образов мира и поведения людей в разнообразных контекстах социальных процессов. Вместе с тем в современной правовой науке на фоне признания очевидной неспособности социологического подхода дать ответ на все существующие в обществе вызовы еще не сложилась стойкая тенденция к системному обращению юристов к достижениям современной юридической психологии.

В настоящий период приходится по-новому истолковывать существо современного права и юридической психологии: обе дисциплины «допускают» интерпретативное начало в познании. В эпоху постмодерна, когда границы между правомерным и противоправным релятивны и когда духовно-нравственные основания права вместо того, чтобы обеспечивать безальтернативное различие добра и зла, бесконечно продуцируют множество различных смыслов, интерпретативный тип познания становится наиболее востребованным.

Психологическая устойчивость общества к воздействиям криминального мира во многом определяется именно характером и направленностью процессов психологизации и юридизации правовой системы государства. Под юридизацией понимается нормирование общественной жизни с помощью специальных правил, а именно юридического права, исходящего от государства. Тогда как смысл психологизации заключается в системном применении психологических технологий в юридической деятельности, с тем чтобы успевать за «системной динамикой общественного развития».

За разделением на психологическое и юридическое обозначается весьма существенная методологическая проблема: что задает фундаментальный дуализм и какие функции указанных процессов в данном контексте отвечают за его преодоление? Очевидно, что право за-

дает внешний контур антиномии в форме духовных, социокультурных доминант, психологическое — психофизиологических доминант психики. Противопоставление между ними не носит абсолютного характера, так как и право, и социальная психика личности являются результатом длительной эволюции и последовательного усложнения, самоорганизации более простых форм социального поведения в более сложные. С этой точки зрения право представляет собой процессы структурно-содержательного усложнения нормативного поведения человека с последующим упрощением и свертыванием императивной сущности права в культурных контекстах жизнедеятельности субъекта. В психологии под этим понимается тот самый процесс «психологизации», когда объективная социальная реальность трансформируется, инкорпорируется во внутренний мир личности, определяя ее психологическое состояние и поведение. Другими словами, психические феномены встраиваются в социально-правовые явления, образуют их психологический компонент и задают «психолого-юридический масштаб личности».

Непреодоленный дуализм между процессами психологизации и юридизации объясняется разрушением социальности в начале XXI в. с одновременным усложнением системы социальных координат, существующими противоречиями между мировоззренческими онтологиями психологов и юристов, исповедующих различные гуманитарные парадигмы познания человека и права. В целом современное состояние методологии в психологии и праве характеризуется широтой стратегий, наличием конкурирующих друг с другом исследовательских программ, теоретических идей, способов концептуализации, ориентированных или на отечественные традиционные школы, или на постмодернистские направления в науке. Методологическая неоднородность в представлениях юристов и психологов о способах и границах взаимного заимствования порождает методические затруднения в прикладных научных исследованиях механизмов психологизации в праве.

Перспективы. Статья представляет собой попытку концептуализации основных механизмов психологизации и юридизации, составляющих внутренний источник самодвижения и самоопределения предмета юридической психологии. При этом количество раскрытых в статье факторов не является исчерпывающим, так как за рамками анализа остаются другие важные для настоящего исследования социально-правовые и психологические явления.

Список источников

1. Поздняков В. М. Психологическая юриспруденция как область интересов юристов и психологов // Психология и юриспруденция в динамично изменяющемся мире : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. М., 2012. С. 307–316.
2. Поздняков В. М. Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики // Психология и право. 2017. № 1(7). С. 209–219. doi: 10.17759/psylaw.207070117.
3. Сорокин В. В. Правовая психология: вопросы общей теории права : монография. М., 2015. 316 с.
4. Дубинина Е. Н. Юридизация отношений в современном обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.

5. Колоскова И. Ю., Соколов Н. Я. Юристы как социально-профессиональная группа (советский период) // Государство и право. 2003. № 10. С. 63–70.
6. Чимаров С. Ю., Алексеев А. А. Деонтологические основы служебной дисциплины полиции государств африканского региона : монография. СПб., 2021. 144 с.
7. Молчанов С. В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2011. № 2. С. 59–72.
8. Шаранов Ю. А., Боброва И. А., Ситников В. Л. Психологические особенности деонтологического регулирования поведения сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 2(85). С. 126–134.
9. Петряков Л. Д. Дискурсивная реальность как объект философского анализа: онтологический и гносеологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2014. 53 с.
10. Куайн У. Слово и объект. М., 2000. 386 с.
11. Степин В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59.
12. Трофимов В. В. Методология исследования правообразования // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 1987. С. 478–479.
13. Хайдеггер М. Вопрос о технике. Бытие и время. М., 1993. С. 221–238.
14. Шувалов И. И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 87–97.
15. Бачинин В. А. Основы социологии права и преступности. СПб., 2001. 869 с.
16. Сорочкин В. В. Общее учение о государстве и праве переходного периода : монография. М., 2010. 424 с.
17. Пышьева Е. А. Самоорганизация в сфере правотворчества // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 38–40.
18. Спиридонов Л. И. Криминологический факт и его оценка // Криминология и уголовная политика : сб. мат-лов советско-скандинавского симпозиума, 1983. М., 1985. С. 19–22.
19. Белоусов С. А. Правотворчество и законодательный дисбаланс: диалектика взаимосвязи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 1. С. 63–68.
20. Борисов А. С., Меркулов П. А. Некоторые проблемы современного правотворчества в России // Социум и власть. 2015. № 3(53). С. 67–68.
21. Шувалов И. И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования. М., 2006. 142 с.
22. Спицнадель В. Н. Основы системного анализа : учеб. пособие. СПб., 2000. 324 с.
23. Александров А. С. Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 32–35.
24. Александров А. С. «Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение. 2002. № 4. С. 34–47.
25. Енгальчев В. Ф. Юридическая психоллингвистика // Прикладная юридическая психология : учеб. пособие для вузов. М., 2001. С. 399–406.
26. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 380 с.
27. Ерохина Ю. В. Правовой постмодернизм в России: особенности проявления. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=4921> (сетевой ресурс).
28. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник. 2-е изд. М., 2016. 832 с.
29. Губанов Н. И. Методологические аспекты проблемы соответствия между объектом, нейродинамическим кодом и психическим образом // Психологический журнал. 1987. Т. 8, № 3. С. 118–129.
30. Крусс В. И. К юбилею Льва Иосифовича Петражицкого. Психологическое измерение в конституционном правопонимании: опыт доктринальной рецепции // Правоведение. 2017. № 6. С. 42–46.
31. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд., доп. М., 1974. 447 с.
32. Грызлова В. В. Психологизм в философии права : дис. ... канд. филос. наук. М., 1998. 186 с.
33. Рыбаков В. А. Правотворчество в переходный период развития права // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 652–657.
34. Ситникова И. Е. Политический плюрализм и правотворчество в современном Российском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2010. 20 с.
35. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовая реальность России: константы и переменные // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 163–169.
36. Павлов В. И. К юбилею Льва Иосифовича Петражицкого. Учение о человеке в психологической концепции права Л. И. Петражицкого в современной антропологии права // Правоведение. 2017. № 6. С. 88–104.
37. Постклассическая онтология права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. 684 с.
38. Разуваев Н. В. Право: социально-конструктивистский подход // Известия вузов. Правоведение. 2015. № 5. С. 49–99.
39. Стовба А. В. К юбилею Льва Иосифовича Петражицкого. Старое вино и новые меха? Л. И. Петражицкий и динамическое правопонимание // Правоведение. 2017. № 6. С. 184–192.
40. Павлов В. И. Учение о человеке в психологической концепции права Л. И. Петражицкого и в современной антропологии права // Правоведение. 2017. № 6. С. 87–105.
41. Юревич А. В. Психология социальных явлений. М., 2014. 349 с.
42. Оль П. А. Правовая реальность: формально-содержательный анализ : монография / под ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. СПб., 2005. 187 с.

Поступила 24.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята в печать 30.11.2021.
Заявленный вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Pozdnyakov V. M. Psychological Jurisprudence as the Area of Lawyers' and Psychologists' Concerns. Psychology and Jurisprudence in the Dynamically Changing world. Collected materials of the international scientific and practical conference. Moscow, 2012. Pp. 307–316. (In Russ.)
2. Pozdnyakov V. M. Psychological Jurisprudence as the Interdisciplinary Science and Area of Psychopractice. *Psychology and Law*. 2017. No 1(7). Pp. 209–219. <https://doi.org/10.17759/psylaw.207070117>. (In Russ.)
3. Sorokin V. V. Legal Psychology: Issues of General Theory of Law. Moscow, 2015. 316 p. (In Russ.)
4. Dubinina E. N. Legalization of Relations in the Modern Society. Candidate of sciences dissertation (in Law). Moscow, 2010. 27 p. (In Russ.)
5. Koloskova I. Yu., Sokolov N. Ya. Lawyers as a Social and professional group (Soviet period). *State and Law*. 2003. No. 10. Pp. 63–70. (In Russ.)
6. Chimarev S. Yu., Alexeev A. A. Deontological Fundamentals of Service Discipline of Police in the States of African region. St. Petersburg, 2021. 144 p. (In Russ.)
7. Molchanov S. V. Moral of Justice and Moral of Care: Foreign and Domestic Approaches to Moral Development. *Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology*. 2011. No. 2. Pp. 59–72. (In Russ.)
8. Sharanov Yu. A., Bobrova I. A., Sitnikov V. L. Psychological Peculiarities of Deontological Regulation of Police Officers' Behaviour. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2021. Vol. 26, No. 2(85). Pp. 126–134. (In Russ.)
9. Petryakov L. D. Discourse Reality as the Object of Philosophical Analysis: Ontological and Epistemological Aspects. Extended abstract of Doctor of sciences dissertation (in Philosophy). Ivanovo, 2014. 53 p. (In Russ.)
10. Quine W. Word and Object. Moscow, 2000. 386 p. (In Russ.)
11. Stepin V. S. Types of Scientific Rationality and Synergetic Paradigm. *Complexity. Intelligence. Post-non-classic*. 2013. No. 4. Pp. 45–59. (In Russ.)
12. Trofimov V. V. Methodology of Studying Law Formation. Modern Methods of Study in Jurisprudence. Ed. by Matuzov N. I., Malko A. V. Saratov, 1987. Pp. 478–479. (In Russ.)
13. Heidegger M. Question of Technique. Being and Time. Moscow, 1993. Pp. 221–238. (In Russ.)
14. Shuvalov I. I. The Problem of Effective Lawmaking within Modern Political Legal Theory of Managing the Society. *Journal of Russian Law*. 2005. No. 4. Pp. 87–97. (In Russ.)
15. Bachinin V. A. Fundamentals of Sociology of Law and Crime. St. Petersburg, 2001. 869 p. (In Russ.)
16. Sorokin V. V. General Study of State and Law of Transition Period. Moscow, 2010. 424 p. (In Russ.)
17. Pyshieva E. A. Self-Organization in Lawmaking area. *Bulletin of the Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2015. No. 1. Pp. 38–40. (In Russ.)
18. Spiridonov L. I. Criminological Fact and its Assessment. Criminology and Criminal Policy. Collected materials of Soviet-Scandinavian Symposium. 1983. Moscow, 1985. Pp. 19–22. (In Russ.)
19. Belousov S. A. Lawmaking and Legislative Imbalance: Dialectics of Interconnection. *Bulletin of Voronezh State University. Series «Law»*. 2015. No. 1. Pp. 63–68. (In Russ.)
20. Borisov A. S., Merkulov P. A. Some Problems of Modern Lawmaking in Russia. Society and Power. 2015. No. 3(53). Pp. 67–68. (In Russ.)
21. Shuvalov I. I. Lawmaking in the mechanism of Society Management: Necessity of Complex Study. Moscow, 2006. 142 p. (In Russ.)
22. Spitznadel V. N. Fundamentals of System Analysis. St. Petersburg, 2000. 324 p. (In Russ.)
23. Alexandrov A. S. Juridical Technique — Forensic Linguistics — Grammar of Law. *Criminal Proceedings*. 2007. No. 2. Pp. 32–35. (In Russ.)
24. Alexandrov A. S. «Praise» of the Theory of Formal Proofs. *Jurisprudence*. 2002. No. 4. Pp. 34–47. (In Russ.)
25. Engalychev V. F. Juridical Psycholinguistics. Applied Legal Psychology. Moscow, 2001. Pp. 399–406. (In Russ.)
26. Polyakov A. V. Communicative Conception of Law (Genesis and Theoretical Legal Grounds). Doctor of sciences dissertation (in Law). St. Petersburg, 2002. 380 p. (In Russ.)
27. Erokhina Yu. V. Legal Postmodern in Russia: Peculiarities of Manifestation. <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=4921>. (In Russ.)
28. Polyakov A. V. General Theory of Law: Problems of Interpretation in the context of Communicative Approach. 2nd edition. Moscow, 2016. 832 p. (In Russ.)
29. Gubanov N. I. Methodological Aspects of the Problem of Correspondence between the Object, the Neurodynamic Code and the Mental Image. *Psychological Journal*. 1987. Vol. 8, No. 3. Pp. 118–129. (In Russ.)
30. Kruss V. I. To the Anniversary of Petrazhysky Lev Iosifovich. Psychological Dimension in Constitutional Legal Understanding: Experience of Doctrinal Reception. *Jurisprudence*. 2017. No. 6. Pp. 42–46. (In Russ.)
31. Yaroshevsky M. G. Psychology in the 20th century: Theoretical Problems of Development of Psychological Science. 2nd edition. Moscow, 1974. 447 p. (In Russ.)
32. Gryzlova V. V. Psychologism in the Philosophy of Law. Candidate of sciences dissertation (in Philosophy). Moscow, 1998. 186 p. (In Russ.)
33. Rybakov V. A. Lawmaking in Transition Period of Development of Law. *Juridical Technique*. 2015. No. 9. Pp. 652–657. (In Russ.)
34. Sitnikova I. E. Political Pluralism and Lawmaking in the Modern Russian State. Extended abstract of Candidate of sciences dissertation (in Law). Kazan, 2010. 20 p. (In Russ.)
35. Skorobogatov A. V., Krasnov A. V. Legal Reality of Russia: Constants and Variables. *Current Problems of Economics and Law*. 2015. No. 2. Pp. 163–169. (In Russ.)
36. Pavlov V. I. To the Anniversary of Petrazhysky Lev Iosifovich. Study of Human in Petrazhysky L.I. Psychological Conception of Law in the Modern Anthropology of Law. *Jurisprudence*. 2017. No. 6. Pp. 88–104. (In Russ.)
37. Postclassical Ontology of Law. Ed. by Chestnov I. L. St. Petersburg, 2016. 684 p. (In Russ.)
38. Razuvaev N. V. Law: Social Constructivist Approach. Proceedings of Universities. *Jurisprudence*. 2015. No. 5. Pp. 49–99. (In Russ.)
39. Stovba A. V. To the Anniversary of Petrazhysky Lev Iosifovich. Old Wine and New Wineskins? Petrazhysky L.I. and Dynamical Legal Understanding. *Jurisprudence*. 2017. No. 6. Pp. 184–192. (In Russ.)
40. Pavlov V. I. Study of Human in Petrazhysky L. I. Psychological Conception of Law in the Modern Anthropolgy of Law. *Jurisprudense*. 2017. № 6. Pp. 87–105. (In Russ.)
41. Yurevich A. V. Psychology of Social Phenomena. Moscow, 2014. 349 p. (In Russ.)
42. Ol' P. A. Legal Reality: Formal Content Analysis. Ed. by Salnikov V.P., Romashov R. A. St. Petersburg, 2005. 187 p. (In Russ.)

Submitted: 24.11.2021; approved after reviewing: 30.11.2021; accepted for publication: 30.11.2021.
The authors' alleged contribution: all the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.

Психолого-педагогические аспекты становления и развития личности

Psychological and pedagogical aspects of personality formation and development

Scientific and Practical Article

UDC 159.9. 0723 © G. S. Chovdyrova, E. V. Ivanova, S. V. Prokurova, P. T. Tyurin, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-18-24

5.3.3 Labor psychology, engineering psychology, ergonomics

Resource model of the self-esteem structure and its impact on the stress-coping strategies of police officers

Gulshat S. Chovdyrova¹, Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Medical Sciences, Professor; Gulchat1944@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8354-8009>

Elena V. Ivanova¹, Psychologist of Personnel Service; 00206@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5091-4191>

Sophia V. Prokurova^{2,3}, Candidate of Sciences (in Psychology), associate-professor at the Department of Sociology, General and Legal Psychology; sofya.prokurova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2880-9728>

Pavel T. Tyurin⁴, Doctor of Sciences (in Psychology), Professor, Professor of the Department of Psychology; pavel.tjurins@e-teliamtc.lv

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 117997, Moscow, Russian Federation

² Volgograd Institute of Management of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 8 Gagarina st., Volgograd, 400066, Russian Federation

³ Volgograd State Medical University, 1 Pavshikh Bortsov sq., Volgograd, 400131, Russia

⁴ the Baltic International Academy, 4 Lomonosov st., Riga, LV-1019, Latvia

Abstract

Introduction. The work of police officers mainly with the antisocial part of the population increases the conflict between the three sides of self-esteem — I (real, ideal, social), which can contribute to the emergence of cognitive dissonance and the choice of maladaptive coping, and, conversely, the predominance of maladaptive coping, will indicate the presence of a conflict of interests between the three I and an increase in the risk of developing adaptation diseases in police officers. The aim is to determine the influence of the self-esteem structure on the adaptability of defense mechanisms when choosing coping strategies. **Materials and methods.** On the basis of the theoretical self-assessment model developed by the authors, experimental testing data on Khaimah and Budassia of 85 police officers of various services aged from 22 to 45 years are considered. **Results and discussion.** The work has shown that the orientation of copings depends on the problem being solved and coping strategies can be combined, it is impossible, in this case, to speak unequivocally about their problematic or emotional orientation. Along with the predominance of adaptive emotionally-oriented coping, maladaptive coping was also identified: 10.5% (suppression of emotions and emotional discharge;) and 8.5% (active avoidance), which, with prolonged accumulation, can pose a threat to health in the form of adaptation diseases, which indicates the need for a psychologist to conduct psychoprophylaxis. **Conclusions.** In extreme situations, self-esteem as a Self-concept is an evaluation indicator, and can participate in sublimation processes, i. e. in the processes of activating protective mechanisms in case of sudden threats to the life and health of employees; quantitative and qualitative assessment of the level of expression of self-esteem, i. e. the determination of its adequacy and adaptability, with participation in coping strategies, is an informative experimental part of this theoretical model and confirms the assumptions existing in the literature about the resourcing of self-esteem as a Self-concept under stress. More people with adequately normal and adequately inflated self-esteem tend to get into the ranks of the police, which contributes to the predominance of their choice of adaptive coping strategies in the form of optimism (88.2%).

Keywords: self-esteem and claims; "I"-(real,- ideal, -social); coping resources; coping strategies; defense mechanisms; coping behavior; police officers; stress

Citation: Chovdyrova G. S., Ivanova E. V., Prokurova S. V., Tyurin P. T. Resource model of self-esteem structure and its influence on stress-coping strategies of police officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 18–24. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-18-24>

Key points

1. The interest in the resource model of personality is due to the fact that a person is often limited in the means of connecting his abilities to cope with difficult life situations and in the ability to redistribute them between different

channels of perception during the sudden emergence of the need to resist stress and make a decision.

2. Employees of internal affairs bodies also have to face this problem in stressful and extreme conditions of activity, when not only cognitive, but also emotional

and behavioral coping strategies with stress are needed in conditions of sudden losses and threats. While the views of scientists differ, there is no single vision of the genesis of the influence of intrapersonal resources, while with social resources depending on the social system and the material capabilities of the environment, everything is more or less explicable.

Introduction

Relevance and significance. In our opinion, it is not scientifically justified to endlessly expand the boundaries of intrapersonal resources, since each element called a resource requires empirical evidence of its resourcefulness, otherwise all mental components of the organism, for example, mental processes, mental properties, formations, states, can be attributed to internal mental resources without evidence. Therefore, at present the problem is to present evidence of the existence of mechanisms of action and interaction of each resource, considered within the framework of adaptability of personal coping, under stress, so that they can be adjusted when applied, if necessary.

Lazarus and Folkman [1] and their followers, within the framework of coping strategies, returned to the resource approach as intrapersonal and social mechanisms of coping behavior. However, in the study of human resources in the activity of the individual, it has not yet been clarified from where a person constantly draws these resources in daily stressful situations. Therefore, the so-called resource model of stress is being increasingly discussed, in order to cope with which a person must take these resources from somewhere.

According to Hobfoll and co-authors [2–4] in this model, stress develops as a result of externally caused losses: fire, earthquake, death of children, parents, divorce, etc.; or with internal: illness, depression, etc., or with the threat of these situations. These authors believe that in the resource model, stress is assessed through the category of loss or expenditure of resources. It should be noted that this model of stress has received a conceptual justification in relation to the extreme conditions of social processes.

Therefore, we consider it relevant to study *self-esteem* as a resource for coping with extreme situations.

The self-assessment of police officers as representatives of the executive power in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia is of particular interest, both from the point of view of their social status and their moral and legal relationships with the population. The specifics of these relationships are based on a deliberately conflicting legal basis, since offenders are hiding from justice, the police are forced to detain them and bring them to court. However, it is known that the process of search, detention, search, and other operational search activities (ORM), regulated by law, poses a potential threat to the life and health of both parties. Since these events in the activities of the police are of a permanent nature, which is fraught with the accumulation of fatigue and depletion of energy

potential (с 4страницы)Therefore, it is necessary to look for additional resources that would help adaptive coping with such stressful situations.

This is necessary, respectively, to develop measures for the prevention and psychocorrection of maladaptive disorders and to train future police officers in these measures [5–8].

According to R. Lazarus and S. Folkman, the assessment of the situation and the qualities of its controllability and uncontrollability predetermines the use of a certain type of coping by a person. So, in controlled situations, in most cases, problem-oriented coping is chosen, in uncontrolled situations — emotionally-oriented. Police officers have both situations, since their activities are connected both with social cataclysms, when the solution of the problem does not depend on a particular policeman, and with private conflict clashes, when the solution of the problem is not controlled and depends on all participants in the events.

According to S. Hobfoll and co-authors, the loss of both internal resources (as a result of burnout and exhaustion) and external — socially significant resources (in the form of material values, etc.), can currently be the main cause of stress in police officers. The role of internal resources, such as self-esteem, in coping with stress has not yet been studied empirically in police officers. But since it is necessary to first touch on theoretical and methodological justifications, for brevity we have compiled a theoretical model (Table.). This allowed us to justify our choice of the object of research.

The object of our research we chose self-esteem as a *Self-concept* of personality, which can assess difficult situations from the point of view of the individual's own capabilities and allows you to control the outcomes of situations, i.e. the ability to cope with them in time when well-being is threatened.

The subject of the study is an experimental study of the connections of psychological mechanisms of the influence of self-esteem as an "I" structure on the adaptability of coping (coping) behavior of police officers under stress.

The purpose of this study is to determine the possibilities of adaptation of police officers to stressful conditions of activity through the level of expression of their adequate self-esteem in extreme conditions.

Tasks: to identify the level of severity of self-esteem (overestimated-underestimated) in police officers; to assess the adaptability of coping depending on it in order to protect the psychological health of police officers from the threat of negative effects of stress.

The scientific novelty consists in an attempt to determine the role of self-esteem in the resource model of stress, in an experiment, by identifying the connections of its internal overstated-understated mechanisms for evaluating coping behavior strategies for developing adequate methods of psychoprophylaxis, psychocorrection and training of future police officers in the future.

Table. Justification of the coping resource model of the structure of self-esteem of the individual

Serial number	The authors of theories and methods of self-esteem diagnostics and their vision of the structure of the connection of the Self-concept with stress and with the choice of coping strategies
1. William James	Developed the characteristics of the two extreme types of self-assessment, which include two opposite feelings: complacency inflated self-esteem (samopoczucie, arrogance, arrogance); and dissatisfaction — low self-esteem, (modesty, anxiety, despair, shame), formula =success/claims. Later, the average optimal self-esteem was also recognized
2. Z. Freud	When the «I» acts in favor of the «It», then the «Super-I» and the «I»-the real conflict. In such a situation, a person needs to be saved with the help of such protective mechanisms as repression, projection, regression, sublimation, etc., described by Z. Freud in his psychoanalysis. This circumstance, studied by the author, speaks about the mechanism of transition of unconscious reactions into conscious behavior through sublimation in different life situations
3. R. Rogers	Believed that in the case of significant differences between the «I»-ideal and the «I»-real, a person feels psychological dissonance, since the «I»-ideal is an image of the «I» that a person would like to match and that this tendency is hereditary and inherent in any person as a desire for selfhood. Rogers revealed that some subjects can create a false image of themselves, trying to look better, they represent a positive, but false Self-concept. This formed the basis of his client-centered psychotherapy
4. Ch. Cooley	Put forward the concept of the «mirror Self», proving that a person's self-esteem is based on the opinions of others and is formed in a group where a person integrates his values and beliefs into this environment. Cooley believed that where there is no social communication, there can be no developed thinking
5. D. Mead	Supplemented Cooley's theory, believing that the development of the Self-concept of a person is a social process taking place inside the personality, from which the «I-knowing» and «I-empirical» are born
6. E. Erikson	Believed that the Self-identity of a person, being formed in parallel with the group, develops gradually, preparing to communicate with a wide social circle and society is interested in providing people with such an opportunity (cooperation)
7. R. Burns	According to Burns, is predisposed to maladaptive behavior, conscious, but not always coincident 3-attitudes in behavior: 1) the real Self — associated with the perception of one's own abilities; 2) the mirror (social) Self — related to how others see him; 3) ideal Self — related to a person's ideas about how he would like to see himself. The coincidence of these characteristics is the basis for correct perception and behavior of a person, and is an indicator of his mental health
8. L. Festinger	Formulated the theory of cognitive dissonance, which confirms both the presence of psychological defense mechanisms and the presence of intrapersonal conflict between the parts I according to Freud and Burns
9. G. Selye	Stress is a general adaptation syndrome (combines physiological, clinical, psychological and behavioral indicators of personality adaptation), which affects the choice of coping strategies in society. Types of copings: fight, flight and cooperation
10. R. Lazarus and S. Folkman	Their followers, within the framework of coping strategies, consider the resource approach as intrapersonal and social mechanisms of coping behavior. Since the self-esteem of a person in the scientific literature exists as an assessment of one's own vision and self-assessment within the framework of controllability and uncontrollability of decisions made and determines the use of a particular type of coping by a person, the authors believe that in controlled situations, in most cases, problem-oriented coping is chosen, in uncontrolled — emotionally-oriented. In the developed methodology of the authors, 8 coping strategies are proposed
11. E. Heim	Proposed adaptive, relatively adaptive and non-adaptive forms of coping strategies with cognitive, emotional and behavioral reactions that can be determined. It became possible to qualitatively assess the level of expression of self-esteem, its connection with the adaptability of coping strategies (for correcting the choice of maladaptive forms of coping in people who have experienced stress and those with maladaptive disorders - for the formation of adaptive behavior in society)
12. S. A. Budassi	Has developed a quantitative measurement of the level of self-esteem - the discrepancy between the I-real and I-ideal personality. This difference corresponds to the level of self-esteem of the individual. Therefore, it became possible to determine 5 levels of expression of self-esteem of the personality of the police

The significance of this study lies in the fact that it shows the relationship between the resource model of stress and the Self-concept of personality through the identification of the conflict between the real Self and the ideal Self, which will allow us to further scientifically interpret dissonant states and evaluate the directions of their psychoprophylaxis and psychocorrection.

Theoretical background. The study of the theoretical and methodological foundations of self-esteem as a Self-concept of personality allowed us to develop a theoretical model of self-esteem and briefly present it as follows (Table).

In Table, we have developed and presented a theoretical coping resource model based on the study of the works of W. James [9, pp. 80–90], Z. Freud [10, pp. 27–57], K. Rogers [11–12], Ch. Cooley [13], E. Erickson [14], R. Burns [15], J. Herbert Mead [16], G. Selye [17], L. Festinger [18] and their followers in our country [19–25]. This model of partial methodology and methods reveals the structure of self-esteem and its relationship with the external environment and with coping and shows that:

— self-esteem as an internal resource, closely interacts with the external social resources of society as a genotype with a phenotype and develops [13; 16] as a property of personality;

— in extreme situations, self-esteem is an evaluative indicator, and can participate in the processes of sublimation, i.e. in the processes of activation of protective mechanisms, and can also show conflict-dissonant interaction of its parties [10], and in the absence of conflict — the state of adaptability and mental health [11–12; 15];

— quantitative and qualitative assessment of the level of self-esteem severity, i.e. determination of adequacy and adaptability with participation in coping strategies, is possible [24–25].

In addition, this model allowed us to assume the following hypotheses:

— frequent clashes between police officers and the antisocial part of the population may indicate an increase in the conflict between the three sides of self-esteem — I — (real, ideal, social), which may contribute to the emergence of cognitive dissonance and the choice of maladaptive copings, and, conversely, the predominance of maladaptive copings, will indicate the degree of severity of the conflict of interests between the three and the possibilities for the development of adaptation diseases in police officers;

— the types of reactions in our experimental group, among police officers, can be expressed in approximately

equal proportions, since a group mixed by the specifics of activity can show different types of responses (cognitive, emotional and behavioral) to professional stresses.

The material and research methods

The experiment involved 85 employees police services of the aged from 22 to 45 years, serving in practical units (operatives, investigators, interrogators).

E. Heim's test [24] allowed us to study 26 types of police response to a difficult situation of dealing with stress by three psychological processes: cognitive, emotional and behavioral by choosing the appropriate words. The choices in this case can be: "A" — adaptive, allowing to solve the problem; "OA" — relatively adaptive (helping); "NA" — not adaptive (aggravating)

Budassi's methodology [25] quantified the levels of self-esteem of the individual and the relationship between the rank ratings of "I am ideal" and "I am real" by ranking 48 words, and determined the degree of conformity of a person's self-image to objective indicators, i. e. the evaluative adequacy of the police.

Statistical processing was carried out using Spearman's rank correlation coefficient to identify the relationship between two characteristics — the level of self-esteem and the adaptability of coping selection in one group of subjects.

The methods of conversation and observation were used to evaluate the results when identifying the correspondence of clinical-behavioral verbal information to statistical data.

Results of an empirical study

The number of choices of coping options for police officers, characterized their personal properties, respectively, 5 levels of adequacy of their self-esteem (to the Budassi method):

- 1) high adequate — from +0.84 to +0.53 of them were detected, 21.2%±2.2;
- 2) high inadequate — from — 1.0 to + 0.85- they were detected 10,7%±2.4;
- 3) the average adequate — from +0.52 to -0.1 was detected in 49.7%±1.0;
- 4) low from -0.09 to -0.32 revealed 10.4%±2.5;
- 5) low inadequate from -0.33 to -1.0 revealed 7%±2.6.

An adequate level (from +0.52 to -0.1) was detected in the largest number of — 49.7% police officers. Police officers with adequate self-esteem openly assessed their actions in the conversation. They openly talked about their mistakes and critically overestimated their actions with the recognition of the mistakes made. At the same time, they noted that they have the necessary experience and relevant knowledge and skills. These employees revealed a statistically significant relationship between adequate self-esteem and adaptive choices: "optimism"; "problem analysis". Their adequately high self-esteem from (+0.84 to +0.53) when studying personal affairs of some individuals correlates with significant achievements in activity, in our sample they are 21.2% 2.2. In these

individuals with adequately normal and adequately inflated self-esteem, there is an excess of adaptive choices at the level of $p=0.005$, respectively 49.7% and 21.2% in total 70.9%. According to these results, it can be judged that more people with adequately normal and adequately inflated self-esteem tend to get into the ranks of the police.

Indicators of the nature of coping adaptability according to the Heim test:

- 1) among adaptive choices (A) preference is given to emotionally-oriented coping — 88.2%, (optimism); Behavioral — 24.3% (cooperation) in second place; cognitive — 21.2% (problem analysis) in third place;
- 2) among the non-adaptive choices (NA), emotional ones also prevail — 10.5% (suppression of emotions and emotional discharge); and behavioral 8.5% (active avoidance);
- 3) among the relatively adaptive (OA), cognitive — 76.5% prevail (maintaining self-control and giving meaning) and behavioral 68.2% (distraction, conversion).

It can be stated that adaptive choices (A) statistically significantly prevail at the level of $P<0.001$ than (NA) and are emotionally oriented. In second place in importance among OA — cognitive choices 76.5%.

Discussion of the results

Assumptions that: frequent clashes between police officers and the antisocial part of the population may increase the conflict between the three sides of self-esteem- I-(real, ideal, social) was confirmed by the presence of a choice of maladaptive copings: emotional — 10.5% (suppression of emotions and emotional discharge); and behavioral — 8.5% (active avoidance), but they did not prevail. This indicates their insignificance and the absence of a pronounced conflict between the sides of the I-real and I-social at the moment. But with long-term existence, they create a cumulative threat to health, with the accumulation of signs of burnout and signs of stress disorders. Therefore, the work of a psychologist is necessary to conduct psychoprophylaxis of the accumulation of these disorders.

Our assumption is that the types of reactions to adaptation and coping behavior in our experimental group, among police officers, can be expressed in approximately equal proportions, since the group is mixed in specifics activity and gender, — was not confirmed. There were different types of reactions, but not equally.

Emotionally-oriented-adaptive choices significantly predominate in 88.2%. We associate the predominance of emotionally-oriented adaptive choices precisely with the problems of the need for wide communication between employees and the negatively-minded part of the population, namely, offenders. Therefore, the communicative orientation of police work on the asocial part of the population determines the emotional orientation of copings.

In this case, we agree with the arguments of Sirota and Yaltonsky that the orientation of copings depends on the problem being solved and coping strategies can be combined, it is impossible to speak unequivocally about their problematic or emotional orientation.

Conclusions

This study, as a result of studying a theoretical model with empirical confirmations of hypotheses, showed that in extreme situations self-esteem as a Self-concept is an evaluative indicator, and can participate in sublimation processes, i.e. in the processes of activating protective mechanisms in case of sudden threats to the life and health of employees.

Adaptive choices statistically significantly predominate at the level of $p < 0.001$ than non-adaptive ones and are emotionally oriented — 88.2%. In second place in importance among relatively adaptive: cognitive choices — 76.5%.

Quantitative and qualitative assessment of the level of self-esteem severity, i.e. determination of its adequacy and adaptability, with participation in coping strategies, is

an informative experimental part of this theoretical model and confirms the assumptions existing in the literature about the resourcing of self-esteem as a Self-concept under stress.

More people with adequately normal and adequately inflated self-esteem tend to get into the ranks of police officers, which also contributes to their choice of adaptive coping strategies in the form of optimism (88.2%). Low inadequate self-esteem in 7% and high inadequate self-esteem in 10.7% indicate the possibility of cognitive dissonance and conflict within the Self-concept.

In the future, in our further research, on a larger amount of material, we will present the final more refined structure of the general self-assessment resource model, which continues to be studied on experimental material. This will allow us to build adequate psychocorrection and adaptation training programs in the future police officers are prepared for stressful and extreme conditions of activity. Also, to develop methodological recommendations for practical psychologists and teachers on teaching the choice of adaptive coping under stress and- correction of inadequate self-esteem.

References

1. Lazarus R., Folkman S. Stress, assessment and overcoming it. N.-Y., 1984. 120 p.
2. Hobfoll S. Resource conservation. A new attempt at conceptualizing stress. *American psychologist*. 1989. No 3. Pp. 513–524.
3. Hobfoll S. Influence of culture, community and identity in the process of stress: development of the theory of conservation of resources. *Applied psychology: an international review*. 2001. No 50. Pp. 337–421.
4. Alvaro C., Lyons R. F., Warren G., Hobfoll S. E., Martens P. J., Labonte R., Brown R. E. Conservation of resources theory and research use in health systems. *Implementation Science*. 2010. No. 5. 79 p.
5. Chovdyrova G. S. Methodological aspects of coping strategies of police officers in adapting to stress. International Conference “Scientific research of synergy and integration of the SCO countries”. Beijing, 2021. Pp. 144–153. <https://orcid.org/0000-0002-8354-8009>.
6. Chovdyrova G. S. Pyatkina O. A. Theoretical aspects of the coping strategies of the individual in adapting to stress. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. Vol. 25, No. 1(83). 2021. Pp. 41–47. <https://orcid.org/10.24411/1999-6241-2020>. (In Russ.)
7. Sirota N. A., Yaltonsky V. M. Coping-behavior and psycho-prevention of psychosocial disorders in adolescents. V. M. Bekhterev *Review of Psychiatry and Medical Psychology*. 1994. No. 1. Pp. 63–71. (In Russ.)
8. Rogachev V. A., Konopleva I. N. The relationship of coping strategies of law enforcement officers with stylistic features of self-regulation. *Psychology and Law*. 2015. Vol. 5, No. 1. Pp. 129–146. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76161.shtml> (accessed: 30.07.2021). (In Russ.)
9. James W. Psychology. Transl. from English by Lapshin I. Moscow, 2020. 135 p. (In Russ.)
10. Freud Z. Introduction to psychoanalysis. Lectures. Moscow, 1989. 345 p. (In Russ.)
11. Rogers C. R. A look at psychotherapy. The formation of a person. Moscow, 1994. 480p. (In Russ.)
12. Rogers C. R. A theory of therapy, personality, and interpersonal relationships, as developed in the client-centered framework. *Psychology the study of a science*. Vol. 3. Formulations of the person and the social context. N.-Y., 1959. Pp. 178–188.
13. Cooley Charles Horton. Heredity or environment. *Journal of Applied Sociology*. No. 10. 2001. Pp. 303–307. (In Russ.)
14. Erikson E. Childhood and society. Moscow, 2019. 448 p. (In Russ.)
15. Burns Robert. The development of the Self-concept and education. Moscow, 1986. 160 p. (In Russ.)
16. Mead G. Herbert. The mind, the Self, and society. 1934. The philosophy of the present. Edited by Murphy A. I. Moscow, 2014. 272 p. (In Russ.)
17. Selye G. Essays on adaptation syndrome. Transl. from English by Kandror V. I. and Rogov A. A. Moscow, 1960. 254 p. (In Russ.)
18. Festinger L. Theory of cognitive dissonance. Transl. by Anistratenko I., Shnachev. St. Petersburg, 1999. Pp. 315–317. (In Russ.)
19. Antsyferova L. I. Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection. *Psychological Journal*. 1994. Vol. 15, No. 1. Pp. 3–18. (In Russ.)
20. Kryukova T. L. Psychology of coping behavior. Kostroma, 2004. Pp. 184–188. (In Russ.)
21. Nartova-Bochaver S. K. Copying behavior in the system of concepts of personality psychology. *Psychological Journal*. 1997. Vol. 18, No. 5. Pp. 20–30. (In Russ.)
22. Bodrov V. A. Psychological stress: development and overcoming. Moscow, 2006. 180 p. (In Russ.)
23. Lebedev I. B. Psychological mechanisms, strategies and resources of stress-overcoming behavior (coping behavior) of extreme specialists: on the example of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Extended abstract of Doctor of sciences dissertation (in Psychology). St. Petersburg, 2002. 50 p. (In Russ.)
24. Heim E. Copying and psychosocial adaptation. *Journal of Mental Health Counseling*. 1988. No. 10. Pp. 136–144.
25. Budassi S. A. Protective mechanisms of personality. Moscow, 1998. 354 p. (In Russ.)

Submitted: 08.11.2021; approved after reviewing: 30.11.2021; accepted for publication: 30.11.2021.

The authors' alleged contribution: all the authors have made an equal contribution to the publication.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК 159.9. 0723 © Г. С. Човдырова, Е. В. Иванова, С. В. Прокурова, П. Т. Тюрин, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-18-23

5.3.3 Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Ресурсная модель структуры самооценки и ее влияние на стрессовладающие стратегии полицейских

Гульшат Сулеймановна Човдырова¹, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии; Gulchat1944@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8354-8009>

Елена Владимировна Иванова¹, психолог группы по работе с личным составом; 00206@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5091-4191>

Софья Витальевна Прокурова^{2,3}, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии, доцент кафедры общей и клинической психологии; sofya.prokurova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2880-9728>

Павел Трофимович Тюрин⁴, доктор психологических наук, профессор; pavel.tjurins@e-teliamtc.lv

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12, Россия

² Волгоградский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 400066, Волгоград, ул. Гагарина, 8, Россия

³ Волгоградский государственный медицинский университет, 400131, Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, Россия

⁴ Международная Балтийская академия, Рига, LV-1019, ул. Ломоносова, 4, Латвия

Реферат

Введение. Работа полицейских преимущественно с асоциальной частью населения усиливает конфликт между тремя сторонами самооценки — Я-реальное, идеальное, социальное, что может способствовать возникновению когнитивного диссонанса и выбору неадаптивных копингов. И, наоборот, преобладание неадаптивных копингов будет свидетельствовать о наличии конфликта интересов между тремя Я и увеличении риска развития у полицейских болезней адаптации. Цель — определение влияния структуры самооценки на адаптивность защитных механизмов при выборе копинг-стратегий. **Материалы и методы.** На основе разработанной авторами теоретической модели самооценки рассматриваются экспериментальные данные тестирования по Хайму и Будассии 85 полицейских различных служб в возрасте от 22 до 45 лет. **Результаты и обсуждение.** Ориентированность копингов зависит от решаемой проблемы, и копинг-стратегии могут быть комбинированными. Однозначно говорить об их проблемной или эмоциональной ориентированности нельзя. Наряду с преобладанием адаптивных эмоционально ориентированных копингов выявлены и неадаптивные копинги: 10,5% — подавление эмоций и эмоциональная разрядка; и 8,5% — активное избегание, которые при длительном накоплении могут создать угрозу здоровью в виде болезней адаптации, что говорит о необходимости работы психолога по проведению психопрофилактики. **Выводы.** В экстремальных ситуациях самооценка как Я-концепция является оценочным показателем и может участвовать в процессах сублимации, т. е. включения защитных механизмов при внезапных угрозах жизни и здоровью сотрудников. Количественное и качественное оценивание уровня выраженности самооценки, т. е. определение ее адекватности и адаптивности, при участии в совладающих стратегиях является информативной опытной частью данной теоретической модели и подтверждает предположения, существующие в литературе, о ресурсности самооценки как Я-концепции при стрессах. В ряды полицейских стремятся попасть лица с адекватно нормальной и адекватно завышенной самооценкой, в связи с чем, как правило, преобладает выбор ими адаптивных копинг-стратегий в виде оптимизма (88,2%).

Ключевые слова: самооценка и притязания; Я-реальное; Я-идеальное; Я-социальное; копинг-ресурсы; копинг-стратегии; защитные механизмы; совладающее поведение; полицейские; стресс

Для цитирования: Човдырова Г. С., Иванова Е. В., Прокурова С. В., Тюрин П. Т. Ресурсная модель структуры самооценки и ее влияние на стрессовладающие стратегии полицейских // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 18–23. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-18-23>

Основные положения

1. Интерес к ресурсной модели личности обусловлен тем, что человек часто ограничен в средствах подключения своих возможностей совладания с трудными жизненными ситуациями и в умении их перераспределения между разными каналами восприятия.

2. С этой проблемой приходится сталкиваться и полицейским в напряженных и экстремальных

условиях деятельности, когда необходимы не только когнитивные, но и эмоциональные и поведенческие стратегии совладания (копинга) со стрессом при наличии внезапных потерь и угроз. Пока нет единого видения генеза влияния внутриличностных ресурсов, в то время как с социальными ресурсами, зависящими от социального строя и материальных возможностей среды, есть какая-то ясность.

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © Г. Ф. Тулитбаева, Е. В. Лапкина, В. А. Яннурова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-24-32

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Факторная структура личностных качеств и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов

Галина Фанилевна Тулитбаева¹, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии; tulitbaevagf@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3754-9473>

Елена Валерьевна Лапкина², кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; elena-lapkina@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3754-9473>

Виктория Аниловна Яннурова¹, студент факультета психологии; vikayannurova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3004-1922>

¹ Башкирский государственный университет, 450000, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, Россия

² Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, 150001, Ярославль, ул. Московский проспект, 28, Россия

Реферат

Введение. Рассматривается проблема взаимосвязи характеристик личности и стратегий поведения в стрессовой ситуации сотрудников правоохранительных органов. Цель — описать факторную структуру характеристик личности и выявить стратегии поведения в стрессовой ситуации у сотрудников правоохранительных органов. **Материалы и методы.** Выборку исследования составили 122 сотрудника подразделений вневедомственной охраны войск национальной гвардии России по Республике Башкортостан в возрасте от 20 до 50 лет с разным стажем службы. Использованы методика многофакторного исследования личности Р. Б. Кэттелла (форма С), методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина. Математическая обработка данных проведена с помощью коэффициента корреляции по методу Ч. Пирсона, факторного анализа. **Результаты и обсуждение.** Корреляционные плеяды, отражающие взаимосвязь личностных качеств и копинг-стратегий, а также показателей агрессивности и конфликтности личности и копинг-стратегий, свидетельствуют об адаптивности и эффективности выбора стратегии в преодолении разных стрессовых ситуаций, об эффективном противодействии стрессорам и негативным психотравмирующим обстоятельствам. Факторную структуру взаимосвязи личностных особенностей и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов составляют следующие факторы: стратегический, поведенческий, эмоциональный, социальный, когнитивный, прямолинейности/дипломатичности, жесткости/чувствительности, волевой. **Выводы.** Определено психологическое содержание основных компонентов структуры личности сотрудника правоохранительных органов: стратегического; поведенческого; эмоционального; волевого; эмоциональной выдержанности и эмпатии.

Ключевые слова: личностные качества; копинг-стратегии; сотрудники правоохранительных органов

Для цитирования: Тулитбаева Г. Ф., Лапкина Е. В., Яннурова В. А. Факторная структура личностных качеств и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 24–32. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-24-32>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99 © G. F. Tulitbaeva, E. V. Lapkina, V. A. Yannurova, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-24-32

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Factor Structure of Law Enforcement Officers' Personal Qualities and Coping Strategies

Galina F. Tulitbaeva¹, Candidate of sciences (in Psychology), associate-professor at the chair of Psychological Maintenance and Clinical Psychology; tulitbaevagf@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3754-9473>

Elena V. Lapkina², Candidate of sciences (in Psychology), associate-professor, associate-professor at the chair of Humanities and Socio-Economic Disciplines; elena-lapkina@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1274-2226>

Viktoriya A. Yannurova¹, student of the Faculty of Psychology; vikayannurova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3004-1922>

¹ Bashkir State University, 32 Zaki Validi st., Ufa, 450000, Russia

² Yaroslavl Higher Military School of Air Defense, 28 Moskovsky Prospekt, Yaroslavl, 150001, Russia

Abstract

Introduction. The problem of relationship between law enforcement officers' personality characteristics and behaviour strategies in a stressful situation is under consideration. The aim of the study is to describe the factor structure of law enforcement officers' personality characteristics and reveal their behavioural strategies in a stressful situation. **Materials and Methods.** The sample of the study covered 122 employees of the non-departmental security units of the National Guard of Russia in the Republic of Bashkortostan, aged from 20 to 50 with different term of service. The following methods were employed: the method of multifactor personality research (R. B. Cattell) (form C); the methods of coping behavior (R. Lazarus) and "Personal aggressiveness and conflict" (E. P. Ilyin). The math-

emational processing of the data was performed using the correlation coefficient (according to the method of Ch. Pearson), and factor analysis. **Results and Discussion.** Correlation pleiades reflecting the relationship of personal qualities and coping strategies, as well as indicators of aggressiveness and conflict of personality and coping strategies, prove the adaptability and effectiveness of choosing a strategy in overcoming various stressful situations, effective counteraction to stressors and negative traumatic circumstances. The following factors constitute the factor structure of the relationship between personal characteristics and coping strategies in law enforcement officers, these are: strategic, behavioral, emotional, social, cognitive, straightforwardness/diplomacy, rigidity/sensitivity, volitional. **Conclusions.** The psychological content of the main components of the structure a law enforcement officer's personality is determined: strategic, behavioral, emotional, volitional, emotional self-control, empathy.

Keywords: personal qualities; coping strategies; law enforcement officers

Citation: Tulitbaeva G. F., Lapkina E. V., Yannurova V. A. Factor Structure of Law Enforcement Officers' Personal Qualities and Coping Strategies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No 1(88). Pp. 24–32 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-24-32>

Основные положения

1. Деятельность правоохранительных органов часто сопровождается психологическим и физическим стрессами. Характеристики личности играют ключевую роль при выборе стратегии преодоления стрессовой ситуации.

2. Взаимосвязь характеристик личности и стратегий преодоления стресса у сотрудников правоохранительных органов определена структурным содержанием следующих компонентов: стратегического, поведенческого, эмоционального, социального, когнитивного, прямолинейности/дипломатичности, жесткости/чувствительности, волевого.

Введение

Актуальность и значимость. Деятельность правоохранительных органов нередко сопровождается психологическим и физическим стрессами. Как известно, стресс негативно сказывается на эмоциональном состоянии и физическом здоровье людей. Кроме того, такие нагрузки влияют на эффективность деятельности сотрудников правоохранительных органов. В то же время характеристики личности играют ключевую роль при выборе стратегии преодоления стрессовой ситуации. Проблема взаимосвязи характеристик личности и стратегий поведения в стрессовой ситуации у сотрудников правоохранительных органов раскрыта в научной литературе недостаточно. **Цель исследования** заключалась в выявлении взаимосвязи характеристик личности и стратегий поведения в стрессовой ситуации у сотрудников правоохранительных органов и представлении структурных компонентов данной взаимосвязи.

Степень разработанности и обзор проблемы. Теоретическое обоснование категории совладания со стрессом излагается в трудах отечественных (Т. Л. Крюкова, С. К. Нартова-Бочавер, Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева, В. М. Ялтонский и др.) [1–4] и зарубежных (К. С. Карвер, М. Ф. Шайер, Дж. К. Вайнтрауб, Д. Ф. Лопес, Т. Д. Литтл) ученых [5–6]. При этом лишь отдельные исследования посвящены личностным характеристикам и стратегиям совладания со стрессом сотрудников правоохранительных органов (И. Б. Ле-

бедев, В. И. Солдатов, А. П. Шихова, И. Ю. Кобозев, В. А. Корчмарюк, И. В. Рябченко, Е. В. Бурцева, И. С. Бусыгина, Л. И. Вассерман и др.) [7–17]. В их работах получила развитие идея о положительных и отрицательных копингах, предложены другие классификации (проблемно-ориентированные и эмоционально-ориентированные; произвольные и сознательные).

Одно из важных исследований копинг-стратегий сотрудников МВД России было проведено И. Б. Лебедевым. Автором выявлено, что детерминанты поведения человека в определенных условиях стрессовой ситуации взаимодействуют с бессознательными и сознательными компонентами психики. Скрытые для сознания когнитивные оценки угрозы влияют на поведение и ограничивают зону сознания в результате усиления стресса [7]. Особенности копинг-поведения оперуполномоченных криминальной милиции МВД исследовал В. И. Солдатов. Так, у испытуемых с низким уровнем совладающего поведения преобладает использование таких копинг-стратегий, как осторожные действия, манипулятивные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки. С увеличением срока службы в должности оперуполномоченного уровень стресс-преодолевающего поведения у сотрудника становится более высоким [8]. А. П. Шихова рассматривала стресс в профессиональной деятельности сотрудников дознания спецподразделений ОВД и сделала следующие выводы: совладающее поведение у сотрудников в состоянии профессионального стресса обусловлено использованием неконструктивных копинг-стратегий пассивного, манипулятивного и асоциального типов и такого механизма психологической защиты, как регрессия [9]. При изучении совладающего поведения руководителей ОВД И. Ю. Кобозев заключил, что в результате профессионального стресса активная адаптивная стратегия «ассертивные действия» является наименее выраженной, а копинг-стратегии избегания, осторожных действий, асоциальных действий, непрямым действиям имеют более высокие показатели использования [10; 11]. В. А. Корчмарюк подчеркивает, что молодые сотрудники в свою очередь используют псевдоадаптивную

дисфункциональную модель копинг-поведения [12]. И. С. Бусыгина и Е. В. Распопин исследовали внутриличностные ресурсы сотрудников ФСИН, которые определяют устойчивость к стрессу [15]. И. В. Рябченко рассмотрела базисные копинг-стратегии «успешных» и «неуспешных» сотрудников ОВД и установила, что «успешные сотрудники используют стратегию „разрешение проблем“ и „поиск социальной поддержки“, копинг-стратегия „избегание“ находится у них на последнем месте. „Неуспешные“ сотрудники в качестве базисной используют стратегию „избегание“, на втором месте — стратегия „поиск социальной поддержки“, на последнем месте — копинг-стратегия „разрешение проблем“» [13].

Таким образом, можно выделить основные направления в существующих исследованиях копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов: рассмотрение влияния на выбор копинг-стратегий возраста сотрудников, стажа службы в правоохранительных органах, успешности/неуспешности в профессии; при определении базисных копинг-стратегий изучение взаимосвязи с копинг-ресурсами как личностными, так и средовыми. Всеми авторами подчеркивается важность изучения личностных черт и копинг-стратегий у сотрудников различных правоохранительных служб. Например, И. В. Рябченко указывает: «... различные чрезвычайные ситуации в МВД России (самоубийства, гибель личного состава, нарушение законности) и негативные проявления (психосоматические заболевания, межличностные конфликты, дезадаптивные типы поведения) прямо или косвенно связаны с несформированностью копинг-поведения у сотрудников, использованием ими дезадаптивных копинг-стратегий» [13, с. 61].

Материалы и методы

Исследование проведено с помощью методики многофакторного исследования личности Р. Б. Кэттелла (форма С); методик «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина. Математическая обработка данных проведена с помощью коэффициента корреляции по методу Ч. Пирсона, факторного анализа. Все расчеты выполнены в программном обеспечении SPSS (версия 17,0).

Выборку исследования составили сотрудники подразделений вневедомственной охраны войск национальной гвардии России по Республике Башкортостан. Общее количество — 122 человека, из них 120 мужчин, 2 женщины. Возраст респондентов от 20 до 50 лет, стаж службы различный.

Результаты и обсуждение

Взаимосвязь характеристик личности и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов. Данные корреляционного анализа исследования личностных качеств и копинг-стратегий у сотрудни-

ков правоохранительной деятельности представлены в таблице 1. Коэффициенты корреляции от 0,18 до 0,22 считаются достоверными при 5%-ном уровне значимости, коэффициенты от 0,23 до 0,36 — при 1%-ном уровне значимости.

Корреляционный анализ по критерию Ч. Пирсона характеристик личности и копинг-стратегий показал, что связь такой личностной характеристики, как эмоциональная стабильность/нестабильность, и такого копинга, как конфронтация, составляет $r = -0,29$ при $p \leq 0,01$ и свидетельствует о том, что чем выше у субъекта уровень эмоциональной стабильности, тем реже он прибегает к конфронтации, т. е. в его поведении реже наблюдаются импульсивность, враждебность. И наоборот, чем выше конфронтация, тем ниже уровень эмоциональной стабильности. Эмоциональная стабильность/нестабильность также связана с копингом дистанцирования ($r = -0,19$ при $p \leq 0,05$): при высоком уровне эмоциональной стабильности личности субъект не пытается отстраниться от проблемы, а адекватно оценивает ее значимость и ищет решение. Тогда как при высоком значении стратегии «дистанцирование» выражена эмоциональная нестабильность. Связь эмоциональной стабильности/нестабильности и принятия ответственности ($r = -0,27$ при $p \leq 0,01$) позволяет утверждать, что большинство сотрудников правоохранительных органов не признает главной свою роль в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, также у них отсутствуют неоправданная самокритика, самообвинение и чувство вины. В то время как при эмоциональной нестабильности личность принимает на себя чрезмерную ответственность, с которой впоследствии не может справиться. Кроме того, чем выше эмоциональная стабильность личности, тем меньше используется стратегия «бегство-избегание» ($r = -0,36$ при $p \leq 0,01$). Иными словами, субъект не уклоняется от трудностей, не отрицает проблему, не пытается от нее отвлечься, а признает наличие препятствий и ищет способы их устранения. Чем эмоциональнее стабилен субъект, тем выше показатель применения стратегии «планирование решения проблемы» ($r = 0,20$ при $p \leq 0,05$). При высокой эмоциональной стабильности личность пытается преодолеть трудности с помощью целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов разрешения проблемы, при этом планируя собственные действия с учетом объективных условий действительности, прошлого опыта и наличия ресурсов.

Такой полюс личностной характеристики, как робость/смелость, связан только с одним копингом — планированием решения проблемы ($r = 0,22$ при $p \leq 0,05$). На основании данной связи можно заключить, что чем испытуемый смелее, активнее, тем чаще он готов к риску, способен принимать самостоятельные неординарные решения и преодолевать трудности, адекватно

Таблица 1. Корреляционные связи характеристик личности и копинг-стратегий
у сотрудников правоохранительных органов
(Table 1. Correlations between Law Enforcement Officers' Personal Characteristics and Coping Strategies)

Характеристики личности	Копинг-стратегии							
	конфронтация	дистанцирование	самоконтроль	поиск социальной поддержки	принятие ответственности	бегство/избегание	планирование решения проблемы	положительная переоценка
Методика многофакторного исследования личности Р. Б. Кэттелла								
Эмоциональная стабильность/нестабильность	-0,29**	-0,19*	-0,16	-0,04	-0,27**	-0,36**	0,20*	-0,03
Робость/смелость	0,09	-0,12	0,00	0,14	-0,09	0,00	0,22*	0,09
Жесткость/чувствительность	-0,14	-0,00	-0,24**	-0,22*	-0,09	-0,09	-0,13	-0,13
Доверчивость/подозрительность	0,10	0,05	0,05	-0,04	0,06	0,21*	-0,14	-0,04
Практичность/мечтательность	0,18*	0,08	0,10	0,00	0,31**	0,33**	-0,00	0,07
Прямолинейность/дипломатичность	0,12	0,08	0,05	-0,15	0,15	0,18*	-0,12	-0,04
Спокойствие/тревожность	0,27**	0,18*	0,18*	0,13	0,30**	0,32**	0,00	-0,00
Консерватизм/радикализм	0,04	0,13	0,06	0,05	0,16	0,15	0,00	0,18*
Конформизм/нонконформизм	0,05	0,36**	0,13	-0,10	0,21*	0,15	-0,10	-0,03
Низкий/высокий самоконтроль	-0,12	-0,07	-0,03	-0,23**	-0,10	-0,08	-0,03	-0,02
Расслабленность/напряженность	0,21*	0,17	0,16	0,08	0,18*	0,23**	-0,01	0,04
Адекватная/неадекватная самооценка	-0,27**	-0,16	-0,27**	-0,12	-0,24**	-0,30**	-0,09	-0,02
Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина								
Напористость	0,32**	0,12	0,18*	0,18*	0,11	0,16	0,22*	0,18*
Обидчивость	0,23**	0,30**	0,32**	0,19*	0,36**	0,29**	0,19*	0,24**
Неуступчивость	0,20*	0,15	0,12	0,13	0,18*	0,24**	0,03	0,11
Бескомпромиссность	-0,01	0,17	0,19*	-0,03	0,17	0,08	0,08	0,02
Мстительность	0,06	0,28**	0,13	0,01	0,16	0,12	0,03	0,14
Нетерпимость	0,18*	0,21*	0,27**	0,08	0,19*	0,22*	0,19*	0,09
Подозрительность	0,16	0,26**	0,20*	-0,02	0,12	0,32**	-0,10	-0,02

Примечание. Достоверность корреляции: * при $p \leq 0,05$; ** при $p \leq 0,01$.

оценивая и анализируя ситуацию и собственные возможности.

Взаимосвязь жесткости/чувствительности и самоконтроля ($r = -0,24$ при $p \leq 0,01$) означает, что при высокой чувствительности личности минимизируется самоконтроль. И наоборот, чем выше самоконтроль, тем жестче личность. Чтобы справиться с трудностями, субъект целенаправленно подавляет и сдерживает эмоции, стремится к самообладанию и контролю своего поведения. Обнаружена положительная взаимосвязь жесткости/чувствительности и поиска социальной поддержки ($r = 0,22$ при $p \leq 0,05$): чем выше чувствительность, тем выше поиск социальной поддержки. Стратегия поиска социальной поддержки предполагает отыскать пути решения проблемы с помощью привлечения внешних ресурсов, информационной, эмоциональной или действенной поддержки.

О том, что сотрудник правоохранительных органов осторожен, эгоцентричен, не принимает ответственность и пытается уклониться от проблемы путем отвлечения либо отрицания трудностей, говорит связь доверчивости/подозрительности и бегства-избегания ($r = 0,21$ при $p \leq 0,05$).

Личностное качество «практичность/мечтательность» связано со следующими механизмами преодо-

ления стресса: конфронтацией ($r = 0,18$ при $p \leq 0,05$), принятием ответственности ($r = 0,31$ при $p \leq 0,01$), бегством-избеганием ($r = 0,33$ при $p \leq 0,01$). Мечтательные личности ярко и интенсивно переживают свои чувства и могут чаще прибегать к стратегии конфронтации, не всегда целенаправленной поведенческой активности для решения проблемы; признают свою роль в возникновении трудностей и ответственность за их преодоление; могут уклоняться от проблем, отрицать и отвлекаться от них.

Обнаружена связь прямолинейности/дипломатичности и бегства-избегания ($r = 0,18$ при $p \leq 0,05$), которая свидетельствует о том, что субъект прямолинеен, при попытке преодолеть трудности он пытается уклониться от проблем, отрицает их наличие либо значимость.

Пять корреляционных связей имеет показатель личности «спокойствие/тревожность» с конфронтацией ($r = 0,27$ при $p \leq 0,01$), дистанцированием ($r = 0,18$ при $p \leq 0,05$), самоконтролем ($r = 0,18$ при $p \leq 0,05$), ответственностью ($r = 0,30$ при $p \leq 0,01$), бегством-избеганием ($r = 0,32$ при $p \leq 0,01$). Так, субъект при высоком уровне тревожности стремится разрешить проблемы с помощью целенаправленной поведенческой активности, принижает значимость проблемы и пытается отрицать свою эмоциональную вовлеченность. При высоком

уровне самоконтроля субъект чаще признает свою роль в возникновении проблемы и принимает ответственность за ее решение, в то же время желает уклониться от проблемы, отрицает ее либо пытается отвлечься.

Взаимосвязаны консерватизм/радикализм и положительная переоценка ($r=0,18$ при $p\leq 0,05$), на основании чего можно судить о свободомыслии, развитом аналитическом мышлении и преодолении трудностей путем их положительного переосмысления, т. е. личность рассматривает трудности как стимул для личностного роста.

Наблюдаются прямые выраженные закономерности взаимосвязей конформизма/нонконформизма и копингов дистанцирования ($r=0,36$ при $p\leq 0,01$) и принятия ответственности ($r=0,21$ при $p\leq 0,05$). Следовательно, чем выше уровень конформности личности, тем чаще она выбирает стратегию дистанцирования для преодоления стрессовой ситуации, ориентируется на собственные решения и в возникновении трудностей признает свою роль.

Низкий/высокий самоконтроль и поиск социальной поддержки ($r=-0,23$ при $p\leq 0,01$) имеют положительную связь, свидетельствующую о том, что при высоком самоконтроле снижаются попытки решения проблемы путем поиска социальной поддержки. Субъект не хочет делиться своими переживаниями с окружающими для получения эмоциональной поддержки.

Отмечается достоверная связь личностного качества «расслабленность/напряженность» с тремя копинг-стратегиями: конфронтацией ($r=0,21$ при $p\leq 0,05$), принятием ответственности ($r=0,18$ при $p\leq 0,05$), бегством-избеганием ($r=0,23$ при $p\leq 0,01$). Отсюда следует, что существует высокий уровень напряженности личности, раздражительности, возбужденности, при этом повышается и уровень использования стратегии конфронтации, чаще применяется стратегия принятия ответственности, признается своя роль в возникновении препятствий, налицо отрицание проблемы, отвлечение от нее.

Качество личности «адекватная/неадекватная самооценка» связано со следующими копингами: конфронтацией ($r=-0,27$ при $p\leq 0,01$), самоконтролем ($r=-0,27$ при $p\leq 0,01$), ответственностью ($r=-0,24$ при $p\leq 0,01$), бегством-избеганием ($r=-0,30$ при $p\leq 0,01$). Данные показатели демонстрируют, что при неадекватной самооценке понижается уровень использования стратегии «принятие ответственности», субъект не признает свою роль в возникновении препятствий и не берет на себя ответственность за их разрешение, не пытается уклониться от проблемы, не отрицает ее, а стремится решить.

Напористость как склонность навязать окружающим свои желания и оценки взаимосвязана с такими копинг-стратегиями, как конфронтация ($r=0,32$ при $p\leq 0,01$), самоконтроль ($r=0,18$ при $p\leq 0,05$), поиск со-

циальной поддержки ($r=0,18$ при $p\leq 0,05$), планирование решения проблемы ($r=0,22$ при $p\leq 0,05$), положительная переоценка ($r=0,18$ при $p\leq 0,05$).

Выявлено, что чем выше у сотрудников правоохранительных органов склонность к переживанию обиды в разнообразных личностно значимых ситуациях (обидчивость), тем выше в стрессовой ситуации человек реагирует конфронтацией ($r=0,23$ при $p\leq 0,01$), дистанцированием ($r=0,30$ при $p\leq 0,01$), самоконтролем ($r=0,32$ при $p\leq 0,01$), поиском социальной поддержки ($r=0,19$ при $p\leq 0,05$), принятием ответственности ($r=0,36$ при $p\leq 0,01$), бегством-избеганием ($r=0,29$ при $p\leq 0,01$), принятием решения проблемы ($r=0,19$ при $p\leq 0,05$), положительной переоценкой ($r=0,24$ при $p\leq 0,01$).

Взаимосвязь неуступчивости и конфронтации ($r=0,20$ при $p\leq 0,05$), принятия ответственности ($r=0,18$ при $p\leq 0,05$), бегства-избегания ($r=0,24$ при $p\leq 0,01$) говорит о том, что чем выше у сотрудников выражена склонность к упрямству, несговорчивости, тем чаще в борьбе со стрессами не проявляется целенаправленная поведенческая активность, преобладает избегание проблемных ситуаций.

Чрезмерная категоричность суждений (бескомпромиссность) у большинства сотрудников правоохранительных органов сопровождается высоким уровнем самоконтроля ($r=0,19$ при $p\leq 0,05$).

Положительная связь обнаружена между мстительностью как характеристикой личности отвечать злом и дистанцированием ($r=0,28$ при $p\leq 0,01$), т. е. склонностью снижать значимость проблемной ситуации.

Нетерпимость положительно связана со следующими копингами: конфронтацией ($r=0,18$ при $p\leq 0,05$), дистанцированием ($r=0,21$ при $p\leq 0,05$), самоконтролем ($r=0,27$ при $p\leq 0,01$), принятием ответственности ($r=0,19$ при $p\leq 0,05$), бегством-избеганием ($r=0,22$ при $p\leq 0,05$), принятием решения проблемы ($r=0,19$ при $p\leq 0,05$). Обнаруженные связи свидетельствуют о том, что выраженная неспособность принимать мнения других людей сопровождается нецеленаправленной поведенческой активностью в решении проблем, уклонением от них, целенаправленным подавлением эмоций, при этом признанием собственной роли в решении затруднений.

Подозрительность связана с дистанцированием ($r=0,26$ при $p\leq 0,01$), самоконтролем ($r=0,20$ при $p\leq 0,05$), бегством-избеганием ($r=0,32$ при $p\leq 0,01$).

Итак, корреляционный анализ показал связи характеристик личности и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов. Было выявлено из 152 возможных 56 корреляций, из них 11 отрицательных и 45 положительных. Наибольшее количество корреляционных связей со всеми диагностируемыми копинг-стратегиями среди личностных характеристик имеет показатель «обидчивость», что позволяет вести

речь о значимости и роли данного качества в проявлении копингов. Среди копинг-стратегий большое количество связей обнаружено по переменной «бегство-избегание».

Структура взаимосвязи характеристик личности и копинг-стратегий. В целях выявления структуры изучаемых показателей был проведен факторный анализ методом варимакс вращения. Однако, поскольку в факторном анализе могут участвовать только переменные, имеющие связи с другими показателями, из дальнейшего исследования были исключены шкалы, не имеющие корреляций: замкнутость/общительность, интеллект, подчиненность/доминантность, сдержанность/экспрессивность, низкая/высокая нормативность поведения.

Факторный анализ позволил выделить восемь факторов. При описании факторов учитывались значения, которые имеют факторную нагрузку больше, чем 0,40. В скобках указаны факторные нагрузки переменных, они распределены по степени убывания.

Первый фактор объединил в себе 8 следующих положительных показателей: положительную переоценку (0,821), самоконтроль (0,821), поиск социальной поддержки (0,760), планирование решения проблемы (0,748), принятие ответственности (0,725), конфронтацию (0,646), дистанцирование (0,641), бегство-избегание (0,584). Содержательно фактор отражает поведение испытуемых в проблемных и трудных ситуациях, такие способы преодоления трудностей, как рациональная поведенческая активность, переключение внимания и отстранение от проблемы, подавление и сдерживание эмоциональных реакций, поиск поддержки от других людей, признание своей роли в возникновении проблемы и принятие ответственности за ее решение, отрицание проблемы, уклонение от ее решения, целенаправленный анализ ситуации и поиск вариантов решения проблемы, положительное переосмысление ситуации и рассмотрение ее для личностного роста.

Наибольшую факторную нагрузку имеют две переменные — самоконтроль и положительная переоценка, что свидетельствует о частом использовании именно этих копингов в проблемных ситуациях. Данный фактор нами назван стратегическим.

Второй фактор включил в себя 8 положительных показателей: мстительность (0,714), неуступчивость (0,695), нетерпимость (0,689), подозрительность (0,659), бескомпромиссность (0,657), обидчивость (0,601), вспыльчивость (0,587), напористость (0,574). Наиболее высокую факторную нагрузку имеет переменная «мстительность», что говорит о ее преобладании в структуре личности. Группа отражает следующие характеристики: эмоциональную несдержанность, склонность навязывать окружающим собственное мнение, склонность чрезвычайно чувствительно переживать

обиду, проявление упорства и несговорчивости, чрезмерную категоричность суждений, непоколебимость взглядов, желание и готовность отвечать на причиненный вред в равной степени, неспособность принимать мнения и убеждения других людей, недоверчивость и боязнь оказаться обманутым, отсутствие привязанностей. При этом анализ среднего арифметического по выборке выявил низкую выраженность большинства переменных. Фактор назван поведенческим.

Третий фактор образован следующими показателями: спокойствием/тревожностью (0,701), расслабленностью/напряженностью (0,636), эмоциональной стабильностью/нестабильностью (-0,631), адекватной/неадекватной самооценкой (-0,522). Фактор состоит из четырех переменных, причем две из них являются отрицательными, следовательно, дают противоположное влияние на фактор. Фактор объединяет такие характеристики, как беспокойство, озабоченность, страх, напряженность, фрустрированность, неуверенность в себе, импульсивность, влияние чувств, раздражительность, утомляемость. Переменная «спокойствие/тревожность» имеет наибольшую факторную нагрузку. Анализ содержательной картины и факторных нагрузок позволил назвать данный фактор эмоциональным.

Четвертый фактор состоит из двух переменных: робости/смелости (-0,715), конформизма/неконформизма (0,676). Одна из переменных является отрицательной и имеет большую факторную нагрузку. Данный фактор содержит следующие характеристики: независимость, самостоятельность, находчивость, при этом отсутствуют такие черты, как робость, застенчивость, осторожность, эмоциональная сдержанность. Фактор назван социальным.

Пятый фактор объединил в себе две положительные переменные: консерватизм/радикализм (0,714), практичность/мечтательность (0,662). Содержательно фактор отражает такие характеристики, как мечтательность, поглощенность иллюзиями, богатое воображение, свободомыслие, развитое аналитическое мышление, экспериментаторство. Фактор именуется когнитивным.

Шестой фактор состоит всего из одной переменной — прямолинейности/дипломатичности (0,849) и содержит следующие характеристики: эмоциональную выдержанность, проницательность, интеллигентность, умение вести себя в обществе.

Седьмой фактор состоит также из одного показателя — жесткости/чувствительности (0,830) и отражает чувствительность, впечатлительность, склонность к проявлению эмпатии, сочувствию, сопереживанию.

Восьмой фактор образован двумя положительными переменными: низким/высоким самоконтролем (0,656), доверчивостью/подозрительностью (0,579). Фактор объединяет следующие характеристики: осторожность, самостоятельность, независимость, эгоцен-

Таблица 2. Факторное распределение характеристик личности и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов
(Table 2. Factor Distribution of Law Enforcement Officers' Personal Characteristics and Coping Strategies)

Факторы	Характеристики личности	Копинг-стратегии
Фактор 1 (стратегический)	нет	положительная переоценка, самоконтроль, поиск социальной поддержки, планирование решения проблемы, принятие ответственности, конфронтация, дистанцирование, бегство-избегание
Фактор 2 (поведенческий)	мстительность, неуступчивость, нетерпимость, подозрительность, бескомпромиссность, обидчивость, вспыльчивость, напористость	нет
Фактор 3 (эмоциональный)	спокойствие/тревожность, расслабленность/напряженность, эмоциональная стабильность/нестабильность, адекватная/неадекватная самооценка	нет
Фактор 4	робость/смелость, конформизм/нонконформизм	нет
Фактор 5	практичность/мечтательность, консерватизм/радикализм	нет
Фактор 6	прямолинейность/дипломатичность	нет
Фактор 7	жесткость/чувствительность	нет
Фактор 8	доверчивость/подозрительность, низкий/высокий самоконтроль	нет

тричность, целенаправленность, обладание сильной волей, умение контролировать свои эмоциональные реакции и поведение. Фактор назван волевым.

В таблице 2 наглядно представлено распределение факторной структуры относительно личностных характеристик и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов.

По представленным данным видно, что все копинг-стратегии вошли в один фактор (первый), причем факторные нагрузки имеют приблизительно одинаковое значение, что также подчеркивает эффективное использование всех копингов, в зависимости от преобладающей ситуации конфликта.

Особенности имеет и второй фактор, большинство показателей которого составили переменные конфликтности и агрессивности (по методике «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина), причем при низкой степени выраженности по многим переменным. Шестой и седьмой факторы представлены лишь одним качеством личности.

Таким образом, корреляционный и факторный анализ позволил выделить структуру взаимосвязи личностных характеристик и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительной деятельности. Выявленная структура определена 56 парами взаимосвязи и восьмью факторами.

Выводы

1. Корреляционные плеяды, отражающие взаимосвязь личностных качеств и копинг-стратегий, а также показателей агрессивности и конфликтности личности и копинг-стратегий, свидетельствуют об адаптивности и эффективности выбора стратегии в преодолении разных стрессовых ситуаций, об эффективном противодействии стрессорам и негативным психотравмирующим обстоятельствам.

2. В ходе факторного анализа определено психологическое содержание основных компонентов структуры личности сотрудника правоохранительных органов. Факторная структура взаимосвязи личностных особенностей и копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов образована восемью факторами: стратегическим, поведенческим, эмоциональным, социальным, когнитивным, прямолинейностью/дипломатичностью, жесткостью/чувствительностью, волевым.

Рекомендации. Полученные результаты исследования могут быть использованы психологами правоохранительных органов при психологическом сопровождении служебной деятельности личного состава (индивидуальном консультировании, групповой работе, при проведении профилактической и психокоррекционной работы, направленной на стабилизацию морально-психологического состояния, при профилактике эмоционального выгорания и профессиональной деформации, а также повышении стрессоустойчивости у сотрудников в ходе выполнения поставленных перед ними оперативно-служебных задач).

Перспективы. Настоящее исследование не исчерпывает всех сторон и проблем взаимосвязи личностных качеств и стратегий преодоления стресса у сотрудников правоохранительных органов. В качестве перспективы дальнейшего исследования могут выступить выявление особенностей взаимосвязи иных личностных качеств, механизмов защиты и других психологических категорий у сотрудников, определение различий в гендерных и кросскультурных аспектах у сотрудников, а также разработка и реализация психокоррекционной работы по стабилизации психологического климата, профессиональной деформации.

Список источников

1. Крюкова Т. Л. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психологический журнал. 2005. Т 26, № 2. С. 5–15.
2. Нартова-Бочавер С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 20–30.
3. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 07.06.2021).
4. Ялтонский В. М. Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией : дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1995. 398 с.
5. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56. Pp. 267–283.
6. Lopez D. F., Little T. D. Children's action-control beliefs and emotional regulation in the social domain. *Developmental Psychology*. 1996. Vol. 32. Pp. 299–312.
7. Лебедев И. Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс-преодолевающего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2002. 30 с.
8. Солдатов В. И. Особенности и прогнозирование стресс-преодолевающего поведения в деятельности оперуполномоченных криминальной милиции МВД России : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 23 с.
9. Шихова А. П. Профессиональный стресс в деятельности сотрудников специализированных подразделений дознания органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 23 с.
10. Кобозев И. Ю. Профессиональный стресс руководителей органов внутренних дел и его психопрофилактика : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 24 с.
11. Кобозев И. Ю. Личностные особенности стресс-преодолевающего поведения бывших сотрудников, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2(65). С. 26–30.
12. Корчмарюк В. А. Бессознательные аспекты копинг-стратегий поведения в правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 1(45). С. 214–217.
13. Рябченко И. В. Психология совладающего поведения сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 2(29). С. 59–61.
14. Бурцева Е. В. Самоуправление и копинг-поведение сотрудников уголовного розыска // Инициативы XXI века. 2012. № 1. С. 115–117.
15. Бусыгина И. С., Распопин Е. В. Внутриличностные ресурсы стрессоустойчивости личности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2013. Т. 6, № 2. С. 93–96.
16. Вассерман Л. И., Исаева Е. Р., Новожилова М. Ю., Шелкова О. Ю. Психологические механизмы совладания со стрессом профессиональной деятельности (на модели лиц «опасных» профессий) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 12. Вып. 4. С. 364–372.
17. Поришукоев А. С. Личностные особенности сотрудников органов внутренних дел, назначаемых на должность руководителя // Национальный психологический журнал. 2020. № 1(37). С. 107–114.

Поступила 30.08.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята в печать 30.11.2021.
Заявленный вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Kryukova T. L. Age and cross-cultural differences in coping strategies. *Psychological Journal*. 2005. Vol. 26, No. 2. Pp. 5–15. (In Russ.)
2. Nartova-Bochaver S. K. "Coping behavior" in the concept of personality psychology. *Psychological Journal*. 1997. Vol. 18, No. 5. Pp. 20–30. (In Russ.)
3. Rasskazova E. I., Gordeeva T. O. Coping strategies in stress psychology: approaches, methods and prospects. *Psychological Research*. 2011. No. 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 07.06.2021). (In Russ.)
4. Yaltonsky V. M. Coping behavior of healthy people and drug addicts. Doctor of Sciences dissertation (in Medicine). St. Petersburg, 1995. 398 p. (In Russ.)
5. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56. Pp. 267–283.
6. Lopez D. F., Little T. D. Children's action-control beliefs and emotional regulation in the social domain. *Developmental Psychology*. 1996. Vol. 32. Pp. 299–312.
7. Lebedev I. B. Psychological mechanisms, strategies and resources of stress overcoming behavior (coping behavior) of extreme profile specialists (on the example of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Extended abstract of Doctor of sciences dissertation (in Psychology). St. Petersburg, 2002. 30 p. (In Russ.)
8. Soldatov V. I. Features and prediction of stress-overcoming behavior in the activities of operatives of the criminal police of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Extended abstract of candidate of sciences dissertation (in Psychology). St. Petersburg, 2009. 23 p. (In Russ.)
9. Shikhova A. P. Professional stress in the activities of employees of specialized departments of inquiry of the Internal Affairs bodies. Extended abstract of candidate of sciences dissertation (in Psychology). St. Petersburg, 2009. 23 p. (In Russ.)

10. Kobozev I. Yu. Professional stress of the chief police officers and its psychoprophylaxis. Extended abstract of candidate of sciences dissertation (in Psychology). St. Petersburg, 2011. 24 p. (In Russ.)
11. Kobozev I. Yu. Personal characteristics of stress-overcoming behavior of former officers convicted of corruption-related crimes. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2016. No. 2(65). Pp. 26–30. (In Russ.)
12. Korchmaryuk V. A. Unconscious aspects of coping strategies of behavior in law enforcement. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010. No. 1(45). Pp. 214–217. (In Russ.)
13. Ryabchenko I. V. Psychology of coping behavior of police officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2007. No. 2(29). Pp. 59–61. (In Russ.)
14. Burtseva E. V. Self-management and coping behavior of crime detection officers. *Initiatives of the 21st century*. 2012. No. 1. Pp. 115–117. (In Russ.)
15. Busygina I. S., Raspopin E. V. Intrapersonal resources of personality stress-resistance. *Bulletin of South Ural State University. Series "Psychology"*. 2013. Vol. 6, No. 2. Pp. 93–96. (In Russ.)
16. Wasserman L. I., Isaeva E. R., Novozhilova M. Yu., Shchelkova O. Yu. Psychological mechanisms of coping with the stress related to professional activity (on the model of "dangerous" professions). *Bulletin of St. Petersburg University*. 2008. Series 12. Issue 4. Pp. 364–372. (In Russ.)
17. Porshukov A. S. Personal characteristics of law enforcement officers appointed on the chief positions. *National Psychological Journal*. 2020. No. 1(37). Pp. 107–114. (In Russ.)

*Submitted: 30.08.2021; approved after reviewing: 15.09.2021; accepted for publication: 30.11.2021.
The authors' alleged contribution: all the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.*

Научно-практическая статья

УДК 159.99 © Е. А. Тихонова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-33-39

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Стратегии совладающего поведения руководителей органов внутренних дел в аспекте ресурсов и профессиональных требований

Елена Александровна Тихонова¹, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел; belousov-elena@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8598-8710>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат

Введение. Целью исследования явилось изучение взаимосвязей требований профессиональной деятельности, ресурсов и стратегий совладающего поведения с формированием фаз стресса у руководителей органов внутренних дел. **Материалы и методы.** Применялись методы анализа научной литературы, математической статистики, а также анкетирование и тестирование. В исследовании приняли участие 34 руководителя, состоящих в резерве кадров на выдвижение на вышестоящую должность МВД России, имеющих стаж в органах внутренних дел от 2 до 29 лет. **Результаты и обсуждение.** Опрошенные руководители в качестве основных определяющих привлекательность профессиональной деятельности назвали альтруистические (возможность помогать людям) и формальные (заработная плата, стабильность, график работы и пр.) мотивы. У 58,8% респондентов диагностируются одна или несколько сформированных фаз стресса. К ведущим стресс-факторам в деятельности руководителей относятся чрезмерный документооборот, выполнение большого объема работы в условиях дефицита времени и эмоциональная нагрузка. Установлены взаимосвязи стратегий совладающего поведения с уровнем сформированности различных фаз стресса и актуализируемыми в ситуации профессионального стресса ресурсами личности. **Выводы.** Полученные результаты позволили конкретизировать особенности восприятия рабочей среды и реакции на нее, оказывающие существенное влияние на формирование фаз стресса и выбор совладающего поведения руководителями органов внутренних дел. В целом руководители не в полной мере справляются со стресс-факторами профессиональной деятельности, ограниченно используют возможности внутренних ресурсов, применяя их преимущественно интуитивно, а также проактивного совладания, что негативно сказывается на их психическом состоянии.

Ключевые слова: профессиональный стресс; стресс-факторы; ресурсы преодоления стресса; совладающее поведение; копинг-стратегии; проактивное совладание

Для цитирования: Тихонова Е. А. Стратегии совладающего поведения руководителей органов внутренних дел в аспекте ресурсов и профессиональных требований // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 33–39. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-33-39>

Scientific and Practical article

UDC 159.99 © E. A. Tikhonova, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-33-39

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Strategies of Coping Behavior applied by Chief Police Officers in terms of Resources and Professional Requirements

Elena A. Tikhonova¹, Senior Lecturer at the chair of Psychology and Pedagogy in the Activities of Internal Affairs Bodies; belousov-elena@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8598-8710>

¹ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract

Introduction. The purpose of the study is to examine the relationship between the requirements of professional activity, resources and coping strategies and the formation of stress phases of the chief police officers. **Materials and Methods.** Methods of analysis of scientific literature, mathematical statistics, as well as questioning and testing were used. The survey involved 34 chief police officers who are in the personnel reserve for promotion to a higher position in the Ministry of Internal Affairs of Russia with experience in law enforcement bodies from 2 to 29 years. **Results and Discussion.** The main declared motives of the interviewed chief police officers that determine the attractiveness of professional activity are altruistic (the ability to help people) and formal (salary, stability, work schedule, etc.). One or more formed phases of stress are diagnosed in 58.8% of the respondents. The leading stress factors in chief police officers' activities involve excessive circulation of documents, performing a large amount of work under time pressure and emotional stress. The interrelationships of coping behavior strategies with the level of formation of various stress phases and personality resources actualized in a situation of professional stress have been established. **Conclusions.** The results obtained made

it possible to concretize the peculiarities of the perception of the working environment and the reaction to it, which have a significant impact on the formation of stress phases and the choice of coping behavior made by chief police officers. In general, chief police officers do not fully cope with the stress factors of professional activity, they employ limited internal resources, using them mainly intuitively, not fully using the possibilities of proactive coping, which negatively affects their mental state.

Keywords: professional stress; stress factors; resources to overcome stress; coping behavior; coping strategies; proactive coping

Citation: Tikhonova E. A. Strategies of Coping Behavior applied by Chief Police Officers in terms of Resources and Professional Requirements. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 33–39 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-33-39>

Основные положения

1. Стратегии совладающего поведения необходимо рассматривать с учетом запросов профессиональной деятельности и ресурсов совладающего поведения. Одни и те же организационные требования способны оказывать как негативный эффект, снижая продуктивность деятельности субъекта профессиональной деятельности при недостатке ресурсов, так и положительный эффект, мобилизуя и активируя ресурсы сотрудника, тем самым способствуя поддержанию психологического благополучия и трудовой мотивации.

2. Выбор стратегии совладающего поведения определяется количеством доступных ресурсов и их субъективной оценкой.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Ежедневные стрессоры, возникающие в профессиональной деятельности на протяжении длительного периода, становятся более значимыми по сравнению с острыми, но единичными травмирующими событиями. Они выступают как факторы риска для профессиональной эффективности и психического здоровья сотрудников органов внутренних дел [1]. Профессиональная деятельность руководителей органов внутренних дел определяет результативность работы всего коллектива и характеризуется наличием большого числа стресс-факторов, что предъявляет повышенные требования к их личностным качествам и стрессоустойчивости. Оценка и формирование психоэмоциональной устойчивости к стресс-факторам несут высокую значимость для органов внутренних дел и относятся к приоритетным задачам психологического отбора и сопровождения сотрудников. В русле рассматриваемой проблемы научный и практический интерес представляет ресурсный подход. Существенный вклад в исследования внешних и внутренних ресурсов, позволяющих минимизировать негативное воздействие условий профессиональной деятельности на личность, внесли как зарубежные, так и отечественные ученые: С. Фолкман, Р. Лазарус, С. Хобфолл, Д. А. Леонтьев, В. А. Бодров, С. А. Хазова и др. [2–8]. Вместе с тем нет достаточного понимания, какие стратегии совладания со стрессом эффективны для того или иного субъекта деятельности, являются ли они индивидуализиро-

ванными или существуют типичные стратегии для представителей конкретного вида деятельности, какие психологические ресурсы позволяют минимизировать влияние стрессоров на психику и поведение субъекта деятельности, каким образом можно целенаправленно повышать его стрессоустойчивость.

Целью исследования послужило изучение взаимосвязей требований профессиональной деятельности, ресурсов и стратегий совладающего поведения с формированием фаз стресса у руководителей органов внутренних дел.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. В настоящий период ученые все чаще обращаются к роли личности, ее активности в повышении эффективности деятельности и достижении благополучия. Это связано с изменением подхода к рассмотрению личности, которая в современных исследованиях предстает как носитель активной субъектной позиции, способной ставить перед собой цели и стремящейся к их достижению [6]. Активность по достижению целей разворачивается во взаимодействии с внешней средой и часто связана с преодолением трудностей, совладать с которыми позволяют внешние и внутренние ресурсы человека.

Одним из продуктивных теоретически обоснованных подходов к пониманию совладающего со стрессом поведения является ресурсный подход.

Основоположником ресурсного подхода считается С. Хобфолл, его теория сохранения ресурсов (COR) оказалась надежной основой для понимания процессов, связанных с переживанием, совладанием и преодолением хронического и травматического стресса [3]. Согласно теории COR люди склонны защищать, добывать и сохранять ресурсы. К ресурсам С. Хобфолл относит все, что является ценным для человека, выделяя четыре категории:

- объекты (например, дом, телефон);
- условия (например, стабильная работа, хорошее здоровье);
- личные характеристики (например, оптимизм, надежда);
- энергии (например, знания).

В соответствии с теорией COR стресс возникает, когда ресурсы человека находятся под угрозой, ис-

тощаются или когда инвестиции в новые ресурсы не накапливаются должным образом [3–5].

С. А. Хазова, развивая идею С. Хобфолла о рассмотрении ресурса в аспекте его «ценности» для конкретного человека, акцентирует внимание на ментальной природе ресурсов, подчеркивая, что и внутренние характеристики, и внешние объекты начинают играть ресурсную роль тогда, когда сама личность придает им такое значение и определена их ценность для достижения личностно значимого результата [8]. С. Любомирски в своих исследованиях убедительно доказал, что в том, как личность оценивает те или иные события ее жизни, особенно важны личностные характеристики, вклад объективных условий жизни составляет только 10% дисперсии [9].

Существует много исследований, демонстрирующих позитивную роль психологических ресурсов в преодолении стрессов [10–16], в том числе связанных с профессиональной деятельностью сотрудников органов внутренних дел [7; 11; 17]. Выбор копинг-стратегии зависит от количества ресурсов, доступных для совладания, и их субъективной оценки. В условиях ограниченных ресурсов субъект вынужденно занимает оборонительную позицию в ситуации стресса, предпочитая пассивные стратегии совладания [3–5; 13; 14; 18]. Вместе с тем оценка ситуации и ресурсов, необходимых для ее преодоления, является субъективной и основанной на имеющемся опыте.

Согласно модели рабочих требований и ресурсов (The Job Demands-Resources model, JD-R) А. В. Bakker, Е. Demerouti [19], в рамках которой системно объединяются организационные факторы, индикаторы психологического благополучия и личностные характеристики сотрудников, требования профессиональной деятельности сами по себе не приводят к негативным последствиям. Одни и те же организационные требования способны оказывать как негативный эффект, снижая продуктивность деятельности субъекта профессиональной деятельности при недостатке ресурсов, так и положительный эффект, мобилизуя и активируя ресурсы сотрудника, тем самым способствуя поддержке психологического благополучия и трудовой мотивации.

Теоретический обзор проблемы показал, что при изучении стратегий совладающего поведения необходимо рассматривать совокупный эффект требований профессиональной деятельности и ресурсов совладающего поведения. Выбор стратегии совладающего поведения определяется количеством доступных ресурсов и их субъективной оценкой.

Материалы и методы

В целях сбора эмпирических данных применялись следующие методики:

— специально разработанная анкета, включающая вопросы, направленные на выявление стресс-

факторов, психологических и социальных ресурсов, уровня удовлетворенности жизнедеятельностью респондентов;

— методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. Бойко, включающая 84 вопроса и три субшкалы степени сформированности эмоционального выгорания: напряжение, резистенция, истощение;

— опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в российской адаптации Н. Водопьяновой и Е. Старченковой, включающий 54 вопроса и субшкалы, отражающие 9 стратегий преодоления стрессовых ситуаций [20]. Опросник применялся в целях определения стрессоустойчивости руководителей. Высокие показатели по шкале «истощение» свидетельствуют о недостаточной способности справляться со стресс-факторами жизнедеятельности респондентов.

В исследовании приняли участие 34 руководителя, состоящих в резерве кадров на выдвижение на вышестоящую должность МВД России, имеющих стаж в органах внутренних дел от 2 до 29 лет, из них 12% женщин и 88% мужчин. Распределение результатов в выборке выступает нормативным, поэтому при анализе данных для выявления взаимосвязей проводился математический анализ с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты и обсуждение

Оценка эффективности профессиональной деятельности руководителей. Респонденты высоко оценивают эффективность своей профессиональной деятельности: среднее значение составляет 6,2 балла по шкале от 0 до 7, где 0 — «низкая эффективность», 7 — «высокая эффективность». Кроме того, данные сотрудники состоят в кадровом резерве, что также может свидетельствовать об эффективности их профессиональной деятельности. За последний год 71% респондентов не имели дисциплинарных взысканий, в течение года, предшествовавшего исследованию, поощрялись 65% сотрудников.

Мотивы, стресс-факторы и ресурсы профессиональной деятельности руководителей. Основными декларируемыми мотивами, определяющими привлекательность для респондентов их профессиональной деятельности, являются:

— альтруистические (возможность помогать людям) — 35%;

— формальные (зароботная плата, стабильность, график работы и пр.) — 29%;

— коммуникативные (общение с людьми, взаимопонимание в коллективе) — 18%;

— мотивы самореализации (творческая и интеллектуальная деятельность, творческий подход к решению служебных задач) — 12%.

К основным стресс-факторам профессиональной деятельности опрошенных руководителей относятся:

— чрезмерный документооборот (82%);

- выполнение большого объема работы в условиях дефицита времени (59%);
- эмоциональная нагрузка (41%);
- низкая мотивация подчиненных и необходимость постоянно контролировать их действия (29%);
- наличие значимых разногласий и конфликтов во взаимодействии с вышестоящим руководством (29%).

Справляться с трудными жизненными ситуациями респондентам помогают занятия спортом (88%), смена деятельности и обстановки (71%), сон (65%), расслабляющие и оздоровительные процедуры (53%), общение с друзьями и коллегами (53%), а также в кругу семьи (47%), отсутствие активной деятельности (35%), развлечения (29%), обсуждение с другими людьми возникшей проблемы (18%), курение (12%), компьютерные игры (12%).

Ни один из опрошенных не указал как способ справиться с трудными ситуациями целенаправленную психологическую работу: обращение к психологу или специалисту по решению конкретной проблемы, использование специальных приемов (релаксация, медитация, дыхательные упражнения), посещение семинаров и тренингов, мысленное конструирование самого события и/или будущего и пр. В целом респондентам было сложно дифференцировать и вербализовать внутренние ресурсы (в отличие от внешних ресурсов), привлекаемые для решения трудных ситуаций профессиональной деятельности. Большинство респондентов предпочитает преодолевать сложные жизненные ситуации, опираясь на внешние и внутренние ресурсы, которыми располагают в текущий момент.

Взаимосвязь уровня сформированности фаз стресса со стратегиями совладающего поведения и ресурсами руководителей. Среди моделей совладающего поведения в исследуемой группе наиболее представлены по степени выраженности импульсивные действия — у 47% респондентов; ассертивные действия — 41,2%; поиск социальной поддержки — 41,2%; вступление в социальные контакты и асоциальные действия — по 35,3%. Менее выражены такие модели совладающего поведения, как избегание и манипулятивные действия. При этом общий индекс конструктивности высокий у всех участников исследования.

Выявлены взаимосвязи между предпочитаемыми способами снятия психоэмоционального напряжения в трудных жизненных ситуациях и стратегиями совладающего поведения:

- стратегия «ассертивные действия» положительно связана со сменой деятельности и обстановки ($r=0,39$, $p<0,05$);
- стратегия «поиск социального контакта» — с занятиями спортом ($r=0,44$, $p<0,05$);
- стратегия «поиск социальной поддержки» положительно взаимосвязана с потребностью в общении

в кругу семьи ($r=0,36$, $p<0,05$) и отрицательно — со сменной деятельностью и обстановки ($r=-0,43$, $p<0,05$);

- стратегия «осторожность» отрицательно взаимосвязана с общением с друзьями, коллегами, знакомыми ($r=-0,38$, $p<0,05$);
- стратегия «избегание» отрицательно взаимосвязана с занятиями спортом ($r=-0,40$, $p<0,05$);
- стратегии «манипулирование» ($r=0,46$, $p<0,01$), «асоциальные действия» ($r=0,36$, $p<0,05$), «агрессия» ($r=0,49$, $p<0,01$) положительно взаимосвязаны с компьютерными играми;
- стратегия «агрессия» положительно связана с самостоятельным поиском информации в сети Интернет, специальной литературе, нормативных правовых актах ($r=0,38$, $p<0,05$).

Выявлена слабая положительная зависимость между сном как способом снимать напряжение в трудных жизненных ситуациях и степенью сформированности фаз стресса «истощение» ($r=0,38$; $p<0,05$) и «резистенция» ($r=0,41$; $p<0,05$), а также слабая отрицательная взаимосвязь между общением в кругу семьи как способом снимать напряжение в трудных жизненных ситуациях и степенью сформированности фазы стресса «истощение» ($r=-0,4$; $p<0,05$).

Полученные результаты позволяют предположить, что сон, субъективно рассматриваемый респондентами как ресурс, есть следствие падения общего тонуса и ослабленности нервной системы, т. е. повышенная потребность во сне и придание сну субъективной значимости служат симптомом сформированности фазы стресса «истощение». Общение в кругу семьи выступает как ресурс совладающего со стрессом поведения.

Кроме того, с помощью коэффициента корреляции Пирсона выявлена прямая положительная зависимость между степенью сформированности фаз стресса и стратегиями преодоления стрессовых ситуаций (табл.).

Таблица. Взаимосвязь уровня сформированности фаз стресса (по В. В. Бойко) и стратегий преодоления стрессовых ситуаций (по С. Хобфоллу в адаптации Н. Водопьяновой и Е. Старченковой)
(Table. Correlation between the level of formed stages of stress (according to Boyko V. V.) and strategies to overcome stressful situations (according to Hobfoll S. E. adapted by Vodopyanova N. and Starchenkova E.))

Фазы стресса по В. В. Бойко	Стратегии преодоления стрессовых ситуаций				
	социальный контакт	социальная поддержка	осторожность	импульсивность	избегание
Тревожное напряжение	-0,28	0,03	0,15	0,46**	0,53**
Резистенция	-0,49**	-0,39*	0,36*	0,26	0,4*
Истощение	-0,38*	-0,25	0,34	0,3	0,58**

Примечание. Уровень значимости коэффициента корреляции: * $p<0,05$; ** $p<0,01$.

Степень сформированности фазы стресса «резистенция» положительно коррелирует со стратегиями совладающего поведения «осторожность» и «избегание», отрицательно — со стратегиями «социальный контакт» и «социальная поддержка». «Тревожное напряжение» положительно взаимосвязано со стратегиями «избегание» и «импульсивность». «Избегание» является стратегией преодоления стрессовых ситуаций, связанной со всеми фазами стресса: чем ярче представлена стратегия «избегание» в совладающем поведении сотрудника, тем больше сформированы каждая из фаз стресса.

Современные исследования углубляют понимание механизмов совладающего поведения и рассматривают его как адаптивное поведение, позволяющее привести в соответствие ситуации требования и личностные особенности [13]. Вместе с тем отличие зрелого копинга — поливариантность, деструктивные эффекты применения стратегий совладающего поведения чаще всего связаны с сужением репертуара стратегий совладающего поведения.

Можно отметить деструктивное влияние преобладания пассивной, ориентированной на избегание стратегии совладающего поведения руководителей органов внутренних дел, о чем свидетельствуют выявленные взаимосвязи предпочтения этой стратегии с формированием трех фаз стресса, что согласуется с исследованиями С. Фолкмана, Р. Лазаруса, Т. Л. Крюковой, Т. В. Гущиной и др. [2; 13].

Проведенное исследование базировалось на принципах системно-деятельностного подхода, рассматривающего элемент в совокупности системных связей с другими элементами. Противоречие, возникающее в системе «личность — требования среды», должно изучаться не только с точки зрения стратегий совладающего поведения, но и во взаимосвязи с требованиями среды и ресурсами, имеющимися в распоряжении субъекта деятельности, и смыслами, которыми он наделяет данную ситуацию [21–23].

Стратегии совладающего поведения руководителя не могут рассматриваться в отрыве от конкретной ситуации профессиональной деятельности и контекста, в котором находится руководитель. Контекст может быть задан как требования или стресс-факторы профессиональной деятельности [23, с. 102].

В ходе исследования, направленного на выявление особенностей стратегий и ресурсов совладающего поведения руководителей органов внутренних дел, актуализируемых в ответ на требования организационной среды, установлена тесная связь уровня

сформированности всех фаз стресса со стратегией совладающего поведения «избегание», которая связана с отсутствием необходимых ресурсов, позволяющих справиться с трудной ситуацией. Полученные данные согласуются с результатами, представленными в работах других авторов [3–5], относящих «избегание» к дисфункциональным стратегиям совладания.

Недостаточная осведомленность о своих внутренних ресурсах, выявленная в процессе исследования, негативно сказывается на вторичной оценке стресс-фактора, реализуемой в ответе на вопрос «Смогу ли я справиться?» [2], что, вероятно, приводит к предпочтению стратегии «избегание» и неблагоприятно влияет не только на состояние руководителя, но и на эффективность его профессиональной деятельности.

Выводы

1. Полученные результаты позволили конкретизировать особенности восприятия рабочей среды и реакции на нее, оказывающие существенное влияние на формирование фаз стресса и выбор совладающего поведения руководителями органов внутренних дел.

2. Руководители не в полной мере справляются со стресс-факторами профессиональной деятельности, ограниченно задействуют внутренние ресурсы, применяя их преимущественно интуитивно, не используют в достаточной степени возможности проактивного совладания, что негативно сказывается на их психическом состоянии.

3. В исследовании не выявлено значимых связей декларируемых мотивов профессиональной деятельности со стратегиями совладающего поведения и уровнем сформированности фаз стресса. Вероятно, это направление для дополнительных расширенных исследований.

4. Установлено, что большинство руководителей предпочитают преодолевать трудные жизненные ситуации, опираясь на внешние и внутренние ресурсы, которыми располагают в текущий момент, и не склонны осознанно и целенаправленно их формировать и накапливать.

Перспективы. Дальнейшие пути исследования могут заключаться в поиске моделей целенаправленного и персонифицированного формирования и развития психологических ресурсов руководящего состава органов внутренних дел, проактивного совладания, основанного на предвосхищении стрессорных воздействий за счет накопления внешних и внутренних ресурсов, позволяющих справиться с профессиональным стрессом, повышая психоэмоциональную устойчивость к стресс-факторам.

Список источников

1. Еремеев С. Г., Тюфяков Н. А., Шахматов А. В. Влияние особенностей профессиональной деятельности на психофизиологическое состояние сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 4(83). С. 383–389. DOI: 10. 24411/1999-6241-2020-14003.
2. Folkman S. and Lazarus R. S. Coping and emotion. Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991. Pp. 207–227.
3. Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress. *American Psychologist*. 1989. Vol. 44. Pp. 513–524.
4. Hobfoll S. E. Social and psychological resources and adaptation. *Review of General psychology*. 2002. Vol. 6, № 4. Pp. 307–324.
5. Hobfoll S. E. Conservation of resource caravans and engaged settings. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2011. Vol. 84. Pp. 116–122.
6. Леонтьев Д. А. Развитие личности в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 3. С. 97–106.
7. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006. 528 с.
8. Хазова С. А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды : дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2014. 540 с.
9. Lyubomirsky S. The HOW of happiness: A practical approach to getting the life you want. Penguin, 2007. 384 p.
10. Кожевникова Е. Ю. Личностные ресурсы преодоления ситуации социально-экономической депривации : дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006. 247 с.
11. Мальцева Т. В. Основные направления совершенствования методов оптимизации функциональных состояний в целях активизации психологических ресурсов сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : сб. мат-лов IV междунар. конф. М., 2020. С. 239–241.
12. Воищева Н. М., Слабинский В. Ю. Совладающее поведение и профессиональное выгорание: уровневый подход // Медицинская психология в России. 2020. Т. 12, № 5(64). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 30.09.2021).
13. Крюкова Т. Л., Гущина Т. В. Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома, 2015. 236 с.
14. Муздыбаев К. Стратегии совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 100–111.
15. Сергиенко Е. А. Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М., 2008. С. 67–83.
16. Старченкова Е. С. Феномен проактивного совладающего поведения в психологии профессионального здоровья (на англ. яз.) // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 4. С. 156–183. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 30.09.2021).
17. Лебедев И. Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресса преодолевающего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России) : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 432 с.
18. Schwarzer R., Knoll N. Proactive Coping. The Encyclopedia of Positive Psychology / ed. by S.J. Lopez. Oxford, UK; Malden, MA: Wiley-Blackwell. 2009. Vol. II. Pp. 781–784.
19. Bakker A. B., Demerouti E. The Job Demands-Resources Model: state of art. *Journal of Managerial Psychology*. 2006. Vol. 22, № 3. Pp. 309–328.
20. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009. 336 с.
21. Плющева О. А., Махнач А. В. Жизнеспособность специалиста помогающей профессии в организационной среде // Организационная психология. 2021. Т. 11, № 2. С. 124–153. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 30.09.2021).
22. Битюцкая Е. В., Корнеев А. А. Диагностика факторов копинга: апробация опросника «Типы ориентаций в трудных ситуациях» // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 1. С. 97–111.
23. Иванова Т. Ю., Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Рассказова Е. И., Кошелева Н. В. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. 2018. Т. 8, № 1. С. 85–121. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 30.09.2021).

Поступила 28.10.2021; одобрена после рецензирования 20.11.2021; принята в печать 30.11.2021.

References

1. Eremeev S. G., Tyufyakov N. A., Shakhmatov A. V. Influence of features of professional activity on the psychophysiological state of police officers. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2020. Vol. 25, No. 4(83). Pp. 383–389. DOI: 10. 24411/1999-6241-2020-14003. (In Russ.)
2. Folkman S. and Lazarus R. S. Coping and emotion. Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., 1991.
3. Hobfoll S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress. *American Psychologist*. 1989. Vol. 44. Pp. 513–524.
4. Hobfoll S. E. Social and psychological resources and adaptation. *Review of General psychology*. 2002. Vol. 6, No 4. Pp. 307–324.
5. Hobfoll S. E. Conservation of resource caravans and engaged settings. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2011. Vol. 84. Pp. 116–122.
6. Leontiev D. A. Personality development in difficult conditions. *Cultural-Historical Psychology*. 2014. Vol. 10, No 3. Pp. 97–106. (In Russ.)
7. Bodrov V. A. Psychological stress: development and overcoming. Moscow, 2006. 528 с. (In Russ.)
8. Khazova S. A. Mental resources of the subject in different age periods. Doctor of sciences dissertation (in Psychology). Kostroma, 2014. 540 p. (In Russ.)
9. Lyubomirsky S. The HOW of happiness: A practical approach to getting the life you want. Penguin, 2007. 384 p.
10. Kozhevnikova E. Yu. Personal resources for overcoming the situation of socio-economic deprivation. Candidate of sciences dissertation (in Psychology). Krasnodar, 2006. 247 p. (In Russ.)

11. Maltseva T. V. The main directions of improving methods of optimizing functional states in order to activate the psychological resources of law enforcement officers of the Russian Federation. Professional education of law enforcement officers. Pedagogy and Psychology of Service Activity: State and Prospects. Collected articles (materials of the 4th international conference). Moscow, 2020. Pp. 239–241. (In Russ.)
12. Voishcheva N. M., Slabinsky V. Yu. Coping behavior and professional burnout: a level approach. *Medical Psychology in Russia: electronic scientific journal*. 2020. Vol. 12, No. 5(64). URL: <http://mprj.ru> (accessed: 30.09.2021). (In Russ.)
13. Kryukova T. L., Gushchina T. V. Culture, stress and coping: socio-cultural contextualization of coping behavior. Kostroma, 2015. 236 p. (In Russ.)
14. Muzdybaev K. Strategies for coping with life difficulties. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1998. Vol. 1, No. 2. Pp. 100–111. (In Russ.)
15. Sergienko E. A. Subject regulation of coping behavior. Coping behavior: Current state and prospects. Ed. by Zhuravlev A. L., Kryukova T. L., Sergienko E. A. Moscow, 2008. Pp. 67–83. (In Russ.)
16. Starchenkova E. S. The phenomenon of proactive coping behavior in the psychology of professional health (in English). *Organizational psychology*. 2020. Vol. 10, No. 4. Pp. 156–183. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (accessed: 30.09.2021). (In Russ.)
17. Lebedev I. B. Psychological mechanisms, strategies and resources of stress overcoming behavior (coping behavior) of extreme profile specialists (on the example of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Doctor of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 2002. 432 p. (In Russ.)
18. Schwarzer R., Knoll N. Proactive Coping. The Encyclopedia of Positive Psychology. Ed. by S.J. Lopez. Oxford, UK; Malden, MA: Wiley-Blackwell. 2009. Vol. II. Pp. 781–784.
19. Bakker A. B., Demerouti E. The Job Demands-Resources Model: state of art. *Journal of Managerial Psychology*. 2006. Vol. 22. No. 3. Pp. 309–328.
20. Vodopyanova N. E. Psychodiagnostics of stress. St. Petersburg, 2009. 336 p. (In Russ.)
21. Plyushcheva O. A., Makhnach A. V. Viability of a specialist in a helping profession in an organizational environment. *Organizational Psychology*. 2021. Vol. 11, No. 2. Pp. 124–153. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (accessed: 30.09.2021). (In Russ.)
22. Bityutskaya E. V. Korneev A. A. Diagnostics of coping factors: testing the questionnaire "Types of orientations in difficult situations". *Psychological Journal*. 2020. Vol. 41, No. 1. Pp. 97–111. (In Russ.)
23. Ivanova T. Yu., Leontiev D. A., Osin E. N., Rasskazova E. I., Kosheleva N. V. Modern problems of studying personal resources in professional activity. *Organizational psychology*. 2018. Vol. 8, No. 1. Pp. 85–121. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (accessed: 30.09.2021). (In Russ.)

Submitted: 28.10.2021; approved after reviewing: 20.11.2021; accepted for publication: 30.11.2021.

Психологические аспекты напряженности и конфликтологии

Psychological aspects of tension and conflict resolution

Научно-теоретическая статья

УДК 159.98+316.64 © В. Р. Петросянц, Л. Н. Гридяева, М. Р. Арпентьева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-40-49

5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

5.3.7 Возрастная психология

Буллинг и проблемы психологической безопасности образования

Виолетта Рубеновна Петросянц¹, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры практической психологии; vipe80@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8615-2974>

Людмила Николаевна Гридяева¹, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры практической психологии; lgridyaeva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0239-0861>

Мариям Равильевна Арпентьева², доктор психологических наук, доцент, фрилансер; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ Воронежский государственный педагогический университет, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86, Россия

² 2900, Монреаль, Квебек, бульвар Эдуард-Монпети, НЗТ 1J4, Канада

Реферат

Введение. Современное образование России столкнулось с массовыми случаями насилия в форме буллинга и иных форм травли одних людей (учеников, педагогов, родителей, представителей администрации и т. д.) другими. Виды и формы насилия в образовании многочисленны, например буллинг и stalking (перспективид, газлайтинг, висхолдинг, психологический шантаж и колумбайн). Цель исследования — анализ буллинга как источника угроз психологической безопасности образования.

Материалы, результаты и обсуждение. Поиск решений проблем насилия и безопасности образования обращает внимание на несколько основных аспектов виктимизации образования: 1) организационно-методические проблемы и нарушения; 2) межличностные и 3) личностные деформации. Традиционные для образования отношения субординации, пронизывающие современное образование по линиям «ученик — педагог» и «педагог — администрация», порождают различные риски нарушений безопасности, реформы и инновации в образовании, либо служат попыткой смягчения этой проблемы (активные методы обучения, открытая педагогика, практики «перевернутого класса» и т. п.), либо усугубляют ее (менеджериализация, десакрализация и коммерциализация образования и т. п.). Важным моментом на пути обеспечения психологической безопасности образования являются согласованность его целей и путей, учет в разработке стратегии коррекции и профилактики насилия распространенных типов субъектов насилия («шантажирующих», «жертвующих», «искушающих») и сценариев их активности. Антибуллинговые практики в вузах должны быть обращены к коррекции и профилактике нарушений в учебно-профессиональной деятельности студентов и преподавателей, созданию оптимальной среды их развития в вузе, семье, социуме в целом, в том числе переход от отчужденных ролевых инсценировок противостояний к отношениям уважительной искренности и поиску согласия. **Выводы.** Системная модель нарушений психологической безопасности образования предполагает профилактику и коррекцию психологических и сопутствующих нарушений развития и функционирования отдельных субъектов образования. Она также включает профилактику и коррекцию деструктивных и неэффективных отношений, складывающихся между субъектами образования, затрудняющих или блокирующих процессы развития, обучения и воспитания отдельных людей и их групп. Она означает также профилактику и коррекцию организационных нарушений и нравственно-психологического здоровья социума в целом. Учет всех сторон и мер профилактики и коррекции буллинга помогает успешно работать над задачами обеспечения психологической безопасности образования.

Ключевые слова: буллинг; насилие; травля; менеджериализм; коммерциализация образования; психопатизация личности; отношения манипуляции; стокгольмский синдром; безопасность образования

Для цитирования: Петросянц В. Р., Гридяева Л. Н., Арпентьева М. Р. Буллинг и проблемы психологической безопасности образования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 40–49. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-40-49>

Scientific and Practical Article

UDC 159.98+316.64 © V. R. Petrosyants, L. N. Gridyaeva, M. R. Arpentieva, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-40-49

5.3.4 Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

5.3.7 Developmental Psychology

Bullying and Problems of Psychological Safety in Education

Violetta R. Petrosyants¹, Candidate of sciences (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor of the chair of Practical Psychology; vipe80@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8615-2974>

Lyudmila N. Gridyaeva¹, Candidate of sciences (in Psychology), Associate-Professor, Associate-Professor of the chair of Practical Psychology; lgridyaeva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0239-0861>

Mariam R. Arpentieva², Doctor of sciences (in Psychology), Associate-Professor, freelance researcher; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ Voronezh State Pedagogical University, 86 Lenin st., Voronezh, 394043, Russia

² 2900, boul. Edouard-Montpetit, Montreal, Quebec, H3T 1J4, Canada

Abstract

Introduction. Modern education in Russia have faced massive incidents of violence in the form of bullying and other forms of bullying of some people (students, teachers, parents, representatives of the administration, etc.) by others. The types and forms of violence in education are numerous: bullying and stalking in the form of prospecticide / gaslighting, withholding, psychological blackmail, and even columbine. The purpose of the study is to analyze bullying as a source of threats to the psychological safety of education.

Materials, Results and Discussion. The search for solutions to the problems of violence and the safety of education draws attention to several main aspects of victimization of education: 1) organizational and methodological problems and violations; 2) interpersonal and 3) personal deformations. The relations of subordination, traditional for education, permeating modern education according to areas "student – teacher" and "teacher – administration" generate numerous risks of security breaches, reforms and innovations in education, and either mitigate this problem (active teaching methods, open pedagogy, practices of "inverted class", etc.), or aggravate it (managerialization, desacralization and commercialization of education, etc.). An important point in ensuring the psychological safety of education is the consistency of its goals and means, consideration of the development of a strategy for the correction and prevention of violence of common types of subjects of violence ("blackmailing", "sacrificing", "tempting") and scenarios of their activity. Anti-bullying practices in universities should address the correction and prevention of violations in the educational and professional activities of students and teachers, the creation of an optimal environment for their development in the university, family, society as a whole, including the transition from alienated-role dramatization of confrontations to relations of respectful sincerity and seeking consent. **Conclusions.** The systemic model of violations of the psychological safety of education involves the prevention and correction of psychological and related disorders in the development and functioning of individual subjects of education. It also includes the prevention and correction of destructive and ineffective relationships that develop between the subjects of education, hindering or blocking the development, training and education of individuals and their groups. It also means the prevention and correction of organizational disorders and the moral and psychological health of society as a whole. Consideration of all aspects and measures for the prevention and correction of bullying helps to successfully deal with the tasks of ensuring psychological safety of education.

Keywords: bullying; violence; mobbing; managerialism; commercialization of education; psychopathization of personality; manipulation relations; Stockholm syndrome; educational safety

Citation: Petrosyants V. R., Gridyaeva L. N., Arpentieva M. R. Bullying and problems of psychological safety in education. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 40–49 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-40-49>

Основные положения

1. В образовательных отношениях современного вуза вслед за опытом травли и насилия в школах постепенно нормализуются многочисленные виды насилия, включая буллинг, выступающий как важнейший источник и проявление психологической опасности образования.

2. Причинами насилия становятся деформации организационного, межличностного и личностного уровней, с которыми субъекты образовательных отношений сталкиваются в вузе и вне его, в том числе в семьях. Антибуллинговые практики в вузах должны быть обращены к коррекции и профилактике нарушений в учебно-профессиональной деятельности студентов и преподавателей, к созданию оптимальной среды их развития в вузе, семье, социуме в целом.

3. Традиционные для образования отношения субординации создают разнотипные риски нарушений безопасности, усугубляемые реформами организационной стороны образования, например, его менеджериализацией и коммерциализацией.

4. Насилие как причина, проявление и следствие потери образовательными отношениями их психологической безопасности требует пересмотра отношений в обществе в целом и в вузе в частности: движение от отчужденных ролевых инсценировок превосходства к уважительной искренности и поиску согласия.

5. Системная модель нарушений психологической безопасности образования предполагает профилактику и коррекцию психологических и сопутствующих нарушений развития и функционирования

отдельных индивидов, их отношений и организационной структуры вуза в целом.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Современное образование России столкнулось с массовыми случаями насилия в форме буллинга и иных форм травли одних людей (учеников, педагогов, родителей, представителей администрации и т. д.) другими. Эта ситуация, несмотря на попытки практиков и теоретиков ее разрешить, пока лишь усугубляется: это хорошо видно по нарастанию общественных и административных «претензий» к педагогам, по учащению случаев обращений школьников и студентов за помощью к администрации школ, родителям и общественности и т. д. При поиске ответов на ставшие традиционными для России вопросы «кто виноват?» и «что делать?» исследователи обращают внимание на несколько основных аспектов виктимизации образования, потери им психологической безопасности, среди которых можно выделить организационно-методические проблемы и нарушения, межличностные и личностные деформации [1–4].

Организационно-методические нарушения демонстрируют практики менеджериализма и коррупции, распространившиеся в российском образовании в последние десятилетия: а) образование из сферы культуры (культурной трансмиссии) превратилось в сферу торговли образовательными услугами, что спровоцировало резкий рост коррупционных схем по их продаже и т. д.; б) к управлению образованием в массе случаев пришли «менеджеры» — люди, не имеющие сформированных и значимых для них педагогических и научно-исследовательских интересов, но тесно связанные «круговой порукой», центрированной вокруг финансовых интересов и интересов власти, с другими менеджерами; в) бюрократизация управления привела к серьезным деформациям методического пласта образования: сокращению учебных программ, их выхолащиванию на фоне все нарастающего документооборота, вытесняющего педагогическую деятельность.

Межличностные и личностные деформации педагогов, учеников, родителей, живущих в обществе «легкой социальности» (всеобщей отчужденности и аномии), сформировались и развиваются по сценариям, диктуемым процессами а) коммерциализации и коммодификации жизни в целом и образования в частности; б) десакрализации образования и связанных с ним жизненных ценностей, утраты референтности образования, в том числе как социального лифта; в) «цифровизации» контактов между людьми, при которых создаются иллюзии, что педагога может успешно заменить компьютер, ученику не нужно учиться, а нужно знать, где найти информацию, родителям нужно заботиться не о ребенке, а о том, как «заработать на репетитора» или сразу на «место» для ребенка, и т. д.

В реальной образовательной ситуации мы сталкиваемся, как правило, с конгломератом проблем: дефекты организации образования провоцируют и активизируют дефекты отношений людей и наоборот. В итоге возникает то, что можно назвать «кругами» или «спиралью насилия», эскалация которого способна привести к самым печальным последствиям, вплоть до уголовных преступлений [5–8].

Цель — анализ буллинга как источника угроз психологической безопасности образования.

Материалы, результаты и обсуждение

Гармоничность образовательных отношений — основа их безопасности. Важным моментом на пути обеспечения психологической безопасности образования является согласованность его целей и путей (средств достижения целей), а также сам характер согласования: в некоторых случаях педагог полагает, что «цель оправдывает средства», и это дает возможность не ограничивать себя в выборе, реализации и рефлексии таких средств. При этом концепция обучающего воздействия остается несформированной, не развивается или развивается путями, ведущими дидактическую коммуникацию к деформациям и краху. Результатом также становятся ученики, воспринимающие образование как не слишком важную сферу жизни человека, возникает десакрализация образовательного процесса и его результатов в форме школярства, «зубрежки» и/или неукладности, задержек или нарушений развития в форме педигений, матетогений и т. д. Если такое положение дел навязывается всей системой образования, возникают эдьюктогении — деструктивные психологические последствия деформаций организационной структуры образования.

В качестве распространенных примеров такого нарушения можно рассмотреть доктрины «квалифицированного потребителя» и «практического обучения»: истинная цель образования как процесса культурной трансмиссии на уровне реорганизации всей системы образования подменяется продажей «образовательных услуг» и подготовкой «специалистов одной кнопки», способных стабильно обслуживать «элиту» и созданную ею «экономическую систему», да еще и конкурировать в этом с другими людьми и устройствами (роботами и т. д.). Они делают это, не вдаваясь в смыслы и цели данной системы, ее действительную работоспособность, продуктивность и эффективность.

Изменения организационного и идеологического плана образовательных отношений сопровождаются деформациями жизнедеятельности человека в виде «смещений» цели на мотив (средство) и мотивов на цель, при этом человек окончательно запутывается и отказывается от задач формирования и достижения целей, не поддерживаемых системой образования и отношениями в обществе в целом. Он становится «винтиком» системы, создающей правила помимо его

воли, интересов, способностей, помимо императивов человечности, культуры, развития. Громкие околонучные и псевдообщественные дискуссии о важности экономического и даже законодательного регулирования и «выживания», о совладании с экономическими и иными «трудностями» активно маскируют деформации, которые происходят в сфере социальных отношений и их духовно-нравственного обеспечения. Смысл этих нарушений заключается, в частности, в том, что образование, как и многие иные социальные институты, начинает выступать преимущественно как институт властного управления сообществом и человеком со стороны государства, разделения сообщества на «элиты» и «рабов».

При наличии менеджериализма и коррупции в системе управления образованием нарушения в его функционировании и развитии становятся многочисленными и нормативными. Это проявляется, например, в разделении «массового» и «элитарного» образования, когда первое остается практически на одном и том же уровне, а второе стремительно и перманентно падает все ниже и ниже. Пример современной эдьюктогении — формирование «человека служебного»: резкое ограничение возможностей развития, самоактуализации и самореализации ведет при поддержке страха развития (комплекса Ионы А. Маслоу) к отказу от развития, десакрализации и отчуждению, лоскутизации сознания, ценностей, отношений, формированию отношений «легкой социальности», т. е. социопатизации и примитивизации социальных отношений и человека. В случае, когда педагог полагает в качестве определяющего звена цель образования, подстраивая под нее средства обучения и воспитания, у него есть возможность осуществить прорыв к базовым смыслам и феноменам дидактического взаимодействия. Это хорошо видно на примере многих авторских школ и моделей, таких как «оптимистическая гипотеза» А. С. Макаренко, «зона ближайшего развития» Л. С. Выготского, «поэтапное формирование действий» П. Я. Гальперина, многие иные достижения «мягких», «культурно-исторических», «контекстных», «интерсубъективных», «диалогических» педагогических доктрин и технологий, направленных на активизацию, формирование и развитие самостоятельности, умения учиться у школьников и студентов.

Культура насилия и психологическая опасность образования. В качестве последствий рассогласования целей и средств образования в школах и вузах выступает атмосфера насилия, в отсутствие культуры насилия имеющая ярко выраженные проявления психологической опасности. Культура насилия — культура применения мер насильственного или принудительного воздействия одних социальных субъектов (успешно закончивших процессы социализации носителей культуры) в отношении других (проходящих социализацию

или ресоциализацию или находящихся в состоянии добровольной или вынужденной десоциализации), связанная с требованиями соблюдения предписаний и запретов культуры, в том числе в образовании. Отсутствие культуры насилия проявляется как комплекс нарушений запретов и предписаний по поводу применения принудительных мер воздействия десоциализованными социальными субъектами на иных в разной мере социализированных субъектов, вне связи с требованиями соблюдения предписаний и запретов культуры, в том числе культуры образования. Речь идет о насилии, не имеющем целей развития человека и общества, осуществляющемся некомпетентными педагогами или субъектами, присвоившими себе статус педагогов/опекунов/рабовладельцев, позволяющий им в разной мере нравственно-психологически и юридически легитимно или нелегитимно воздействовать на других людей, их состояние, отношения, деятельность и жизнь в целях десоциализации и деструкции, вплоть до уничтожения.

В образовании отношения людей нарушаются очень легко, поскольку система субординации (подчинения и власти учителя, преподавателя в отношении учеников) является одной из его основ. Эти отношения субординации «учитель — ученик» также дополняются отношениями «педагог — администрация». Многочисленные реформы и инновации в образовании либо являются попыткой смягчения этой проблемы (активные методы обучения, открытая педагогика, практики «перевернутого класса» и т. п.), либо усугубляют ее (менеджериализация, десакрализация, коммерциализация образования и т. п.). Так, расцвет менеджериализма в образовании России в последние 30 лет привел к тотальной коррупции, в том числе в сфере управления (власти). Это выражается как в тотальной бюрократизации, стандартизации, выхолащивании/формализации образования, так и в тех феноменах деформированных отношений, которые сопровождают указанные явления. Кроме того, помимо менеджериализма, негативное воздействие на состояние образования оказала коммерциализация, достигшая состояния коммодификации:

1) образование стало элементом системы «экономического рабства», принудительной и «безвариантной» социальной стратификации людей на уровне возможностей их развития, приобщения к культуре;

2) образование стало предметом торговли, что привело к его опустошению и прогрессирующей формализации: продаются не столько «услуги», сколько документы об образовании.

Однако продажа документов редко осуществляется напрямую, она часто сопряжена с рядом унижительных «инициаций» и «спектаклей», принуждающих человека пребывать в «псевдообразовательной» среде, имитирующей процессы и результаты образования и инсценирующей само развитие человека.

Инсценировки развития как суть инициаций естественным образом приводят человека не к развитию, а к его инсценировкам, в том числе к расцвету отношений манипуляции, а также прямому одностороннему или взаимному обману. В итоге в школах и вузах многие учителя и педагоги сталкиваются с проблемами ресентимента и насилия (буллинга), психологического выгорания и профессиональных деформаций, отражающими не просто наличие препятствий самоактуализации и самореализации в образовании и жизни в целом, но и их ненужность, невозможность, чрезмерность, отвержение. Становятся рудиментами и искренние отношения, отношения взаимного уважения, принятия, соучастия/включенности, способные сами по себе предотвращать и корректировать ситуации насилия, деструктивного, бессмысленного с точки зрения образовательных задач, уничтожающего собеседника принуждения [8–10].

Попытки решить эти проблемы за счет других, например учащихся и обучающихся, порождают эскалацию конфликтов, насилия и отчуждения в дидактической коммуникации и по поводу дидактической коммуникации. С последствиями «инсценировок» в образовании сталкиваются и ученики. Школярство — древний и универсальный ответ на инсценировку образования — дополняется многочисленными замещающими формами активности, в том числе в отношениях с одноклассниками и однокурсниками, педагогами в форме открытого или латентного насилия, вплоть до буллинга и иных форм.

Виды насилия и типы субъектов насилия в образовании. В список видов насилия, распространенных в образовании, включается перспектицид, в том числе газлайтинг, висхолдинг и психологической шантаж. Феномен колумбайна находится за рамками насилия, переходя в непосредственное уничтожение, убийство человеком человека. Перспектицид — это явление, при котором партнер-агрессор направленно деформирует миропонимание и самопонимание жертвы, в итоге жертва видит мир таким, каким выгодно абьюзеру, а осознавать правду небезопасно. Это неспособность знать то, что знаешь¹ [8; 11–13].

В случае с газлайтингом как видом перспектицида речь также идет об изменении реальности, но здесь агрессор ставит под сомнение адекватность жертвы, манипулирует когнициями и эмоциями: отрицает и игнорирует воспоминания прошлого, факты настоящего и предвосхищения будущего, обесценивает и отрицает переживания, стыдя за то, в чем она не виновата, чтобы выставить сумасшедшей. Абьюзер заставляет партнера поверить в невероятные вещи, включая его

собственное сумасшествие. Жертва теряет понимание реальности. Очень часто перспектицид предполагает лишение личного времени и пространства при тотальном контроле, изоляции жертвы от общества и истощении ее внутренних и внешних ресурсов. Висхолдинг (молчаливый бойкот или уклонение от диалога — вид пассивной агрессии, проявляющейся в игнорировании ребенка/ученика/партнера в «воспитательных целях») часто связан с запретом агрессором на выражение жертвой переживаний, агрессор может их рассматривать как что-то ненужное, обесценивать их, предъявлять молчаливый бойкот, давать ложные обещания или внушать ложную вину.

Психологический шантаж включает разные виды принуждения к «условным» отношениям, делающие других психологически мертвыми, объектными, безопасными. В основе психологического шантажа и насилия в целом — страх перед «дружескостью», отличиями, эхо страха одиночества и потери любви и защиты, утраты дарящего их «объекта» (объектных отношений) [14; 15]. Этот страх подпитывается проблемами организационного, экономико-правового и социально-политического характера, включая обесценивание человека, его отношений и самой жизни на фоне развала образования и культуры как канала ее трансмиссии [16; 17]. Как бы не хотелось исследователям насилия в образовании ограничиться персональными и межперсональными аспектами, не менее важную роль в возникновении деформаций играют социальные и экономические, нравственные и юридические проблемы. Если человек в сообществе изначально лишен возможности самоактуализации и самореализации, ему не остается другого пути, как включиться в отношения насилия. Эти отношения, очевидно, также не предполагают возможности ни того, ни другого — ни для него, ни для его партнеров, таких же продуктов общественно-политической деструкции, как и он. Воспроизводство отношений, которые лишены надежды на выход, свободы и ответственности, привело современное российское общество на грань коллапса.

Этот процесс на уровне как отдельного человека, так и сообщества в целом разделен на ряд этапов. Процесс насилия и шантажа включает первичную блокировку свободы воли и выбора человека путем постановки его перед трудно осуществляемым или практически невозможным для человека выбором (между самим собой и выдвинутым «условием» продолжения, восстановления, развития отношений, получения награды, оплаты и т. д.). Таким образом, шантаж более явно, чем иные способы насилия, предполагает использование некой «стержневой угрозы» — условия

¹ *Детка-малышка.* Висхолдинг. Мучительное наказание детей, которое использует 70% родителей // Яндекс. Дзен. 2020. 18 нояб. С. 1. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5cd69cdea682f40afb9e82e/visholding-muchitelnoe-nakazanie-detei-kotoroe-ispolzuet-70-roditelei-5fb49df29bb3e62374056e26> (дата обращения: 20.02.2021).

продолжения или развития отношений: лишенный выбора человек не сможет уйти или предать [18; 19].

Далее возникает девитализация партнера до уровня превращения его в более низшее по развитию и подчиненное шантажисту существо, «домашнее животное» и т. п. При этом девитализация партнера порождает и внутреннюю механизацию того, кто шантажирует, его психопатизацию, отношения превращаются в психологическую зависимость, поддерживаемую системой ритуалов. Построенные на взаимном шантаже «машинизированные» отношения, характеризующиеся «легкой социальностью» и симуляцией заботы, свободы, взаимопонимания и «толерантности» и т. д., часто выглядят стабильными и неизменными.

Ученые выделяют несколько эмпирических типов субъектов насилия, ярко проявляющихся в образовании и иных средах и соответствующих разным видам насилия:

1. *Шантажирующие*. Шантажисты-каратели, преследователи/сталкеры, прямо угрожающие расправой и наказанием. Некоторые шантажисты сознательно садистичны, они являются социопатами или психопатами. Поэтому им сложно помочь [20; 21]. К сожалению, психопатические и социопатические нарушения становятся все более частными и «нормативными» как в обществе в целом, так в образовании в частности. Эти нарушения также показывают, что преследователь активно использует стратегии маскировки («я не причем»), изображая из себя еще одну жертву или доброжелателя. Последний вариант — один из самых опасных: преследователь либо «воспитывает» жертву, исходя из «лучших» побуждений, либо обманывает ее доверие, притворяясь «хорошим» и смещая локус ответственности на третьих лиц, как якобы стремящихся принести вред его «подзащитному».

2. *Жертвующие*. «Жертвующие собой», «жертвы» или просто «мученики» угрожают людям причинением вреда самим себе или указывают на то, что другие причиняют им вред. Они перекладывают ответственность за проблемы на других, уверяя, что последние должны служить им и проявлять бесконечную заботу о них. Иногда «жертвы» могут нападать на «насильников»: в «праведном гневе», за «издевательства», которые якобы учинил над ними «насильник». Инсценировки этого типа часто становятся предметами юридических (правоохранительных) разбирательств и преследований: «жертва» подставляет «насильника», нередко виноватого лишь тем, что он оказался в поле зрения «жертвы». Фальсификация преступлений часто используется как действенная мера шантажа. В этом контексте каратели и их «жертвы» — пересекающаяся категории. В образовании такие ситуации достаточно часты, так же как и в среде интимно-личностных отношений: «жертва» организует травлю «насильника», не соглашающегося играть в те игры, которые она предлагает.

3. *Искушающие*. Искусители устраивают проверки и обещают что-то, если человек им уступит, но в итоге дают немного или совсем ничего. Они создают иллюзию того, что «мечта», цель человека вполне достижима, нужно лишь немного напрячься, сделать небольшой шаг (к предательству самого себя или других, к отказу от той или иной духовной ценности и т. д.). Этот процесс усиливается своего рода «заражением» жертв от их насильников: обычно жертвы насилия характеризуются психологической нестабильностью, незрелостью и отсутствием собственного мнения, опытом чрезмерной родительской или иной опеки. Они часто боятся быть отвергнутыми и страшатся гнева. Они берут ответственность на себя, ищут оправдания себе и другим, но чаще всего испытывают чувство вины. Такой человек обычно полагает, что любовь — это жертвы; он испытывает страх перед гневом и готов вести себя так, как угодно другому (чтобы не рассердить, не причинить боли и т. д.). Но в какой-то момент он может не выдержать давления и превращается либо в послушного исполнителя воли абьюзера, либо сам становится абьюзером (меняется ролями в текущих отношениях или завязывает новые, дополнительные). Круг насилия либо замыкается и может быть рано или поздно исчерпан, либо выходит на иной уровень с вовлечением все новых участников.

Поскольку статистика по России свидетельствует об опыте насилия у большей части школьников, студентов, учителей, преподавателей, постольку более распространенным, очевидно, является второй вариант [22–26].

Часто в данных отношениях действует модель «уничтожить, чтобы потом спасти», хорошо описанная О. де Бальзаком и иными мыслителями. Она отчасти лежит в основе «стокгольмского синдрома» [27–29], опасность которого заключается в действиях заложника против собственных интересов. Например, жертва может препятствовать своему освобождению или защищать преступника ценой своей безопасности или даже жизни. Но в целом такой синдром может быть даже полезным для выживания и успешных переговоров с преступниками, которые могут проникнуться симпатией к своим жертвам. Этот синдром отражает наличие защитной и неосознаваемой травматической связи, включающей взаимную или одностороннюю симпатию или даже близость, возникающую между жертвой и агрессором. В ситуации травмы, пытаясь найти «сильную опору», человек видит ее в том, кто травму наносит: заложники и жертвы насилия начинают сочувствовать своим захватчикам/преследователям, оправдывать их действия и даже отождествлять себя, своих родителей или иных значимых людей с ними, присваивать их идеи и считать свои страдания необходимыми для достижения «общей» цели. Механизм психологической защиты, лежащий в основе стокгольмского синдрома,

осмыслен еще А. Фрейд как «идентификация с агрессором». Такое положение дел может быть и результатом сознательного выбора, а также осознанной позиции. В данном случае возникает вопрос, каковы отношения этих людей, действительно ли нарушаются запреты и предписания культуры, в том числе культуры насилия. Вполне вероятно, что «насилыник» и его «жертва» выступают именно как носители культуры и борцы за ее восстановление, в отличие от того сообщества, в котором они «разыгрывают» выбранные роли. Протест против повседневных инсценировок может принимать разные формы, в том числе и такие экзотические, как захваты заложников, акции протеста и т. д.

Антибуллинговые практики в университете.

При любых вариантах буллинга и насилия остается очевидным: обществу нужно искать пути предотвращения и коррекции таких ситуаций. Для этого необходимо каждому человеку как члену сообщества начать с самого себя: если не было бы развала социальных отношений в целом, если бы культура, ее запреты и предписания соблюдались каждым, а не осмеивались и не отвергались даже перед лицом агрессивной пропаганды, подобных ситуаций было бы существенно меньше. Конечно, требуется и изменение на уровне организационно-методическом: прежде всего в руководство образованием должны быть включены педагоги и ученые с большим и успешным стажем, а не просто «менеджеры», равнодушные к чему-либо, кроме финансовых отчетов и власти. Крайне важна инициация «инициативы снизу»: включение в решение проблем образовательных учреждений всех заинтересованных лиц — стейкхолдеров. Итак, чтобы «Общество 5.0» нового технологического уклада было «суперинтеллектуальным», следует использовать в первую очередь не помощь компьютеров и технологий компьютерного управления людьми, а прямое участие людей в решении непосредственно затрагивающих их проблем [30–33]. Эти люди могут использовать цифровые технологии в образовании и иных сферах, но не ценой забвения того, ради чего, а точнее, для блага кого, принимаются решения и используются социальные, цифровые, биологические и иные технологии [34].

Антибуллинговые практики в вузах — насущная необходимость, которая может быть структурирована вокруг ряда таких аспектов, как:

1) восстановление и поддержание общественного здоровья: социально-педагогический контекст [34–36];

2) гармонизация организационной структуры и психологического климата образовательного учреждения [6; 18; 26; 36];

3) работа в поле профилактики и коррекции профессиональных, межличностных и личностных деформаций педагогов, укрепление их стрессоустойчивости и жизнестойкости [7; 37–39];

4) укрепление стрессоустойчивости и жизнестойкости и предоставление возможностей самодиагностики и самореализации для школьников и студентов [4; 5; 13; 40];

5) гармонизация семейных отношений субъектов образования [12; 22; 41 и др.].

Выводы

Исследования буллинга как одного из центральных феноменов образовательных отношений, фактора разрушения их безопасности и проявления небезопасности — одна из важнейших линий поиска путей решения этих проблем:

1) профилактики и коррекции психологических и сопутствующих нарушений развития и функционирования отдельных субъектов образования;

2) профилактики и коррекции деструктивных и неэффективных отношений, складывающихся между субъектами образования, затрудняющих или блокирующих процессы развития, обучения и воспитания отдельных людей и их групп;

3) профилактики и коррекции организационных нарушений и нравственно-психологического здоровья социума в целом.

Перспективы. Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с осмыслением проблем соотношения и реализации свободы и ответственности в образовательных отношениях. Важным направлением выступает систематизация причин, проявлений и последствий насилия в образовании: создание «психологической карты насилия в вузе», служащей руководством для организации и реализации масштабных университетских антибуллинговых программ и адресной помощи индивидам и группам, столкнувшимся с буллингом и иными феноменами насилия.

Список источников

1. Арпентьева М. Р. Проблема социального порядка и насилия в школах // Проблемы современного образования. 2016. № 5. С. 39–49.
2. Ахметшина И. А., Лосева А. А. Социально-педагогические аспекты профилактики школьного буллинга в условиях инклюзивного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-3. С. 16–19.
3. Буслаева Е. Н., Астахова Л. Г. Формирование готовности к созданию психологически безопасной инклюзивной образовательной среды для педагогов и студентов // European Social Science Journal. 2015. № 12. С. 221–228.

4. Горбунова Н. Е., Труфанова Г. К., Хлыстова Е. В. Проблема буллинга в инклюзивных школах // *Science Time*. 2015. № 7(19). С. 96–101.
5. Кожухарь Г. С. Феноменология разных форм психологического насилия в молодежной среде: зарубежные исследования // *Психологическая наука и образование*. 2014. Т. 6, № 2. С. 230–245.
6. Сафронова М. В. Буллинг в образовательной среде — мифы и реальность // *Мир науки, культуры, образования*. 2014. № 3(46). С. 182–185.
7. Тимофеева С. С., Черных С. С. Моббинг как фактор профессионального риска в современной высшей школе // *XXI век. Техносферная безопасность*. 2020. Т. 5, № 1(17). С. 89–107.
8. Горбаткова О. И. Проблема насилия в школах в зеркале современных российских медиа // *Медиаобразование*. 2017. № 4. С. 189–205.
9. Aldridge J. M., Mcchesney K., Afari E. Relationships between School Climate, Bullying and Delinquent Behaviours. *Learning Environments Research*. 2018. Vol. 21, No 2. Pp. 153–172.
10. Troop-Gordon W., Ladd G. W. Teachers' Victimization-Related Beliefs and Strategies: Associations with Students' Aggressive Behavior and Peer Victimization. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2015. Vol. 43, No 1. Pp. 45–60.
11. Бутовская М. Л., Русакова Г. С. Буллинг и буллеры в современной российской школе // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 2. С. 99–115.
12. Фурманов И. А. Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция. Минск, 2016. 401 с.
13. Федунина Н. Ю., Сузигаки Э. Насилие в школе. Осмысление проблемы в зарубежных источниках // *Современная зарубежная психология*. 2012. Т. 1, № 3. С. 71–85.
14. Bjereld Y., Daneback K., Petzold M. Do Bullied Children Have Poor Relationships with Their Parents And Teachers? A Cross-Sectional Study of Swedish Children. *Children and Youth Services Review*. 2017. Vol. 73. Pp. 347–351.
15. Boulton M. J., Boulton L., Down J., Sanders J., Craddock H. Perceived Barriers that Prevent High School Students Seeking Help from Teachers for Bullying and Their Effects on Disclosure Intentions. *Journal of Adolescence*. 2017. Vol. 56, No 40. Pp. 40–51.
16. Peguero A. A., Hong J. S. School Bullying: Youth Vulnerability, Marginalization, and Victimization. N.-Y., 2020. 220 p.
17. Swearer S. M., Hymel S. Understanding the Psychology of Bullying: Moving Toward a Social-Ecological Diathesis-Stress Model. *American Psychologist*. 2015. Vol. 70, No 4. Pp. 344–353.
18. Roffey S. Addressing bully in schools: organizational factors from policy to practice. *Educational and Child Psychology*. 2000. № 17(1). Pp. 6–19.
19. Smith P. K., Sharp, S. The problem of school bullying. School bullying: insights and perspectives. London, 2002. 400 p.
20. Banzon-Librojo L. A., Garabiles M. R., Alampay L. P. Relations between Harsh Discipline from Teachers, Perceived Teacher Support, and Bullying Victimization among High School Students. *Journal of Adolescence*. 2017. Vol. 57. Pp. 18–22.
21. Besag V. E. Bullies and Victims in Schools. Milton Keynes: Open University Press, 1989. 300 p.
22. Hazler R. J. Breaking the cycle of violence: interventions for bullying and victimization. Washington, 1996. 131 p.
23. Konishi C., Miyazaki Y., Hymel S., Waterhouse T. Investigating Associations between School Climate and Bullying in Secondary Schools: Multilevel Contextual Effects Modeling. *School Psychology International*. 2017. Vol. 38, No 3. Pp. 240–263.
24. Longobardi C., Iotti N. O., Jungert T., Settanni M. Student-Teacher Relationships and Bullying: The Role of Student Social Status. *Journal of Adolescence*. 2018. Vol. 63. February. Pp. 1–10.
25. Olweus D. Bully-victim problems among school children: Basic facts and effects of a school-based intervention program // *The development and treatment of childhood aggression* / K. Rubin & D. Pepler (Eds.). N.-Y., 1991. Pp. 85–128.
26. Новикова М. А., Реан А. А. Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования // *Вопросы образования*. 2019. № 2. С. 78–97. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-78-97>.
27. Adorjan M., Christensen T., Kelly B., Pawluch D. Stockholm Syndrome As Vernacular Resource. *The Sociological Quarterly*. 2012. Vol. 53(3). Pp. 454–74. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2012.01241.x>.
28. Enmark Kr. Jag blev Stockholmssyndromet. Stockholm, 2020. 340 p.
29. deFabrique N., Romano S., Vecchi G., Hasselt V. Van Understanding Stockholm Syndrome. *FBI Law Enforcement Bulletin*. 2007. Vol. 76. Pp. 10–15.
30. Арпентьева М. Р. Интерсубъективные технологии в управлении предприятиями, организациями, сообществами, государствами // *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки*. 2017. Т. 32, Вып. 4. С. 39–44. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2017-32-4-39-44>.
31. Боровик С. Ю. Онтологии, интерсубъективное управление и эвергетика В. А. Виттиха // *Онтология проектирования*. 2020. Т. 10, № 3(37). С. 255–272.
32. Arpentieva M. R., Gorelova I. V., Kassimova K. G., Lavrinenko S. V., Shumova K. A., Malinichev D. M., Simonov V. L., Kosov A. V., Garbuzova G. V., Stepanova O. P. Human resource management and dynamic capabilities of educational enterprises: psychological, social and economical aspects. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2020. No 1(383). Pp. 242–254.
33. Lavrinenko S. V., Gorelova I. V., Kasymova G. K., Kubantseva O. V., Khudyakova T. L., Yusipova I. V., Malinichev D. M., Dykhan L. B., Stepanova G. A., Arpentieva M. R. Problems of context and conceptual management in education: psychological, social and economical aspects. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2020. No 1(383). Pp. 264–276.
34. Skobelev P. O., Borovik S. Yu. On the way from Industry 4.0 to Industry 5.0: from digital manufacturing to digital society. *Industry 4.0*. 2017. Vol. 2. Issue 6. Pp. 307–311.
35. Алехин М. Антибуллингвые практики в школе: социально-педагогический контекст // *Педагогічний процес: теорія і практика*. 2019. № 1-2(64-65). С. 85–92.
36. Терранова Э., Хиллз У. Е. Буллинг как проблема общественного здоровья: идентификация и управление агрессивным поведением в школьной среде // *Вестник Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы*. 2014. № 3. С. 22–30.

37. Aspy C. B., Vesely S. K., Ofman R. F. et al. School-related assets and youth risk behaviors: Alcohol consumption and sexual activity. *Journal of School Health*. 2012. No 82. Pp. 3–10.

38. Красненкова С. А., Клепач Ю. В. Социально-психологические детерминанты профессиональных деформаций личности педагогов высших учебных заведений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». 2020. № 1. С. 65–68.

39. Петросяни В. Р. Жизнестойкость, смысложизненные ориентации и психическое выгорание педагогов: особенности взаимосвязей // Психология обучения. 2017. № 3. С. 87–100.

40. Shukshina L. V., Khammatova R. S., Bezborodova L. A., Zotova L. E., Khudyakova T. L., Kokhova I. V., Kochetkov I. G. Hardiness as resource of adaptation and a teacher's professional and personal development. *Electronic Journal of General Medicine*. 2019. Vol. 16, No 6. Pp. 159–165.

41. Albakova Z. A. M., Ezhov K. S., Umerkaeva S. Sh., Antonova M. A., Kidinov A. V., Aigumova Z. I., Klepach Yu. V. Social and psychological features of hardiness in personality of students of higher education institutions. *Propositos y representaciones*. 2020. Vol. 8, No 2. 660 p.

*Поступила 08.11.2021; одобрена после рецензирования 20.11.2021; принята в печать 30.11.2021.
Заявленный вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов*

References

1. Arpentieva M. R. The problem of social order and violence in schools. *Problems of Modern Education*. 2016. No. 5. Pp. 39–49. (In Russ.)
2. Akhmetshina I. A., Loseva A. A. Socio-pedagogical aspects of preventing school bullying in the context of inclusive education. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2019. No. 62–3. Pp. 16–19. (In Russ.)
3. Buslaeva E. N., Astakhova L. G. Formation of readiness to create a psychologically safe inclusive educational environment for teachers and students. *European Social Science Journal*. 2015. No. 12. Pp. 221–228. (In Russ.)
4. Gorbunova N. E., Trufanova G. K., Khlystova E. V. Bullying problem in inclusive schools. *Science Time*. 2015. No. 7(19). Pp. 96–101. (In Russ.)
5. Kozhukhar G. S. Phenomenology of different forms of psychological violence in the youth environment: foreign studies. *Psychological Science and Education*. 2014. Vol. 6, No. 2. Pp. 230–245. (In Russ.)
6. Safronova M. V. Bullying in the educational environment — myths and reality. *World of Science, Culture, Education*. 2014. No. 3(46). Pp. 182–185. (In Russ.)
7. Timofeeva S. S., Chernykh S. S. Mobbing as a factor of professional risk in modern higher education. *21st century. Technosphere Safety*. 2020. Vol. 5, No. 1(17). Pp. 89–107. (In Russ.)
8. Gorbatkova O. I. The problem of violence in schools in the mirror of modern Russian media. *Media Education*. 2017. No. 4. Pp. 189–205. (In Russ.)
9. Aldridge J. M., Mcchesney K., Afari E. Relationships between School Climate, Bullying and Delinquent Behaviours. *Learning Environments Research*. 2018. Vol. 21, No 2. Pp. 153–172.
10. Troop-Gordon W., Ladd G. W. Teachers' Victimization-Related Beliefs and Strategies: Associations with Students' Aggressive Behavior and Peer Victimization. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2015. Vol. 43, No 1. Pp. 45–60.
11. Butovskaya M. L., Rusakova G. S. Bullying and Bullers in the Modern Russian School. *Ethnographic Review*. 2016. No. 2. Pp. 99–115. (In Russ.)
12. Furmanov I. A. Social psychology of aggression and violence: prevention and correction. Minsk, 2016. 401 p. (In Russ.)
13. Fedunina N. Yu., Sugizaki E. Violence at school. Comprehension of the problem in foreign sources. *Modern Foreign Psychology*. Vol. 1, No. 3. Pp. 71–85. (In Russ.)
14. Bjereld Y., Daneback K., Petzold M. Do Bullied Children Have Poor Relationships with Their Parents And Teachers? A Cross-Sectional Study of Swedish Children. *Children and Youth Services Review*. 2017. Vol. 73. Pp. 347–351.
15. Boulton M. J., Boulton L., Down J., Sanders J., Craddock H. Perceived Barriers that Prevent High School Students Seeking Help from Teachers for Bullying and Their Effects on Disclosure Intentions. *Journal of Adolescence*. 2017. Vol. 56, No 40. Pp. 40–51.
16. Peguero A. A., Hong J. S. School Bullying: Youth Vulnerability, Marginalization, and Victimization. N.-Y., 2020. 220 p.
17. Swearer S. M., Hymel S. Understanding the Psychology of Bullying: Moving Toward a Social-Ecological Diathesis-Stress Model. *American Psychologist*. 2015. Vol. 70, No 4. Pp. 344–353.
18. Roffey S. Addressing bully in schools: organizational factors from policy to practice. *Educational and Child Psychology*. 2000. No. 17(1). Pp. 6–19.
19. Smith P. K., Sharp S. The problem of school bullying. School bullying: insights and perspectives. London, 2002. 400 p.
20. Banzon-Librojo L. A., Garabiles M. R., Alampay L. P. Relations between Harsh Discipline from Teachers, Perceived Teacher Support, and Bullying Victimization among High School Students. *Journal of Adolescence*. 2017. Vol. 57. Pp. 18–22.
21. Besag V. E. Bullies and Victims in Schools. Milton Keynes: Open University Press, 1989. 300 p.
22. Hazler R. J. Breaking the cycle of violence: interventions for bullying and victimization. Washington, 1996. 131 p.
23. Konishi C., Miyazaki Y., Hymel S., Waterhouse T. Investigating Associations between School Climate and Bullying in Secondary Schools: Multilevel Contextual Effects Modeling. *School Psychology International*. 2017. Vol. 38, No 3. Pp. 240–263.
24. Longobardi C., Iotti N. O., Jungert T., Settanni M. Student-Teacher Relationships and Bullying: The Role of Student Social Status. *Journal of Adolescence*. 2018. Vol. 63. February. Pp. 1–10.

25. Olweus D. Bully-victim problems among school children: Basic facts and effects of a school-based intervention program. The development and treatment of childhood aggression. K. Rubin & D. Pepler (Eds.). N.-Y., 1991. Pp. 85–128.
26. Novikova M.A., Rean A.A. Influence of School Climate on Bullying Prevalence: Russian and International Research Experience. *Educational Studies*. 2019. No. 2. Pp. 78–97. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-78-97>. (In Russ.)
27. Adorjan M., Christensen T., Kelly B., Pawluch D. Stockholm Syndrome As Vernacular Resource. *The Sociological Quarterly*. 2012. Vol. 53(3). Pp. 454–74. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2012.01241.x>.
28. Enmark Kr. Jag blev Stockholmssyndromet. Stockholm, 2020. 340p.
29. deFabrique N., Romano S., Vecchi G., Van Hasselt V. Understanding Stockholm Syndrome. *FBI Law Enforcement Bulletin*. 2007. Vol. 76. Pp. 10–15.
30. Arpentieva M. R. Intersubjective technologies in the management of enterprises, organizations, communities, states. *Bulletin of Dagestan State University. Series 3, Social sciences*. 2017. Vol. 32, Issue 4. Pp. 39–44. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2017-32-4-39-44>. (In Russ.)
31. Borovik S. Yu. Ontologies, intersubjective control and evergetics of V. A. Wittikh. *Ontology of Designing*. 2020. Vol. 10, No. 3(37). Pp. 255–272. (In Russ.)
32. Arpentieva M. R., Gorelova I. V., Kassimova K. G., Lavrinenko S. V., Shumova K. A., Malinichev D. M., Simonov V. L., Kosov A. V., Garbuzova G. V., Stepanova O. P. Human resource management and dynamic capabilities of educational enterprises: psychological, social and economical aspects. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2020. No. 1(383). Pp. 242–254.
33. Lavrinenko S. V., Gorelova I. V., Kasymova G. K., Kubantseva O. V., Khudyakova T. L., Yusipova I. V., Malinichev D. M., Dykhan L. B., Stepanova G. A., Arpentieva M. R. Problems of context and conceptual management in education: psychological, social and economical aspects. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2020. No. 1(383). Pp. 264–276.
34. Skobelev P. O., Borovik S. Yu. On the way from Industry 4.0 to Industry 5.0: from digital manufacturing to digital society. *Industry 4.0*. 2017. Vol. 2, Issue 6. Pp. 307–311.
35. Alekhin M. Anti-bullying practices at school: social and pedagogical context. *Pedagogical process: theory and practice*. 2019. № 1–2(64–65). Pp. 85–92. (In Russ.)
36. Terranova E., Hills W. E. Bullying as a public health problem: identification and management of aggressive behavior in the school environment. *Bulletin of the Educational and Methodological Association of Russian Universities for Education in the Field of Social Work*. 2014. No. 3. Pp. 22–30. (In Russ.)
37. Aspy C. B., Vesely S. K., Ofman R. F. School-related assets and youth risk behaviors: Alcohol consumption and sexual activity. *Journal of School Health*. 2012. No. 82. Pp. 3–10.
38. Krasnenkova S. A., Klepach Yu. V. Socio-psychological determinants of professional deformations of the personality of teachers of higher educational institutions. *Bulletin of Voronezh State University. Series «Problems of Higher Education»*. 2020. No. 1. Pp. 65–68. (In Russ.)
39. Petrosyants V. R. Resilience, life-meaning orientations and mental burnout of teachers: peculiarities of relationships. *Psychology of Education*. 2017. No. 3. Pp. 87–100. (In Russ.)
40. Shukshina L. V., Khammatova R. S., Bezborodova L. A., Zotova L. E., Khudyakova T. L., Kokhova I. V., Kochetkov I. G. Hardiness as resource of adaptation and a teacher's professional and personal development. *Electronic Journal of General Medicine*. 2019. Vol. 16, No. 6. Pp. 159–165.
41. Albakova Z. A., Ezhov K. S., Umerkaeva S. Sh., Antonova M. A., Kidinov A. V., Aigumova Z. I., Klepach Yu. V. Social and psychological features of hardiness in personality of students of higher education institutions. *Propositos y representaciones*. 2020. Vol. 8, No. 2. 660 p.

Submitted: 08.11.2021; approved after reviewing: 20.11.2021; accepted for publication: 30.11.2021.
The authors' alleged contribution: all the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.

Научно-практическая статья

УДК 316.6:373 © З. А. Аксютина, Т. Ю. Удалова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-50-59

5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии

5.3.7 Возрастная психология

Психологическое насилие родителей в отношении детей из-за школьной отметки

Зульфья Абдулловна Аксютина¹, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и социальной работы; aksutina_zulfiya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673>

Татьяна Юрьевна Удалова¹, кандидат педагогических наук, доцент кафедры практической психологии; udalova_tu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3517-0873>

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, 644099, ул. Партизанская, 4А, Россия

Реферат

Введение. Проблема психологического отношения родителей к своим детям не теряет остроты. Актуальной остается трактовка основной категории «психологическое насилие», которая в психологической науке сохраняет неопределенность, неоднозначность, неполноту. Цель заключалась в выяснении наличия причин психологического насилия со стороны родителей из-за плохих школьных отметок. **Материалы и методы.** Применялся метод контент-анализа, позволяющий проводить количественный и качественный анализ текстов как продуктов деятельности респондентов. Исследование родителей осуществлялось посредством анкетного метода. **Результаты и обсуждение.** Дана социальная аргументация научной проблемы психологического насилия родителей в отношении детей. Осуществлена научная аргументация психологического насилия путем исследования степени научной разработки рассматриваемого психологического явления. Представлены результаты исследования младших школьников на предмет выявления психологического насилия в их адрес со стороны родителей из-за школьных отметок. Определены социальные запросы на преодоление психологического насилия. Выделены три фактора рисков, влияющих на наличие паттернов психологического насилия: социальные, педагогические и психологические. Даны их примеры. **Выводы.** Выделены три группы факторов, оказывающих влияние на наличие паттернов психологического насилия: социальные, педагогические, психологические. Выявлено наличие психологического насилия из-за школьных отметок у 31,25% испытуемых.

Ключевые слова: воспитание; дети; контент-анализ; паттерны поведения; психологическое насилие; родители; школьная отметка; эмоциональное насилие

Для цитирования: Аксютина З. А., Удалова Т. Ю. Психологическое насилие родителей в отношении детей из-за школьной отметки // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 50–59. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-50-59>

Scientific and Practical Article

UDC 316.6:373 © Z. A. Aksyutina, T. Yu. Udalova, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-50-59

5.3.1 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

5.3.7 Developmental Psychology

Parents' Psychological Violence against Children due to School Marks

Zulfiya A. Aksyutina¹, Candidate of sciences (in Pedagogy), Associate-Professor of the chair of Social Pedagogy and Social Work; aksutina_zulfiya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2548-4673>

Tatiana Yu. Udalova¹, Candidate of sciences (in Pedagogy), Associate-Professor of the chair of Practical Psychology; udalova_tu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3517-0873>

¹ Omsk State Pedagogical University, 4A Partizanskaya st., Omsk, 644099, Russia

Abstract

Introduction. The problem of parents' psychological treatment of their children is acute. The interpretation of the main category of "psychological violence", which is ambiguous, uncertain and incomplete in psychological science, is still relevant. The aim of the research was to study the parents' psychological maltreatment of their children due to low school marks. **Materials and Methods.** The method of content analysis was employed, which allows for a quantitative and qualitative analysis of texts as products of the respondents' activities, parents being questioned. **Results and Discussion.** The social argumentation of the scientific problem of parents' psychological violence towards their children is given. The scientific argumentation of psychological violence is carried out by studying the degree of scientific development of the psychological phenomenon under consideration. The article presents the results of a study of elementary school students with regard to revealing parents' psychological violence against them because of the school marks. The social demands for overcoming psychological violence are determined. Three risk factors influencing the presence of patterns of psychological violence are highlighted, which include social, pedagogical and psychological ones, with examples given. **Conclusions.** The authors identify three factors which affect the patterns of psychological violence, these are social, pedagogical and psychological ones. 31,25% of cases reveal psychological violence against children due to school marks.

Keywords: parenting; children; content analysis; behavior patterns; psychological abuse; parents; mark; emotional abuse

Citation: Aksyutina Z. A., Udalova T. Yu. Parents' Psychological Violence against Children due to School Marks. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 50–59 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-50-59>

Основные положения

1. Психологическое насилие — один из негативных феноменов современного семейного воспитания. Категория «психологическое насилие» остается размытой. В ее содержание включают действия, воздействия, бездействие, реализуемые посредством враждебности, безразличия, принуждения, несущие за собой социальный, физический, психологический ущерб личности, проявляющийся у нее в эмоциональных страданиях и переживаниях, влекущих за собой различного рода нарушения психического и социального развития.

2. Анализ российских и зарубежных публикаций позволяет утверждать, что практика психологического насилия в отношении детей весьма распространена в области семейного воспитания. Исследование данного феномена представляется затруднительной задачей в силу специфической закрытости семей. Нередко причиной насилия становится школьная отметка, которая воспринимается родителями как успешность их детей и зеркализацией успешности на самих родителей. Трансформация восприятия школьной отметки родителями прослеживается в желании «сделать» ребенка успешным любой ценой для повышения собственной значимости.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Психологическое насилие как научная проблема стало исследоваться сравнительно недавно. С конца 70-х — начала 80-х гг. прошлого столетия его начали вводить в предметную область психологических исследований как самостоятельной формы жестокого обращения с детьми. «По мнению большинства специалистов, занимающихся этой проблемой, психологическое насилие встречается гораздо чаще и наносит гораздо больший вред личности ребенка, чем это принято считать», — пишет группа психологов-исследователей [1]. Существующие еще с 90-х гг. прошлого столетия международные, национальные нормативные правовые документы и акты фактически привели к запрету со стороны родителей любых форм насилия, в том числе и психологического, в отношении детей.

Актуальность проблемы исследования обусловлена тем фактом, что данная форма насилия — самая сложная в дифференциации, так как ее распознавание затруднено, потому что психологическое насилие проявляется изолированно и в сочетании с другими

формами насилия. Школьные отметки за успеваемость важны для детей, так как они опосредованно отражают их успешность. У родителей проявляется тенденция воспринимать их аналогично, в связи с чем возрастает психологическое давление на детей, вплоть до насилия.

Таким образом, проблема психологического отношения родителей к своим детям сохраняет остроту.

Цель — провести анализ проблемы психологического насилия родителей в отношении детей, в том числе младшего школьного возраста, из-за школьной отметки.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы исследования. Практика насилия сохраняется. Так, ежегодно регистрируется более 2 млн случаев жестокого обращения с детьми, около 3 тыс. детей и подростков заканчивают жизнь самоубийством; более 50 тыс. детей убегают из дома по причине жестокого обращения родителей, около 10% из этих детей погибают на улице в силу разных обстоятельств, 25 тыс. детей находится в розыске; выявляется свыше 100 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей, большинство из которых — социальные сироты, брошенные или отобранные у родителей, около 10 тыс. родителей лишают родительских прав, и более 2,5 тыс. детей изымается из семей без лишения их родителей родительских прав по причине того, что дальнейшее нахождение в родительской семье представляет угрозу для жизни и здоровья [2, с. 95].

Обязанности по воспитанию детей закреплены в ст. 63 Семейного кодекса РФ. Статьей 156 Уголовного кодекса РФ предусмотрено наказание родителей за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних. Для предотвращения насилия в семье разработан проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия»¹. Очевидно, что современные социальные запросы государства связаны с потребностью в гуманизации детско-родительских отношений.

Психологическое или эмоциональное насилие над ребенком — «это любое действие, которое вызывает у ребенка состояние эмоционального напряжения, подвергая опасности возрастное развитие его эмоциональной жизни» [3, с. 34].

Проблематика психологического насилия в семье над детьми исследуется Е. Н. Волковой, И. В. Волковой, А. В. Праводеловой на уровне последствий на-

¹ О профилактике семейно-бытового насилия : проект Федерального закона № 1183390-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 03.05.2021).

силы в студенческом возрасте [4]; Н. О. Зиновьевой и Н. Ф. Михайловой в аспекте психологического насилия и кризисных ситуаций детства [3]; И. А. Марголиной, Н. В. Платоновой, М. В. Ивановым, Г. В. Козловской в рамках коррекционной работы в отношении детей, перенесших насилие в семье [5]; Т. Я. Сафоновой, А. А. Соловьевой и др. в контексте сексуального насилия в семье в отношении детей [6].

Проблематика влияния жестокого обращения с детьми на их аномальное развитие поднималась в конце 70-х гг. прошлого столетия, оставаясь актуальной до настоящего времени. Так, Д. Финкельхор исследовал сексуальное насилие в отношении детей [7–9]; Дж. Гарбарино раскрыл влияние микросреды на снижение насилия [10]; Е. Кинард изучал методологию исследования жестокого обращения с детьми [11]; Дж. Левенталь уделял внимание исследованию факторов риска жестокого обращения с детьми и методологическим стандартам по их изучению [12; 13] и др.

В докладе ООН от 18 июня 2020 г. о профилактике насилия в отношении детей указано, что каждый третий из четверых детей подвергается насилию со стороны родителей либо лиц, их заменяющих. Особо подчеркивается, что в условиях пандемии эта проблема осталась без внимания². Как правило, причинами ухудшения положения детей считаются социо-политико-экономические условия и снижение уровня жизни населения [14]. Самоизоляция как фактор, провоцирующий насилие, не рассматривалась. При достаточно высоком уровне психологического насилия в отношении детей имеются объективно сдерживающие факторы, не позволяющие применять ограничения в отношении родителей. Д. Флейсснер и Ф. Хайнцельманн считают, что это связано с отсутствием должной системы работы с семьями в кризисных ситуациях [15, с. 5]. Особая озабоченность вызвана тем фактом, что жестокость по отношению к детям осуществляется родителями, призванными заботиться о них. Ряд зарубежных авторов полагает, что этому способствуют семейное неблагополучие, асоциальность родителей, бесконтрольность детей [16; 17], что приводит к криминализации поведения последних. Наибольшее распространение получают внешние формы насилия, склонение к самоубийству и доведение до него, распространение просуицидальных субкультур, виртуальных субкультур и групп смерти [18].

Среди российских ученых следует назвать Н. В. Тарабрину и А. И. Щепину, описавших психологические последствия насилия в отношении детей [19]; А. Б. Орлова, посвятившего ряд публикаций наказанию и поощрению детей [20–24]; Е. Т. Соколову и Н. П. Со-

ловьеву, раскрывших проблематику сексуальных правонарушений в отношении детей [25]; А. В. Быкова, Л. Я. Олиференко и Т. Н. Шульгу, обосновавших возможности оказания социально-психологической помощи детям, пережившим насилие [26], и др.

Пережитое насилие как паттерн поведения, связанный с воспроизводством жестокости в отношении детей, рассматривается в работах российских психологов Т. Я. Сафоновой [27], Т. М. Журавлевой [28] и др. Кроме того, Т. Я. Сафонова исследовала возможные пути защиты детей от насилия и оказания помощи жертвам насилия — детям [29; 30].

И. С. Клецина указывает, что паттернами поведения, связанного с реализацией психологического насилия, являются «наличие вербальных оскорблений; шантажа; акты насилия по отношению к детям или другим лицам для установления контроля над партнером; угрозы насилия по отношению к себе, жертве или другим лицам; запугивание посредством насилия по отношению к домашним животным; преследование; контроль над деятельностью жертвы; контроль над кругом общения жертвы; контроль над доступом жертвы к различным ресурсам; принуждение жертвы к исполнению унижающих ее действий; контроль над распорядком дня» [31, с. 476].

Авторы пособия по оказанию психологической помощи детям, пережившим насилие, утверждают, что «психологическое пренебрежение — последовательная неспособность родителя или лица, осуществляющего уход, обеспечить ребенку необходимую поддержку, внимание и привязанность», а психологическое жестокое обращение — это «хронические паттерны поведения, такие как угрозы, унижение, оскорбление, обесценивание, запугивание, издевательства, высмеивание ребенка и другие нефизические формы отвержения и враждебного отношения»³.

В психологической науке наблюдается попытка определения понятия «психологическое насилие». Так, А. Б. Орлов дает формулировку, опираясь на детско-родительские отношения и считая насилие преднамеренным. Автор выделяет его следствия, выражающиеся в деформациях и нарушениях психического развития, а именно: поведенческих, интеллектуальных, эмоциональных, волевых, коммуникативных, личностных [32, с. 86].

И. С. Зырина считает понятия психологического и эмоционального насилия синонимичными, определяя насилие как воздействие, имеющее характер враждебности или безразличия, что «вызывает у ребенка нарушение самооценки, утрату веры в себя, затрудняет его развитие и социализацию» [33, с. 58].

² The Global status report on preventing violence against children 2020. URL: <https://www.who.int/teams/social-determinants-of-health/violence-prevention/globalstatus-report-on-violence-against-children-2020>. (дата обращения: 07.05.2021).

³ Психологическая помощь детям, пережившим насилие. Пособие для психологов. СПб., 2015. 60 с.

Е. Н. Волков видит в психологическом насилии принуждение и полагает, что нанесенный ущерб имеет социальный, психологический, физический или материальный характер [34].

Н. К. Асанова сводит психологическое насилие к действиям — оскорблениям, угрозам, унижениям, обвинениям и др. [35].

Проведенное исследование демонстрирует незавершенность формирования терминологического аппарата, связанного с психологическим насилием и его несовершенством. Значима позиция, указывающая на важные последствия рассматриваемого явления для развивающейся личности.

Таким образом, зарубежными учеными предпринимались попытки выявления методологических оснований исследования психологического насилия в отношении детей, факторов, влияющих на проявления насилия. В то же время российские исследователи акцентируют внимание в большей мере на последствиях насилия у детей, оказании им помощи. В целом научные исследования направлены на поиск путей профилактики насилия, разработку методов психологической и социальной реабилитации детей-жертв насилия.

Материалы и методы

В исследовании использован метод контент-анализа для выявления психологического насилия со стороны родителей в отношении детей из-за школьных отметок. Указанный метод обладает высоким диагностическим потенциалом, так как он направлен на анализ текстовых массивов, а обработка предполагает количественный и качественный анализ содержания письменного высказывания респондентов. Полученные данные могут подвергаться структурированию и интерпретации.

Для эмпирического исследования проблемы психологического насилия нами осуществлялся контент-анализ эссе, выполненных учащимися начальной школы. Исследование среди 96 школьников младших классов на базе БОУ г. Омска «СОШ № 13 им. А. С. Пушкина» проводилось анонимно, чтобы не вызывать у учащихся чувство стыда или страха писать о ситуации в своей семье. Полагаем, что именно поэтому дети были искренни и не смягчали отношение родителей к плохим отметкам. Учащимся предлагалось в эссе ответить лишь на один вопрос: «Как твои родители относятся к плохим отметкам, если ты их получаешь?»

Полученные описания отношения родителей оценивались на основе эмоциональной окраски (нейтральной и негативной), данной респондентами.

Применялось также анкетирование родителей с последующим анализом эмпирического массива полученных данных. В ходе исследования опрошено 127 родителей, из них 95 матерей и 32 отца. Часть

отцов отказалась от участия в исследовании. Двое школьников находятся под опекой, опрос опекунов не осуществлялся.

Результаты и обсуждение

Факторы риска. Среди факторов риска, влияющих на наличие паттернов психологического насилия, нами выделены три группы: социальные, педагогические и психологические. Социальные факторы риска связаны с отношением общества и государства к проблеме психологического насилия родителей над детьми; педагогические — со сформированностью педагогической культуры у родителей, системой имеющих у них педагогических знаний; психологические — с индивидуально-психологическими особенностями родителей.

Перечислим *социальные* факторы риска:

- отношение государства и общества к психологическому насилию;
- неполные, многодетные, приемные семьи;
- низкий социальный уровень жизни семьи;
- антисоциальный способ жизнедеятельности семьи;
- алкоголизм родителей, употребление наркотиков, проституция и др.

Педагогические факторы риска:

- низкий уровень педагогической культуры родителей;
 - использование методов воспитания с применением физических наказаний, с опорой на авторитарные принципы, избыточность дисциплинарных форм и др.
- Психологические* факторы риска:
- кризисы данного детского возраста;
 - гиперактивность ребенка;
 - психическое нездоровье родителей, других членов семьи;
 - негативные внутрисемейные отношения родителей;
 - неумение взрослых управлять эмоциями в стрессовом состоянии;
 - нежеланный ребенок или имеющий особенности физического, умственного развития, какие-либо девиации в поведении и др.

Данные факторы сигнализируют, что ребенок нуждается в сопровождении, так как *находится в зоне риска*⁴.

Психологические причины психологического насилия. Психологической причиной формирования паттернов психологического насилия может выступать сформированный у родителей некий идеализированный образ ребенка. Для его достижения родителями предъявляются требования к ребенку, которые он не в состоянии выполнять в силу возрастных и индивидуально-психологических особенностей.

⁴ Психологическое сопровождение детей, переживших насилие и жестокое обращение в семье. Тамбов, 2014. 99 с.

Иногда родители не замечают, в какой момент начинают оказывать давление на ребенка, перерастающее в выраженное насилие. У детей младшего школьного возраста это может приводить к формированию замкнутости, к сниженной самооценке, потере доверия к окружающим людям и миру и в итоге — к развитию психологических особенностей жертвы, которые могут сохраняться на протяжении всей жизни, что выражается в восприятии собственной личности как глупой, никчемной, ни на что не способной⁵.

Материальное благополучие семьи не выступает фактором отсутствия психологического насилия. Дети из самых благополучных семей также подвергаются психологическому давлению из-за школьных отметок. Завышенные ожидания и невозможность их воплощения могут вызывать бурю гнева и недовольства родителей, проявляющихся в оскорблениях, наказаниях, а иногда и в физическом насилии. После этого родитель может просить прощения, но не всегда это исправляет ситуацию и исключает последствия высоких требований к ребенку [36].

Психологическое воздействие на ребенка со стороны чужого человека является не таким сильнодействующим и губительным, так как поддержка и защита близких помогает справиться с последствиями. Но при насилии в семье ребенок перестает чувствовать себя защищенным, все окружающие становятся для него желающими навредить, а их действия непредсказуемыми [37].

Часто родители не хотят умышленно навредить своему ребенку, а лишь желают ему лучшего. Наказывая за низкую успеваемость и невыполненную домашнюю работу, взрослые начинают давить на ребенка еще сильнее, что перерастает в непрекращающийся прессинг. Родители получают обратный эффект, так как, используя наказание, они ждут, что ребенок в следующий раз побоится получить плохую отметку и постарается быть отличником. На деле же школьник начинает ассоциировать школу с наказаниями. Из-за этого появляются прогулы, нежелание ходить в школу вообще. Ведь чтобы избежать плохой отметки, можно не ходить на уроки. Пропадают желание и мотивация к познавательной деятельности. Дети нередко начинают лгать своим родителям с целью избежать давления. Они стараются различными путями добиться, чтобы родители не узнали того, что может вызвать их недовольство.

Учащихся, которых ругают и наказывают за отметки, легко выявить по поведению во время урока. Такой ребенок всеми силами пытается не получить плохую оценку. Проверочные работы для него пред-

ставляют пытку, связанную с необходимостью избежать наказания, а не определение степени усвоения знаний. Многие учителя пользуются строгостью родителей и манипуляцией контролируют поведение учащегося, угрожая позвонить маме или папе. В большинстве случаев это срабатывает. В такой ситуации ребенок начинает призывать учителя не совершать данных действий. Если угроза педагога осуществляется, то дети теряют доверие не только к родителям, но и к педагогам [3].

Методы, применяемые для исследования психологического насилия над детьми, и мероприятия по его профилактике. В психологии накоплен определенный диагностический арсенал для выявления насилия в отношении детей, но аспекты насилия диагностируются в них косвенно. Можно назвать такие методики, как опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) (Е. Шеффера, Р. Белла)⁶, методика диагностики представлений ребенка о насилии (Е. Н. Волкова, О. М. Исаева) [38], метод серийных рисунков и рассказов в форме беседы (И. М. Никольская) [39]. Австралийские ученые М. П. Данн, Б. Макфарлейн и Д. Раньян разработали опросник ICAST (ISPCAN Child Abuse Screening Tools), имеющий название «Международный опросник для изучения распространенности насилия над детьми» [39]. Данная методика в большей степени отвечает требованию полноты диагностики аспектов насилия в отношении детей, но к нашей действительности она не адаптирована.

Наиболее распространенным методом исследования насилия является беседа, так как она позволяет через анализ ответов определить отношение к насилию и сложившиеся поведенческие установки ребенка. Однако в работе с детьми он не лишен недостатков.

Профилактика насилия родителей в отношении детей, как правило, имеет трехступенчатый характер. Первичная профилактика системно не осуществляется, что и усугубляет рассматриваемое явление. При вторичной профилактике методы индивидуального консультирования применяются к родителям, которые были замечены в насильственных действиях, носящих единичный характер и не влекущих за собой привлечения к юридической ответственности. Чаще всего данная группа родителей приглашается на комиссию по делам несовершеннолетних, где им даются рекомендации по воспитанию. Третичная профилактика, которая должна иметь место в случае привлечения родителей к юридической ответственности, как правило, носит принудительный характер. Изложенное приводит к выводу, что системная работа по профи-

⁵ Психологическое насилие над детьми. URL: <https://tconlyahovich.by/psihologicheskoe-nasilie-nad-rebyonkom/> (дата обращения: 04.05.2021).

⁶ Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации / отв. ред. А. Ф. Кудряшов. Петрозаводск, 1992. 318 с.

лактике насилия родителей в отношении детей требует дальнейшего научного исследования.

Эмпирическое исследование причин психологического насилия. Цель заключалась в исследовании наличия причин психологического насилия со стороны родителей из-за плохих школьных отметок. Для учащихся младших классов школьные отметки являются очень важным показателем, так как на основании их формируются самооценка и отношение сверстников. Плохие отметки способны сильно огорчить ребенка, тогда как хорошие поднимают его настроение, самооценку и статус. Для учащихся средних и старших классов чаще всего школьная отметка теряет столь высокую значимость. Родители лишаются такого инструмента давления на детей подросткового возраста, как школьная успеваемость.

Результаты количественного анализа демонстрируют, что 31,25% респондентов (30 чел.) характеризуют отношение родителей к детям из-за плохих отметок как негативное, а 68,75% — как нейтральное (66 чел.). Положительного отношения выявлено не было. Наблюдается преобладание нейтральных ответов. Вместе с тем почти треть испытуемых дали негативные ответы, что указывает на высокую значимость рассматриваемой проблемы.

Далее осуществлялся качественный анализ полученных высказываний.

Как пример приведем одно из эссе (в авторской редакции), характерное для испытуемых, подвергавшихся психологическому насилию.

«Мои родители могут по-разному относиться к моим плохим оценкам. Чаще всего они относятся нормально и просто долго объясняют мне, зачем нужно хорошо учиться. Но когда у них плохое настроение, то они могут наказать меня и забрать телефон. Иногда они вообще не замечают моих оценок, даже хороших. Если я разозлю их своими плохими оценками, то они могут накричать на меня и угрожать отправить в детдом, потому что им не нужна такая тупая дочь. Такие слова меня очень обижают».

Анализ позволяет утверждать, что данное эссе имеет негативно окрашенный характер. Со слов автора становится понятно, что родители весьма строго относятся к неудачам дочери в учебе. Это находит описание в словах и выражениях: *наказать, забрать телефон, не замечают, разозлю плохими отметками, накричать, угрожать, обижают*. Выделенные слова и выражения были подвергнуты дальнейшему качественному и количественному анализу.

В результате обработаны все 96 эссе респондентов. Обратимся к анализу остальных эссе. Так, сочетание *вспылю ремня* характеризует отношение родителей к отметкам как резко негативное и является угрозой причинения физического насилия. Встретилось 4 раза, или его использовали 4,14% всех участников

исследования. У одного из этих респондентов в эссе содержалось слово *ударю*, которое можно понимать как запугивание, близкое по эмоциональной окраске к *вспылю ремня*.

Отрицательную окраску несут также такие слова, встречаемые в эссе, как *забирают, запрещают, наказывают, не дают*. Они присутствовали в 12 текстах, или 12,51% от всех эссе. Перечисленные глаголы сочетались с разными словами, например, такими как *телефон, компьютер, телевизор, гулять, играть* и др.

Проявлением психологического давления, заключающегося в унижении, характеризуются 14,6% (14 эссе) негативных ответов. Об этом говорят такие слова и выражения: *не добьешься, бестолковый, тупая, не сможешь, неудачник, как ты мог, разочарование*.

68,75% (66) эссе не содержали намеков на психологическое насилие или эмоциональное давление на ребенка. Слов или выражений, несущих негативную окраску, в текстах не обнаружено. Здесь в работах встречаются такие слова и словосочетания: *ничего страшного, можно исправить, не самое главное, забей, исправим*. Это свидетельствует о том, что родители указанной группы детей относятся нейтрально к плохим отметкам.

Таким образом, контент-анализ эссе показал, что значительная часть испытуемых — 31,25% учащихся начальных классов — подвергаются психологическому насилию со стороны родителей из-за негативного отношения к плохим отметкам. Это можно объяснить рядом обстоятельств:

1) нынешнее поколение родителей принадлежит к той группе, которая подвергалась физическим и психическим мерам наказания, в силу того что в годы их детства такие действия не считались предсудительными;

2) в образовательной системе России не осуществляется системная профилактика насилия со стороны родителей в отношении детей. Данный факт требует решения не только на законодательном уровне, но и на уровне осознания существования рассматриваемой проблемы;

3) часто родители не осознают, что плохая отметка уже является наказанием для ребенка. Указанная ситуация требует анализа и работы над ошибками;

4) многие родители не владеют ненасильственными методами наказания. Это свидетельствует о необходимости психолого-педагогического просвещения.

Безусловно, нами выделены не все причины анализируемого явления, их обоснование может осуществляться и в других науках.

На вопрос: «Наказываете ли Вы детей из-за школьных отметок?» положительно ответили 125 родителей. Лишь двое респондентов указали, что не осуществляют наказания. Это подтверждает наше предположение о том, что родители имеют склонность к наказанию

детей из-за школьных отметок. Данная тенденция носит ярко выраженный характер.

На вопрос: «Как Вы наказываете детей из-за школьной отметки?» ответы были разделены на три группы, наиболее характерные для испытуемых. 63 родителя указали, что используют вербальные методы (*называю неудачником, покрикиваю и др.*), физическая агрессия присутствует у 42 родителей (*шлепаю, могу дать подзатыльник, дам ремня и др.*), психологическое воздействие проявилось у 36 родителей (*демонстративно не разговариваю с ребенком и не отвечаю ему, не даю телефон, запрещаю играть на компьютере», «не пускаю на тренировки и др.*). Лишь двое родителей, не наказывающих детей, пояснили, что анализируют школьные неуспехи и ищут совместно с детьми пути их решения, оказывают помощь и поддержку в учебной деятельности. В эмоциональном плане они, конечно, огорчатся из-за отметок и переживают за успешность своего ребенка. Заметим, что это родители — представители одного ребенка.

На вопрос, связанный с причиной наказания детей, 118 родителей ответили, что «детей непременно следует наказывать, иначе никак нельзя». Оставшиеся 5 родителей считают, что наказывают детей из-за собственной несдержанности, так как «плохо управляют собой, когда узнают о двойке у ребенка».

Фактически 89,28% родителей наказывают детей за школьные отметки, тем самым осуществляя насилие в отношении детей. При этом 31,25% испытуемых младших школьников указали на то, что подвергаются насилию со стороны родителей из-за школьной отметки. Такая разница в полученных результатах позволяет сделать вывод, что многие из форм агрессивного поведения родителей детьми не воспринимаются наказанием, а расцениваются как вполне допустимое поведение.

Выводы

1. Трактовка основной категории исследования «психологическое насилие» остается неполной, незавершенной и несовершенной, потому что в ее основу закладываются разные аспекты рассматриваемого явления. Единство исследователей сводится к признанию его негативных последствий на развивающуюся личность.

2. Исследование, проведенное на основе контент-анализа, позволяет говорить о том, что психологическое насилие в отношении младших школьников присутствует в достаточно большом количестве случаев — 31,25%. Требуется поиск решения сложившейся проблемной социальной ситуации.

3. Среди факторов риска, влияющих на наличие паттернов психологического насилия со стороны родителей, нами выделены три группы:

— социальные, связанные с отношением общества и государства к проблеме детства и психологического насилия родителей в отношении детей. Лишь в последние годы в СМИ стали подниматься и активно обсуждаться проблемы семейного насилия, в том числе и в отношении детей. Однако остается значительная часть взрослого населения, считающего, что наказание детей, включая физическое, является допустимой мерой воспитания;

— педагогические, связанные с уровнем сформированности педагогической культуры. В советский период в образовательных организациях реализовывалась система педагогического всеобуча для родителей, которая явно требует возрождения. Сегодня такая целенаправленная работа по формированию педагогической культуры родителей имеет единичные примеры;

— психологические, связанные с индивидуальнопсихологическими особенностями родителей. Родители обладают психологическим своеобразием в проявлении агрессивности, особым отношением к ней, навыкам сдерживания, пониманию ее мотивов и др.

4. Насилие родителей в отношении детей из-за школьной отметки имеет высокий уровень выраженности. В школе, где было проведено исследование, большинство родителей (89,28%) проявляют насилие в отношении детей из-за школьной отметки. При этом лишь 31,25% младших школьников указывают на наличие такого насилия со стороны родителей. Причина этого заключается в том, что дети расценивают многие формы насилия как допустимое поведение родителей.

Перспективы. Решение проблемы психологического насилия родителей в отношении детей связано с разработкой таких практических задач, как формирование устойчивых паттернов у родителей или иных лиц, осуществляющих воспитание; создание для ребенка адекватной возрасту и развитию развивающей среды; предупреждение психологического пренебрежения и жестокого обращения. Требуют научного решения такие проблемы, как реабилитация детей, перенесших психологическое насилие; формирование родителями оптимальной воспитательной среды; выявление факторов, влияющих на возникновение жестокости, и их своевременное предотвращение путем психологопедагогического просвещения.

Остаются перспективными вопросы, связанные с развитием родительских компетенций в аспектеощернения и наказания педагогически целесообразными формами.

Список источников

1. *Насилие в семье: Особенности психологической реабилитации* : учеб. пособие / под ред. Н. М. Платоновой и Ю. П. Платонова. СПб., 2004. 154 с.
2. Попова Е. И. Профилактика жестокого обращения с детьми в семье в условиях микросоциума двор // Гуманизация образования. 2015. № 6. С. 95–101.
3. Зиновьева Н. О., Михайлова Н. Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. СПб., 2003. 248 с.
4. Волкова Е. Н., Волкова И. В., Праводелова А. В. Опыт насилия, пережитого в детстве, и психологическое благополучие студентов // Психология образования: вызовы и риски современного детства : мат-лы XIV всерос. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 35–39.
5. Марголина И. А., Платонова Н. В., Иванов М. В., Козловская Г. В. Проблема внутрисемейного физического и сексуального насилия над детьми. Диагностика, клиника и коррекция. М., 2019. 40 с.
6. Платонова Н. В., Козловская Г. В., Сафонова Т. Я., Соловьева А. А. Медико-психологическая работа с детьми раннего возраста из условий сексуального насилия // Российские медицинские вести. 2013. № 3. С. 4–12.
7. Finkelhor D., Prevalence of child victimization, abuse, crime, and violence exposure. White J. W., Koss M. P., Kazdin A. E. (Orgs.). *Violence against women and children: Mapping the terrain*. 2011. Vol. 1. Pp. 9–29.
8. Finkelhor D., Turner H., Ormrod R. et al. Violence, abuse, and crime exposure in a national sample of children and youth. *Pediatrics*. 2009. Vol. 124, No 5. Pp. 1411–1423.
9. Finkelhor D., Turner H. A., Hamby S. Let's prevent peer victimization, not just bullying. *Child Abuse and Neglect*. 2012. Vol. 36, No 4. Pp. 271–274.
10. Garbarino J. The impact of neighborhood-based interventions on reducing child maltreatment / *Handbook of Interpersonal Violence Across the Lifespan*. Springer. Pp. 1–23. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62122-7_118-2.
11. Kinard E. M. Methodological issues and practical problems in conducting research on maltreated children. *Child abuse and neglect*. 1994. Vol. 18, No 8. Pp. 645–656.
12. Leventhal J. M. Research strategies and methodologic standards in studies of risk factors for child abuse. *Child Abuse and Neglect*. 1982. Vol. 6. Pp. 113–123.
13. Leventhal J. M. Risk factors for child abuse: Methodologic standards in case-control studies. *Pediatrics*. 1981. Vol. 68, No 5. Pp. 684–690.
14. Posadas A. Combating corruption under international law. *Duke journal of comparative & international law*. 2000. № 10. Pp. 345–414.
15. Fleissner D., Heinzelmann F. *Crime Prevention Through Environmental Design and Community Policing*. Washington, 1996. 215 p.
16. Forouzandeh S., Soltanpanah A., Sheikahmadi H. Content marketing through data mining on Facebook social network. *Webology*. 2014. Vol. 11, No 1, art. 118. URL: <http://www.webology.org>.
17. Huang X., Li X., Zhang M. «Seeing» the social roles of brands: How physical positioning influences brand evaluation. *Journal of Consumer Psychology*. 2013. Vol. 23, No 4. Pp. 509–514.
18. Seddon T. Drugs, Crime and Social Exclusion: Social Context and Social Theory in British Drugs-Crime Research. *The British Journal of Criminology*. 2006. Vol. 46, Iss. 4. Pp. 680–702.
19. Тарабрина Н. В., Щепина А. И. Психологические последствия насилия для детей // Клиническая психология в социальной работе. М., 2002. С. 79–91.
20. Орлов А. Б. Наказание, поощрения или... диалог? // Дошкольное воспитание. 2004. № 4. С. 104–107.
21. Орлов А. Б. Наказание, поощрение или... диалог? (продолжение) // Дошкольное воспитание. 2004. № 6. С. 110–114.
22. Орлов А. Б. Наказание, поощрение или... диалог? (продолжение) // Дошкольное воспитание. 2004. № 7. С. 108–110.
23. Орлов А. Б. Наказание, поощрение или... диалог? (окончание) // Дошкольное воспитание. 2004. № 8. С. 99–101.
24. Орлов А. Б. Про(репро)дуктивность как интро(интра) персональная жесткость(жестокость) / *Онтопсихология*. М., 1996. С. 69–70.
25. Соколова Е. Т., Соловьева Н. П. Особенности феноменов вины и стыда у лиц, совершивших сексуальные правонарушения // Сексология и сексопатология. 2003. № 3. С. 18–24.
26. Шульга Т. И., Олиференко Л. Я., Быков А. В. Социально-психологическая помощь обездоленным детям: опыт исследований и практической работы. М., 2003. 400 с.
27. Сафонова Т. Я., Цымбал Е. И., Ярославцева Н. Д. Социально-психологические особенности и сексуальное поведение детей, переживших инцест // Планирование семьи. 1995. № 1. С. 18–26.
28. Сафонова Т. Я., Цымбал Е. И., Журавлева Т. М. Жестокое обращение с детьми: Помощь детям, пострадавшим от жестокого обращения, и их родителям / под ред. Е. И. Цымбала. М., 2001. 122 с.
29. Цымбал Е., Сафонова Т. Как защитить ребенка от насилия // *Защити меня*. 1998. № 3. С. 26–32.
30. Сафонова Т. Помощь детям, пострадавшим от насилия: международный опыт // *Защити меня*. 1998. № 3. С. 34–38.
31. Клецина И. С. Гендерная психология : практикум. СПб., 2009. 496 с.
32. Орлов А. Б. Психологическое насилие в семье — определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи // *Психолог в детском саду*. 2000. № 2-3. С. 182–187.
33. Зырина А. И., Индейкина Т. Л. Предотвращение жестокого обращения с детьми в семье. Пермь, 2009. 109 с.
34. Волков Е. Н. Критерии и признаки психологического ущерба и психологического насилия // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки»*. 2002. № 1. С. 84–95.
35. Асанова Н. К. Жестокое обращение с детьми: основные методологические, практические и правовые аспекты // *Руководство по предупреждению насилия над детьми*. М., 1997. С. 16–45.
36. Пузанкова И. Е. Психологическое насилие в семье: что это такое и как с ним бороться // *Вестник Прикамского социального института*. 2020. № 1. С. 134–139.

37. Приленко Ю. В. Психологическая помощь в преодолении последствий детского насилия // Альманах современной науки и образования. 2008. № 4-2. С. 185–187.

38. Волкова Е. Н., Исаева О. М. Диагностика распространенности насилия и жестокого обращения среди детей. Н. Новгород, 2013. 97 с.

39. Никольская И. М. Метод серийных рисунков и рассказов в психологических консультациях по разрешению споров между родителями о воспитании ребенка // Педиатр. 2015. Т. VI, № 4. С. 105–111.

Поступила 28.05.2021; одобрена после рецензирования 30.07.2021; принята в печать 30.11.2021.
Заявленный вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Domestic violence: Features of psychological rehabilitation. Ed. by Platonova N. M. and Platonov Yu. P. St. Petersburg, 2004. 154 p. (In Russ.)
2. Popova E. I. Prevention of child abuse in the family in the conditions of the micro-society of the yard. *Humanization of Education*. 2015. No. 6. Pp. 95–101. (In Russ.)
3. Zinovyeva N. O., Mikhailova N. F. Psychology and psychotherapy of violence. A child in a crisis situation. St. Petersburg, 2003. 248 p. (In Russ.)
4. Volkova E. N., Volkova I. V., Pravodelova A. V. Violence experienced in childhood and psychological well-being of students. Psychology of education: challenges and risks of modern childhood. Collected materials of the 14th All-Russian scientific-practical conference. Moscow, 2018, Pp. 35–39. (In Russ.)
5. Margolina I. A., Platonova N. V., Ivanov M. V., Kozlovskaya G. V. The problem of intrafamily child physical and sexual abuse. Diagnostics, clinic and correction. Moscow, 2019. 40 p. (In Russ.)
6. Platonova N. V., Kozlovskaya G. V., Safonova T. Ya., Solovyeva A. A. Medical and psychological work with young children with regard to sexual violence. *Russian Medical News*. 2013. No. 3. Pp. 4–12. (In Russ.)
7. Finkelhor D. Prevalence of child victimization, abuse, crime, and violence exposure. J. W. White, M. P. Koss, A. E. Kazdin (Orgs.). *Violence against women and children: Mapping the terrain*. 2011, Vol. 1. Pp. 9–29.
8. Finkelhor D., Turner H., Ormrod R. et al. Violence, abuse, and crime exposure in a national sample of children and youth. *Pediatrics*. 2009, Vol. 124, No 5. Pp. 1411–1423.
9. Finkelhor D., Turner H. A., Hamby S. Let's prevent peer victimization, not just bullying. *Child Abuse and Neglect*. 2012. Vol. 36. No. 4. Pp. 271–274.
10. Garbarino J. The impact of neighborhood-based interventions on reducing child maltreatment. *Handbook of Interpersonal Violence Across the Lifespan*. Springer. Pp. 1–23. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62122-7_118-2.
11. Kinard E. M. Methodological issues and practical problems in conducting research on maltreated children. *Child abuse and neglect*. 1994. Vol. 18, No 8. Pp. 645–656.
12. Leventhal J. M. Research strategies and methodologic standards in studies of risk factors for child abuse. *Child Abuse and Neglect*. 1982. Vol. 6. Pp. 113–123.
13. Leventhal J. M. Risk factors for child abuse: Methodologic standards in case-control studies. *Pediatrics*. 1981. Vol. 68, No 5. Pp. 684–690.
14. Posadas A. Combating corruption under international law. *Duke journal of comparative & international law*. 2000. No. 10. Pp. 345–414.
15. Fleissner D., Heinzlmann F. Crime Prevention Through Environmental Design and Community Policing. Washington, 1996. 215 p.
16. Forouzandeh S., Soltanpanah A., Sheikahmadi H. Content marketing through data mining on Facebook social network. *Webology*. 2014. Vol. 11, No. 1, art. 118. URL: <http://www.webology.org>.
17. Huang X., Li X., Zhang M. «Seeing» the social roles of brands: How physical positioning influences brand evaluation. *Journal of Consumer Psychology*. 2013. Vol. 23, No. 4. Pp. 509–514.
18. Seddon T. Drugs, Crime and Social Exclusion: Social Context and Social Theory in British Drugs-Crime Research. *The British Journal of Criminology*. 2006. Vol. 46, Iss. 4. Pp. 680–702.
19. Tarabrina N. V., Shchepina A. I. Psychological consequences of violence for children. *Clinical psychology in social work*. Moscow, 2002. Pp. 79–91. (In Russ.)
20. Orlov A. B. Punishments, rewards or ... dialogue? *Preschool education*. 2004. No. 4. Pp. 104–107. (In Russ.)
21. Orlov A. B. Punishment, encouragement or ... dialogue? (continued). *Preschool education*. 2004. No. 6. Pp. 110–114. (In Russ.)
22. Orlov A. B. Punishment, encouragement or ... dialogue? (continued) *Preschool education*. 2004. No. 7. Pp. 108–110. (In Russ.)
23. Orlov A. B. Punishment, encouragement or ... dialogue? (end) *Preschool education*. 2004. No. 8. Pp. 99–101. (In Russ.)
24. Orlov A. B. Pro(repro)ductivity as inter(intra)-personal rigidity(cruelty). *Ontopsychology*. Moscow, 1996. Pp. 69–70. (In Russ.)
25. Sokolova E. T., Solovyova N. P. Features of the phenomena of guilt and shame in persons who have committed sexual offenses. *Sexology and sexopathology*. 2003. No. 3. Pp. 18–24. (In Russ.)
26. Shulga T. I., Oliferenko L. Ya., Bykov A. V. Social and psychological assistance to disadvantaged children: research experience and practical work. Moscow, 2003. 400 p. (In Russ.)
27. Safonova T. Ya., Tsymbal E. I., Yaroslavtseva N. D. Socio-psychological characteristics and sexual behavior of incest survivors. *Family planning*. 1995. No. 1. Pp. 18–26. (In Russ.)
28. Safonova T. Ya., Tsymbal E. I., Zhuravleva T. M. Child Abuse: Helping Abused Children and their Parents. Ed. by Tsymbal E. I. Moscow, 2001. 122 p. (In Russ.)

29. Tsybmal E., Safonova T. How to protect a child from violence. *Protect me*. 1998. No. 3. Pp. 26–32. (In Russ.)
30. Safonova T. Helping children who have suffered from violence: international experience. *Protect me*. 1998. No. 3. Pp. 34–38. (In Russ.)
31. Kletsina I. S. *Gender Psychology*. St. Petersburg, 2009. 496 p. (In Russ.)
32. Orlov A. B. Psychological violence in the family – definition, aspects, main areas of providing psychological assistance. *Psychologist in kindergarten*. 2000. No. 2-3. Pp. 182–187. (In Russ.)
33. Zyrina A. I., Indeikina T. L. Prevention of child abuse in the family. Perm, 2009. 109 p. (In Russ.)
34. Volkov E. N. Criteria and signs of psychological damage and psychological violence. *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. 2002. No. 1. Pp. 84–95. (In Russ.)
35. Asanova N. K. Child abuse: basic methodological, practical and legal aspects. Guidelines for the prevention of violence against children. Moscow, 1997. Pp. 16–45. (In Russ.)
36. Puzankova I. E. Psychological violence in the family: what it is and how to deal with it. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2020. No. 1. Pp. 134–139. (In Russ.)
37. Prilepko Yu. V. Psychological assistance in overcoming the consequences of child violence. *Almanac of modern science and education*. 2008. No. 4-2. Pp. 185–187. (In Russ.)
38. Volkova E. N., Isaeva O. M. Diagnostics of the prevalence of violence and abuse among children. Nizhny Novgorod, 2013. 97 p. (In Russ.)
39. Nikolskaya I. M. The method of serial drawings and stories in psychological consultations to resolve disputes between parents about raising a child. *Pediatrician*. 2015. Vol. VI, No. 4. Pp. 105–111. (In Russ.)

*Submitted: 28.05.2021; approved after reviewing: 30.07.2021; accepted for publication: 30.11.2021.
The authors' alleged contribution: all the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.*

Коррекция состояний

Psycho-correction and regulation of states

Научно-практическая статья

УДК 159.9.072 9 © В. В. Ермолаев, М. И. Марьин, Ю. Воронцова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-60-70

5.3.5 Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.6 Клиническая психология

Управление организационной культурой органов внутренних дел в динамике переживания полицейскими социальных страхов COVID-19: гендерный аспект

Виктор Владимирович Ермолаев¹, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования; evv21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>

Михаил Иванович Марьин², доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии; marin_misha@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

Юлия Воронцова³, научный сотрудник отдела разработки методов диагностики функциональных состояний; jl.voroncova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>

¹ Московский педагогический государственный университет, 119435, Москва, Малая Пироговская ул., 1/1, Россия

² Московский государственный психолого-педагогический университет, 127051, Москва, ул. Сретенка, 29, Россия

³ Акционерное общество «НЕЙРОКОМ», 119361, Москва, Очаковская Большая, 47А, стр. 1, Россия

Реферат

Введение. Ситуация пандемии COVID-19 предоставляет уникальную возможность исследования сложного в своей амбивалентности понятия организационной культуры ОВД, поскольку ее многоуровневую функциональность и ценностно-смысловые контексты, раскрывающиеся через анализ поведенческих норм и отношений сотрудников, нельзя системно исследовать без учета психических состояний полицейских. Цель — анализ организационной культуры ОВД в динамике гендерных переживаний полицейскими социальных страхов COVID-19. **Материалы и методы.** Исследование проводилось на протяжении 2020 г. и первого полугодия 2021 г. Выборку составили 335 сотрудников ОВД, в возрасте 23–49 лет, из них 231 мужчина и 104 женщины. Психодиагностика проводилась дважды: в 2020 и 2021 гг., при этом применялись Google-формы. Использовались опросники «Социальные страхи» Л. Н. Грошевой и «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина и др., методика определения доминирующего состояния ДС-8 Л. В. Куликова. **Результаты и обсуждение.** Выявлены различия в динамике роста и интенсивности переживания социальных страхов среди полицейских, как женщин, так и мужчин, а также в динамике роста неустойчивости их психического состояния. При выявленной динамике роста социальных страхов для мужчин-полицейских характерна тенденция к трансформации направленности локуса контроля, выраженного в стремлении к делегированию ответственности за события большинства сфер собственной жизни. Другая тенденция наблюдается у женщин-полицейских, которые, несмотря на рост социальных страхов и неустойчивость психического состояния, стремятся к повышению ответственности за события в области межличностных и семейных отношений. **Выводы.** Выявленная динамика изменения психических состояний, в том числе нарастания социальных страхов у сотрудников ОВД в период COVID-19, указывает на увеличение гендерных различий организационно-культурных отношений в ОВД. Это может свидетельствовать об особенностях управления организационной культурой ОВД и признаках формирования организационной культуры нового типа. При этом управление организационной культурой ОВД оказывается под более сильным влиянием внешних факторов, что способствует ее ослаблению.

Ключевые слова: организационная культура; полиция; ОВД; COVID-19; гендерная политика; социальные страхи; психические состояния

Для цитирования: Ермолаев В. В., Марьин М. И., Воронцова Ю. Управление организационной культурой органов внутренних дел в динамике переживания полицейскими социальных страхов COVID-19: гендерный аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 60–70. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-60-70>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.072 9 © V. V. Ermolaev, M. I. Maryin, J. Voroncova, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-60-70

5.3.5 Social Psychology, Political and Economic Psychology; 5.3.6 Clinical Psychology

Managing the Organizational Culture of Law Enforcement bodies in the Dynamics of Coping with Social Fears related to COVID-19: the Gender Aspect

Viktor. V. Ermolaev¹, Candidate of sciences (in Psychology), Associate-Professor at the chair of Labor Psychology and Psychological Counseling; evv21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9206-9261>

Mikhail I. Maryin², Doctor of Sciences (in Psychology), professor at the chair of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology; marin_misha@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>

Julia Voroncova³, Researcher at the Department of Functional State Diagnostic Methods' Development; jl.voroncova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0363-5741>

¹ Moscow State Pedagogical University, 1/1, Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435, Russia

² Moscow State University of Psychology and Education, 29 Sretenka st., Moscow, 127051, Russia

³ JSC NEUROCOM, 47A, building 1 B. Ochakovskaya st., Moscow, 119361, Russia

Abstract

Introduction. The COVID-19 pandemic provides a unique opportunity to explore the concept of the organizational culture of law enforcement bodies, which is complex in its ambivalence. This possibility lies in the fact that its multi-level functionality and value-semantic contexts revealed through the analysis of law enforcement officers' behavioral norms and relationship cannot be systematically studied without considering the mental states of police officers. The purpose is to study the organizational culture of law enforcement bodies in the dynamics of police officers' gender experiences of social fears related to COVID-19. **Materials and Methods.** The study was conducted in 2020 and the first half of 2021. The sample included 335 police officers, aged from 23 to 49 (231 men and 104 women). Psychodiagnostics using Google forms was carried out twice: in 2020 and in 2021. The following methods were used: L. N. Grosheva "Social fears" questionnaire, "The level of subjective control" questionnaire by E. F. Bazhin et al.; method for determining the dominant state (L.V. Kulikov DS-8). **Results and Discussion.** The authors revealed the differences in the dynamics of growth and the intensity of the experience of social fears among police officers, both women and men, as well as in the dynamics of the growth of instability of their mental state. With the identified dynamics of the growth of social fears, male police officers are characterized by a tendency towards transformation of the focus of the locus of control expressed in the desire to delegate responsibility for events in most spheres of their own lives. Another tendency is typical for female police women, who, despite the growth of social fears and instability of mental state, strive to increase responsibility for events in the field of interpersonal and family relations. **Conclusions.** The revealed dynamics of changes in mental states, including the increase in social fears among police officers during COVID-19, shows the increase in gender differences of organizational and cultural relations in the police departments. This may indicate the peculiarities of managing the organizational culture of the law enforcement bodies and signs of the formation of a new type of organizational culture. At the same time, the management of the organizational culture of law enforcement bodies is under a stronger influence of external factors, which contributes to its weakening.

Keywords: organizational culture; police; law enforcement bodies; COVID-19; gender policy; social fears; mental states

Citation: Ermolaev V. V., Maryin M. I., Voroncova J. Managing the Organizational Culture of Law Enforcement bodies in the Dynamics of Coping with Social Fears related to COVID-19: the Gender Aspect. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 60–70 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-60-70>

Основные положения

1. В настоящий период управление организационной культурой социальных институтов невозможно без учета ее гендерной политики, под которой, как правило, понимаются регулирование кадрового состава работников по половому признаку, влияние фактора пола на формирование властных структур в организации, на служебное и профессиональное разделение труда внутри нее, на психологический климат, организационную культуру и организационную этику. В современных реалиях управления социальными институтами проблема исследования состоит в том, что существует мировая тенденция к проведению определенной гендерной кадровой политики, имеющая длительный, системный характер и охватывающая своим влиянием организационную культуру ОВД.

2. Гендерный аспект управления организационной культурой ОВД характеризуется еще одной современной тенденцией — нагнетанием средствами массовой информации (далее — СМИ) социальных страхов пандемии

COVID-19, формирующей специфические психические состояния, в значительной мере изменяющие поведенческие нормы и отношения сотрудников.

3. В результате проведенного исследования выявлена динамика изменения психических состояний сотрудников ОВД в пандемийный период COVID-19 (2020–2021 гг.), которая позволяет говорить об увеличении гендерных различий организационно культурных отношений в ОВД. Данные свидетельствуют об особенностях управления организационной культурой ОВД посредством изменения гендерной политики и нагнетания социальных страхов и указывают на признаки формирования организационной культуры нового типа. При этом управление организационной культурой ОВД находится под все более сильным влиянием внешних факторов, что способствует ее ослаблению.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В современном мире управление организационной

культурой социальных институтов невозможно без учета ее гендерных аспектов, так как в его реализации всегда в скрытой форме присутствует определенная идеология правящей элиты, по-разному трактующая вопрос равенства/неравенства мужчин и женщин при выполнении трудовых функций. Известно, что в организационной культуре каждого социального института сознательно или бессознательно присутствует «гендерная политика», под которой, как правило, понимаются регулирование кадрового состава работников по половому признаку, влияние фактора пола на формирование властных структур в организации, на служебное и профессиональное разделение труда внутри организации, на психологический климат, организационную культуру и организационную этику [1]. При этом гендерная политика управления организационной культурой социальных институтов может быть открыто декларируемой или маскируемой, но она, безусловно, наличествует [2]. Управление организационной культурой всегда, скрытно или открыто, связано с гендерной политикой, гендерными стереотипами продвижения по служебной лестнице, гендерными представлениями о приоритетных профессиональных компетенциях, векторе профессиональной самореализации, перспективных должностях, поведенческих нормах и установках. Общеизвестно, что гендер в значительной мере определяет приоритеты в транслируемых объекту управления «картинах мира», аргументы для принятия управленческих решений и соответствующих моделей поведения. Однако проблема ее исследования состоит, с одной стороны, в том, что особенность гендерных аспектов при управлении организационной культурой заключается в их скрытом, неочевидном, непроявленном характере, затрудняющем как их распознавание, так и механизмы управления. С другой — существует мировая тенденция проведения определенной гендерной кадровой политики, имеющая длительный, системный характер и охватывающая своим влиянием все силовые структуры (Вооруженные силы, МВД, ФСБ, ФСИН, МЧС) как России, так и США, Китая, Японии, многочисленных европейских стран, что, по нашему мнению, является наиболее важной и значимой в современных реалиях управления социальными институтами проблемой. К тому же данная тенденция указывает на признаки бесструктурного управления организационной культурой данных социальных институтов посредством трансформации сложившихся организационных гендерных поведенческих норм, установок и отношений.

Объектом исследования выступили особенности управления организационной культурой ОВД в отношении гендерной политики. Предметом послужили особенности организационной культуры ОВД в динамике гендерных переживаний социальных страхов COVID-19 сотрудниками полиции. **Гипотеза** — существуют особенности управления организационной культурой ОВД, о которых свидетельствуют гендер-

ные различия в динамике психических состояний, социальных страхов сотрудников ОВД и их взаимоотношений в период COVID-19. **Цель** — исследование организационной культуры ОВД в динамике гендерных переживаний полицейскими социальных страхов COVID-19.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Проявление гендерных поведенческих стереотипов, норм и установок длительное время привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых при исследовании проблем состояния и управления организационной культурой таких социальных институтов, как органы внутренних дел (далее — ОВД). Так, Г. Хофстеде [1] в своей концепции исследования организационной культуры особо выделял гендерный аспект анализа. На основе национальных культур с жестким разделением и закреплением традиционных социальных ролей, нормативных поведенческих ориентиров и трудовых функций между мужчинами и женщинами ученый определял их маскулинность, т. е. жесткость такого распределения, или фемининность — мягкость.

Примечательно, что концепция управления организационной культурой, разработанная Г. Хофстеде в начале 80-х гг. XX в., оперирующая скорее не психологическими, а антропологическими категориями «маскулинности» и «фемининности», которые все меньше регулируются традициями, характерными для прошлых веков, становится все более востребованной в контексте активно продвигаемого на всех уровнях современного управления социальными системами тезиса о гендерном культурном неравенстве и необходимости преодоления его с помощью специальных социально-психологических технологий.

Вместе с тем привлечению внимания ученых к гендерному аспекту управления организационной культурой ОВД способствует еще одна современная тенденция — нагнетание социальных страхов СМИ пандемии COVID-19 [3; 4]. Науче хорошо известен и этот механизм управления организационной культурой социальных институтов — формирование специфических психических состояний, в значительной мере изменяющих поведенческие нормы и отношения сотрудников. По данным исследований [5–11], эпидемия COVID-19 чрезвычайно повлияла на психические состояния и здоровье людей во всем мире. Формирование новой «картины мира», полная неясность как ближайшего, так и отдаленного будущего, ограничение коммуникации, передвижения и свободного волеизъявления в определенные моменты полного или частичного локдауна привели к тому, что люди оказались в совершенно новых для себя условиях жизни, вызвавших ухудшение ее качества, испытывают нарастание социальных угроз, системно провоцирующих формирование и поддержание негативных психоэмоциональных состояний.

Очевидно, что мы наблюдаем работу одного из самых эффективных механизмов управления социальными системами, убедительно доказывающего, что переживание страхов свидетельствует о процессе установления контроля поведения теми, кто их навязывает. Так, по данным психологов из Национальной службы здравоохранения Великобритании, некий пандемийно-ковидный совет при британском правительстве настойчиво рекомендовал к применению против граждан своей страны технологии наведения массового страха с использованием сформированных страха и стыда как инструментов для смены моделей поведения¹. Американскими и британскими учеными установлено, что применение механизма изменения поведенческих норм, отношений и социальных установок уже привело к тому, что более 33% перенесших COVID-19 в следующие 6 месяцев обнаруживали различные неврологические или психиатрические заболевания. К числу наиболее распространенных осложнений относятся тревожное и аффективное расстройство (17 и 14% соответственно) [12]. Ученые отмечают также рост тревоги (до 51%), психологического дистресса (до 38%), симптомов посттравматического стрессового расстройства (до 54%), депрессии (до 48%) [13], которые, по мнению Ю. Е. Шматовой, являются «беспрецедентно-травмирующим социально-психологическим фактором» [14, с. 1]. Ученые прогнозируют рост самостоятельных попыток населения справиться с дистрессом достаточно деструктивным образом, например, повышенным потреблением алкоголя [15; 16] и совершением суицидов [10; 17–21]. Примечательно, что в числе профессиональных групп, наиболее уязвимых к негативным психологическим исходам в результате пандемии, оказались одинокие военнослужащие и сотрудники полиции, которые по степени выраженности психоэмоциональных расстройств в период COVID-19 попадают в группу повышенного риска возникновения симптомов тревоги и депрессии [14; 22–26].

В контексте нашего исследования особого внимания заслуживает тот факт, что проблема совладания с нарастающим дистрессом прежде всего затрагивает женщин-полицейских, так как женщины труднее переносят длительное эмоциональное напряжение. Биологически детерминированные половые различия в структуре головного мозга и нервной системы обуславливают особенности адаптивного поведения мужчин и женщин как в обычных, так и в стрессогенных

условиях. Так, женщины по сравнению с мужчинами склонны к накоплению ресурсов: они более пластичны, более гибко реагируют на влияние внешней среды, однако значительно менее продуктивно действуют в состоянии стресса и тяжелее переносят воздействие стрессорных факторов [27]. Это связано с большей лабильностью женщин в эмоциональном отношении, с их большей подверженностью стрессам и повышенной чувствительностью к коммуникативной депривации. Женщины в 2 раза чаще, чем мужчины, страдают от депрессии и в 3 раза чаще — от неврозов [28]. Риск развития тревоги у женщин в период пандемии в 3 раза выше, чем у мужчин [26].

Несмотря на вышеупомянутые особенности женщин-полицейских, их доля в кадровом составе МВД России неуклонно растет. По утверждению руководства МВД России, количество женщин в рядах полиции будет повышаться², т. е. эта тенденция устойчивая, представляющая неочевидные вызовы к управлению организационной культурой ОВД. Так в 2018 г. в правоохранительных органах работало более 170 тыс. женщин, что составляет примерно 19% от общей численности ведомства. Более того, «процент женщин в рядах МВД России в последнее время увеличивается и будет увеличиваться»³. Столь широкое привлечение женщин на службу в полицию отмечается отечественными и зарубежными учеными только в период ведения войны, максимально требующий временного восполнения кадрового состава вследствие массовой гибели мужчин при ведении боевых действий в армии и на флоте [29]. Принимая во внимание тенденцию гендерной политики к изменению соотношения мужчин и женщин в кадровом составе Вооруженных сил и ОВД России в ситуации мирного времени, мы можем предполагать нарастание страхов COVID-19 в динамике состояний сотрудников и их взаимоотношений. Данная направленность также указывает на признаки бесструктурного управления организационной культурой ключевых российских социальных институтов посредством навязывания социальных страхов военнослужащим и полицейским.

В этом плане все более актуальным становится поиск ответа на вопрос о том, как будут меняться основные атрибуты организационной культуры ОВД (мировоззрение, идеология, ценности, нормы и отношения) под воздействием эффектов пандемии и гендерной кадровой политики. Ответ на этот вопрос представляется знаковым для процесса управления организационной

¹ Косырев Д. Запад строит здравоохранительный тоталитаризм // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20210425/zdorove-1729790070.html> (дата обращения: 30.09.2021).

² Пресс-центр МВД России. Справочная информация // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/2043551> (дата обращения: 30.09.2021).

³ Сахмеев В. Более четверти служащих МВД в России — женщины // Собеседник. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20200221-bolee-chetverti-sluzhashih-mvd-v-rossii-zhenshiny> (дата обращения: 30.09.2021).

культурой ОВД, так как действия социальных институтов во время пандемии представляют собой своеобразный тест на их устойчивость и авторитет как институтов в целом [30; 31]. Актуальность вопроса заключается еще и в том, что он внешне адресован к различным областям психологической науки. Так, для социальной психологии проблема управления организационной культурой более существенна, чем проблема страхов сотрудников, которая относится к иной области психологии. Однако заслуживает внимания предположение о том, что тенденция к изменению полового соотношения в кадровом составе ОВД при разной гендерной динамике психических состояний сотрудников полиции, опосредующих их служебные взаимоотношения и поведенческие нормы, может указывать не только на изменение организационной культуры ОВД, но и на признаки формирования в период COVID-19 организационной культуры нового типа. Эти признаки трудноуловимы, но доступны измерению и способны предоставлять информацию, которая незаменима при реальном управлении сложными социальными системами, такими как организационная культура ОВД. Ведь управлять можно только тем, что можно измерить.

Данное предположение определило цель нашего исследования. Полагаем, что ситуация пандемии представляет уникальную возможность исследования сложного в своей амбивалентности понятия организационной культуры ОВД, которое во всей своей многоуровневой функциональности и ценностно-смысловых контекстах, раскрывающихся через анализ мировоззрения, установок, поведенческих норм и отношений сотрудников, согласно утверждению Л. С. Выготского, не может быть поймано в ловушку реального эксперимента без анализа психических состояний сотрудников.

Материалы и методы

Исследование проводилось на протяжении 2020 г. и первого полугодия 2021 г. Численность выборки — 335 сотрудников ОВД в возрасте от 23 до 49 лет, из которых 231 мужчина и 104 женщины. Психодиагностическое тестирование проводилось дважды — в 2020 и 2021 гг., при этом применялись Google-формы, что позволило

сформировать выборку, представляющую сотрудников полиции 5 управлений внутренних дел в субъектах РФ.

В качестве методик использовались опросники «Социальные страхи» [32], «Уровень субъективного контроля (УСК)» Е. Ф. Бажина и др. [33], методика определения доминирующего состояния ДС-8 [34].

Обработка эмпирических данных проводилась при помощи статистических методов исследования с применением t-критерия Стьюдента в программе SPSS Statistics 23.

Результаты и обсуждение

Статистический анализ различий по t-критерию Стьюдента позволил установить, что динамика роста социальных страхов у женщин выражена более широким спектром переживания состояния страхов при $p < 0,01$ (рис. 1). Так, у них наблюдается динамика роста среди всех диагностируемых видов социальных страхов: неудачи и поражения ($t = -2,55$); неприятия и подавления ($t = -2,832$); коммуникации ($t = -5,06$); самостоятельности ($t = -4,43$); потери ($t = -2,968$).

В группе мужчин динамика роста выявлена лишь по трем шкалам социальных страхов: неудачи и поражения ($t = -2,43$); неприятия и подавления ($t = -2,52$); коммуникации ($t = -2,00$).

В результате статистического анализа данных по методике УСК (рис. 2) в группе женщин обнаружена динамика роста показателей уровня субъективного контроля по шкалам интернальности в области межличностных ($t = -2,58$) и семейных ($t = -1,99$) отношений.

В группе мужчин диагностированы противоположные результаты, выраженные в динамике снижения показателей уровня субъективного контроля по шкалам общей интернальности ($t = 5,65$), интернальности в области неудач ($t = 4,86$), а также семейных ($t = 4,61$), межличностных ($t = 2,77$) и производственных ($t = 4,38$) отношений.

Статистическим анализом по методике ДС-8 (рис. 3) было установлено, что группе женщин свойственно снижение показателей по шкалам психических состояний «бодрость — уныние» ($t = 2,35$); «тонус — высокий-низкий» ($t = 2,90$); «раскованность —

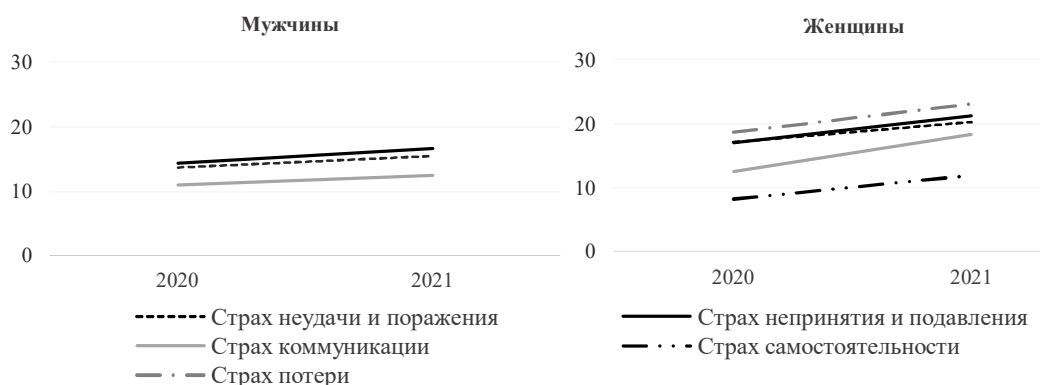

Рис. 1. Динамика социальных страхов сотрудников органов внутренних дел в период COVID-19 (Fig. 1. Dynamics of social fears of law enforcement officers during COVID-19)

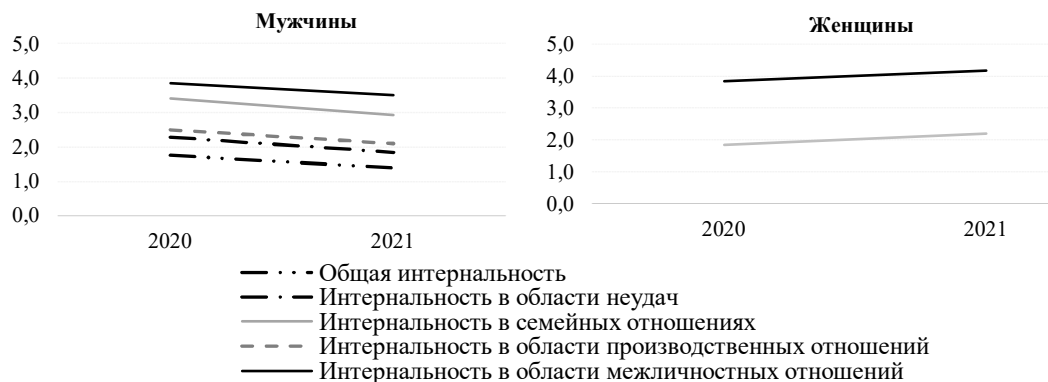

Рис. 2. Динамика уровня субъективного контроля сотрудников ОВД в период COVID-19
(Fig. 2. Dynamics of the level of subjective control of police officers during COVID-19)

напряженность» ($t=3,05$); «спокойствие — тревога» ($t=3,97$); «устойчивость — неустойчивость» ($t=2,65$); «удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью» ($t=3,54$). В группе мужчин выявлено снижение показателей лишь по трем шкалам психических состояний, а именно: «активное — пассивное отношение к жизни» ($t=2,49$); «бодрость — уныние» ($t=2,33$); «тонус — высокий — низкий» ($t=2,52$).

В результате статистического анализа различий по методике «социальные страхи» (рис. 4) были выявлены различия в группе мужчин и женщин по показателям социальных страхов. Так, женщинам свойственны более выраженное пребывание в состоянии страха неудачи и поражения ($t=-6,05$); непринятия и подавления ($t=-4,40$); потери ($t=-3,72$); коммуникации ($t=-4,78$); самостоятельности ($t=-5,45$).

Таким образом, женщины-полицейские отличаются большей интенсивностью и широтой переживания социальных страхов, растущей неустойчивостью их психического состояния в период пандемии COVID-19, но данная особенность не отражается на тенденции к увеличению доли женщин в кадровом составе ОВД⁴, хотя

проблема отбора женщин-полицейских на службу неоднократно поднималась в научных исследованиях [35].

Вместе с тем нарастание социальных страхов и неустойчивости психического состояния сотрудников способствует возникновению депрессий и неврозов. При этом у мужчин-полицейских происходит трансформация локуса контроля, в том числе в сфере достижений профессиональной деятельности. В совокупности эмоциональная разбалансированность и рост интенсивности переживания социальных страхов у женщин на фоне растущего делегирования ответственности полицейских-мужчин может приводить к повышению конфликтности во взаимоотношениях, пересмотру ценностей, норм и отношений. В результате усиливаются риски трансформации самого ядра организационной культуры, ее ослабления. В данной тенденции мы видим оказываемое социально-психологическое воздействие, которое позволяет констатировать применение механизма управления социальными системами. Его содержание заключается в нагнетании социальных страхов среди сотрудников полиции, способствующих как изменению некоторых организационных ценностей, установок, поведенческих

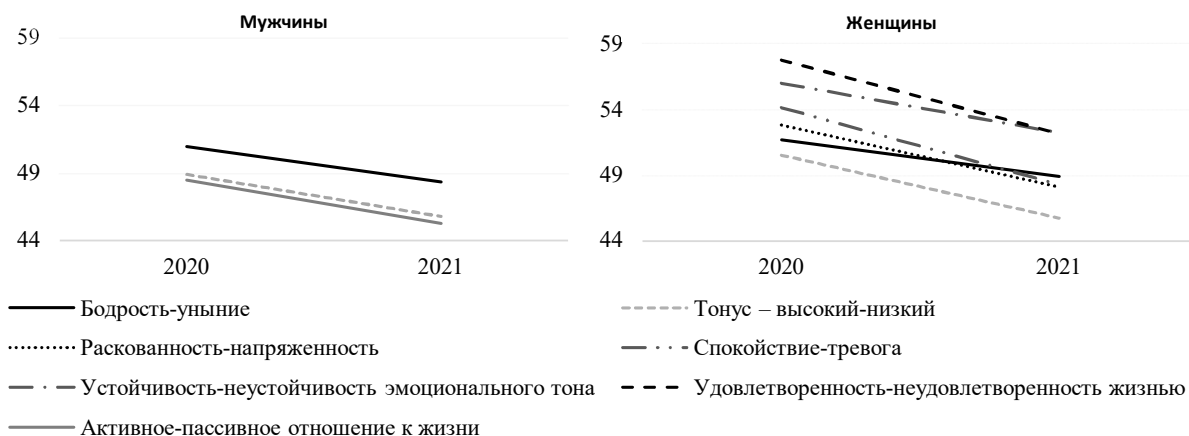

Рис. 3. Динамика психических состояний сотрудников ОВД в период COVID-19
(Fig. 3. Dynamics of mental states of police officers during COVID-19)

⁴ Пресс-центр МВД России. Справочная информация // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/2043551> (дата обращения: 30.09.2021).

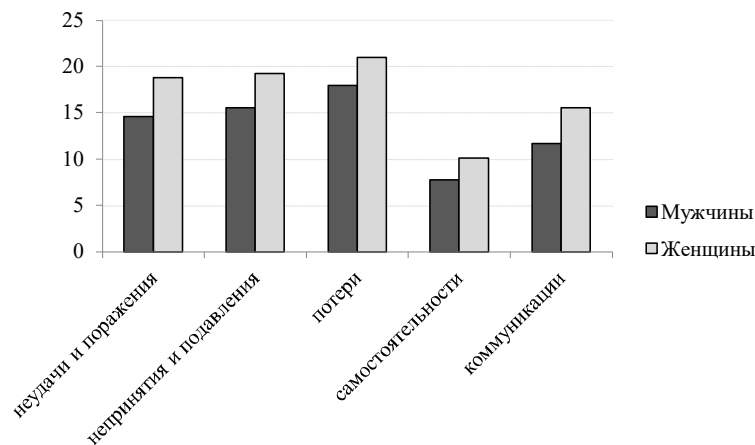

Рис. 4. Выраженность пребывания в состоянии страха среди сотрудников ОВД в период пандемии COVID-19
(Fig. 4. The intensity of the state of fear among police officers during the COVID-19 pandemic)

норм и отношений, так и трансформации организационной культуры ОВД в целом.

Одновременно применяется еще один из самых эффективных механизмов управления организационной культурой социальных институтов — отбор и продвижение кадров. Особую роль в реализации этого механизма управления играет гендерная кадровая политика, которая представляет собой управляемую, предписываемую и ожидаемую модель поведения для мужчин и женщин организации. Специфика работы данного механизма состоит в том, что он выступает важнейшим фактором формирования отношений мужчин и женщин в организационной среде, проявляясь в гендерных поведенческих стереотипах, нормах, представлениях о желаемых организационных отношениях, которые в значительной мере влияют на принятие управленческих решений.

Результаты настоящего исследования показывают специфику действия рассматриваемого механизма управления организационной культурой ОВД, проявляющуюся в гендерных различиях психических состояний полицейских, не только влияющих на поведенческие нормы и отношения сотрудников, но и потенциально угрожающих пересмотру организационных ценностей, норм и отношений, составляющих ядро организационной культуры, которые будут становиться все менее всеобъемлющими и общепринятыми.

Таким образом, гендерная кадровая политика на фоне нагнетания СМИ социальных страхов во время нескольких волн COVID-19 свидетельствует о новой реальности управления социальными системами, прежде всего, организационной культурой ключевых социальных институтов, к которым относятся ОВД России. Полученные данные дают возможность утверждать, что гендерные аспекты психических состояний и социальных страхов, транслируемые полицейскими в период COVID-19 в организационной культуре ОВД, являются следствием действия механизмов

управления организационной культурой социальных институтов, указывающих на вектор изменения ее общего дизайна и типа.

Полагаем, что следствием наметившегося вектора изменения общего дизайна организационной культуры ОВД могут быть ее ослабление и необходимость разработки специальных социально-психологических и психологических мероприятий по коррекции когнитивно-аффективной сферы личности полицейских, в первую очередь женщин с высоким уровнем выраженности социальных страхов и неустойчивости их психического состояния [36; 37]. В этом контексте меры по формированию устойчивых психических состояний полицейских и гендерный аспект кадровой политики необходимо рассматривать не столько как фактор, способствующий эффективной служебной деятельности, сколько как особый ресурс управления организационной культурой ОВД.

Выводы

1. Выявленная динамика изменения психических состояний сотрудников ОВД в пандемийный период COVID-19 (2020–2021 гг.) указывает на увеличение гендерных различий организационно-культурных отношений в ОВД, которые могут свидетельствовать об особенностях управления организационной культурой ОВД и признаках формирования организационной культуры нового типа. При этом управление организационной культурой ОВД оказывается под все более сильным влиянием внешних факторов, что способствует ее ослаблению.

2. Обнаружены различия в динамике роста и интенсивности переживания социальных страхов среди полицейских, как женщин, так и мужчин. Если у мужчин-полицейских наблюдается рост интенсивности переживания состояния, связанного с тремя видами социальных страхов, а именно неудач и поражений, непринятия и подавления и коммуникации, то у женщин наблюдается рост интенсивности переживания состояний, связанных с пятью видами социальных страхов: неудач и поражений,

непринятия и подавления, коммуникации, самостоятельности и потери, что свидетельствует о более значимой динамике роста и более широком спектре переживания страхов социального характера у женщин-полицейских.

3. Установлены различия в динамике роста неустойчивости психического состояния среди полицейских женщин и мужчин. Для мужчин-полицейских характерно увеличение неустойчивости психического состояния исключительно на уровне тонуса и активности. Женщинам-полицейским свойственно увеличение неустойчивости психического состояния как на уровне активности и тонуса, так и на уровне их спокойствия, раскованности, а также эмоционального фона и удовлетворенности жизнью.

4. При выявленной динамике роста социальных страхов для мужчин-полицейских характерна тенден-

ция к трансформации направленности локуса контроля, выраженного в стремлении к делегированию ответственности за события большинства сфер социальной жизни. Иную тенденцию демонстрируют женщины-полицейские, которые, несмотря на рост социальных страхов и неустойчивость психического состояния, стремятся к повышению ответственности за события в области межличностных и семейных отношений.

Перспективы. Считаем перспективным продолжение дальнейших исследований наметившегося вектора изменения общего дизайна организационной культуры ОВД в отношении социально-психологических факторов ее ослабления в контексте учета мировых и государственных тенденций управления социальными институтами, в том числе МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хофстеде Г. Организационная культура. Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уоррена. СПб., 2002. 350 с.
2. Маркова О. Ю. Гендерные аспекты внутриорганизационных коммуникаций // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. СПб., 2004. С. 299–313.
3. Ермолаев В. В., Насонова Д. К., Воронцова Ю., Четверикова А. И. О соотношении эмоционального интеллекта с уровнем выраженности социальных страхов при вовлеченности в контент информационно-новостной ленты о COVID-19 // Человеческий капитал. 2020. № 11(143). С. 160–171. <https://doi.org/10.25629/HC.2020.11.14>.
4. Ермолаев В. В., Воронцова Ю., Насонова Д. К., Четверикова А. И. Связь социальных страхов с уровнем доверия к себе и к миру при вовлеченности в информационно-новостную ленту о COVID-19 // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020. № 8(186). С. 357–364. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p357-364>.
5. Abdullah I. COVID-19: Threat and fear in Indonesia. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*. 2020. Vol. 12, № 5. Pp. 488–490. <https://doi.org/10.1037/tra0000878>.
6. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*. 2020. № 395. Pp. 912–920.
7. Ermolaev V. V., Sorokoumova E. A., Voroncova J., Nasonova D.K., Chetverikova A.I. Psychological features of social fears associated with the COVID-19 content of news feed in Russia. *EurAsian Journal of BioSciences*. 2020. № 14. Pp. 2403–2409.
8. Liang L. Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S. The Effect of COVID-19 on Youth Mental Health. *The Psychiatric quarterly*. 2020. № 91(3). Pp. 841–852. <https://doi.org/10.1007/s11126-020-09744-3>.
9. Taylor S., Landry C. A., Paluszek M. M., Fergus T. A., McKay D., Asmundson G. COVID stress syndrome: Concept, structure, and correlates. *Depress Anxiety*. 2020. № 37(8). Pp. 706–714. <https://doi.org/10.1002/da.23071>.
10. Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J. M., Ventriglio A. The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health. *International Journal of Social Psychiatry*. 2020. № 66(4). Pp. 317–320. <https://doi.org/10.1177/0020764020915212>.
11. Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W. China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*. 2020. Vol. 12, № S1. Pp. S3–S5. <https://doi.org/10.1037/tra0000609>.
12. Taquet M., Geddes J. R., Husain M., Luciano S., Harrison P. J. 6-month neurological and psychiatric outcomes in 236379 survivors of COVID-19: a retrospective cohort study using electronic health records. *Lancet Psychiatry*. 2021. Vol. 8, № 5. Pp. 416–427. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(21\)00084-5](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(21)00084-5).
13. Xiong J., Lipsitz O., Nasri F., Lui L., Gill H., Phan L., Chen-Li D., Iacobucci M., Ho R., Majeed A., McIntyre R. S. Impact of COVID-19 pandemic on mental health in the general population: A systematic review. *Journal of affective disorders*. 2020. № 277. Pp. 55–64. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.08.001>.
14. Шматова Ю. Е. Психологическое состояние жителей Вологодской области в период пандемии COVID-19 // Социальное пространство. 2021. Т. 7, № 3. С. 1–18. <https://doi.org/10.15838/sa.2021.3.30.2>.
15. Rehm J., Gmel G. E. Sr., Gmel G., Hasan O. S. M., Imtiaz S., Popova S., Probst C., Roerecke M., Room R., Samokhvalov A. V., Shield K. D., Shuper P. A. The relationship between different dimensions of alcohol use and the burden of disease—an update. *Addiction*. 2017. № 112(6). Pp. 968–1001. <https://doi.org/10.1111/add.13757>.
16. Shield K., Manthey J., Rylett M., Probst Ch., Wettlaufer A., Parry Ch. D. H., Rehm J. National, regional, and global burdens of disease from 2000 to 2016 attributable to alcohol use: A comparative risk assessment study. *Lancet Public Health*. 2020. № 5. Pp. 51–61. [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(19\)30231-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(19)30231-2).
17. Любов Е. Б., Зотов П. Б., Положий Б. С. Пандемии и суицид: идеальный шторм и момент истины // Суицидология. 2020. Т. 11, № 1(38). С. 3–38. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-3-38).

18. Медведева Т. И., Ениколопов С. Н., Бойко О. М., Воронцова О. Ю. Анализ динамики депрессивной симптоматики и суицидальных идей во время пандемии COVID-19 в России // Суицидология. 2020. Т. 11, № 3(40). С. 3–16.
19. McIntyre R. S., Lee Y. Projected increases in suicide in Canada as a consequence of COVID-19. *Psychiatry Research*. 2020. Vol. 290. P. 113104. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113104>. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7236718/> (дата обращения: 30.09.2021).
20. Rogers J. P., Chesney E., Oliver D., Pollak T. A., McGuire P., Fusar-Poli P., Zandi M. S., Lewis G., David A. S. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: A systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*. 2020. № 7. Pp. 611–627. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30203-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30203-0).
21. Yao H., Chen J.-H., Xu Y.-F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic. *The Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7, № 4. P. e21. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30090-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30090-0).
22. Сидоренко В. А., Ичитовкина Е. Г., Жернов С. В., Богдасаров Ю. В. Особенности эмоционального состояния сотрудников органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей в условиях пандемии COVID-19 // Вестник современной клинической медицины. 2020. Т. 13, № 6. С. 38–42. [https://doi.org/10.20969/VSKM.2020.13\(6\).38-42](https://doi.org/10.20969/VSKM.2020.13(6).38-42).
23. Сидоренко В. А., Соловьев А. Г., Ичитовкина Е. Г., Жернов С. В. Психическая травматизация полицейских в период несения службы в чрезвычайной ситуации медико-биологического характера, обусловленной пандемией COVID-19 // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2020. № 4. С. 105–113. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2020-0-4-27-113>.
24. Lei L., Huang X., Zhang S., Yang J., Yang L., Xu M. Comparison of Prevalence and Associated Factors of Anxiety and Depression Among People Affected by versus People Unaffected by Quarantine During the COVID-19 Epidemic in Southwestern China. *Medical science monitor: international medical journal of experimental and clinical research*. 2020. Vol. 26. e924609. <https://doi.org/10.12659/MSM.924609>. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7199435/> (дата обращения: 30.09.2021).
25. Mazza C., Ricci E., Biondi S., Colasanti M., Ferracuti S., Napoli C., Roma P. A Nationwide Survey of Psychological Distress among Italian People during the COVID-19 Pandemic: Immediate Psychological Responses and Associated Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. № 17(9). P. 3165. <https://doi.org/10.3390/ijerph17093165>. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32370116/> (дата обращения: 31.11.2021).
26. Wang Y., Di Y., Ye J., Wei W. Study on the public psychological states and its related factors during the outbreak of coronavirus disease 2019 (COVID-19) in some regions of China. *Psychology, Health & Medicine*. 2021. Vol. 26, № 1. Pp. 13–22. <https://doi.org/10.1080/13548506.2020.1746817>.
27. Жуков Д. А. Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей : в 2 т. 3-е изд. М., 2016. Т. 2. 368 с.
28. Юсупов В. В., Кузина Р. Х., Перфилова О. В. Проблемы профессиональной адаптации женщин-военнослужащих. СПб., 2009. 116 с.
29. Филиппова Т. В., Ермолаев В. В. Особенности «я-концепции» российских женщин-сотрудников полиции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6, № 4(72). С. 140–150.
30. Sapano G., Howlett M., Jarvis D. S. L., Ramesh M., Goyal N. Mobilizing policy (In) capacity to fight COVID-19: Understanding variations in state responses. *Policy and Society*. 2020. Vol. 39, № 3. Pp. 285–308.
31. Poole D. N., Escudero D. J., Gostin L. O., Leblang D., Talbot E. A. Responding to the COVID-19 pandemic in complex humanitarian crises. *International Journal for Equity in Health*. 2020. Vol. 19, № 1. Pp. 1–2. <https://doi.org/10.1186/s12939-020-01162-y>.
32. Грошева Л. Н. Социальные страхи и их преодоление у верующих и атеистов : дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 206 с.
33. Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткин А. М. Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М., 1993. 16 с.
34. Куликов Л. В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению. СПб., 2003. 81 с.
35. Сергачева О. В., Марьин М. И. Психологические особенности женщин-кандидатов, поступающих на службу в органы внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4(35). С. 76–78.
36. Ермолаев В. В., Воронцова Ю., Четверикова А. И. К вопросу о критериях сформированности навыков психической саморегуляции у водителей // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». 2019. № 12. С. 56–60.
37. Ермолаев В. В., Воронцова Ю., Насонова Д. К., Четверикова А. И. Динамика социальных страхов у российских граждан в период первой и второй волны COVID-19 // Национальный психологический журнал. 2021. № 1(41) С. 27–38. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0103>.

Поступила 29.10.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята в печать 30.11.2021.
Заявленный вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Hofstede G. Organizational culture. Human resource management. Ed. by Poole M., Warren M. St. Petersburg, 2002. 350 p. (In Russ.)
2. Markova O. Yu. Gender aspects of intra-organizational communications. Actual problems of the theory of communication. Collected scientific papers. St. Petersburg, 2004. Pp. 299-313. (In Russ.)
3. Ermolaev V. V., Nasonova D. K., Voroncova J., Chetverikova A. I. Correlation of emotional intelligence and the level of intensity of social fears associated with the COVID-19 content of news. *Human Capital*. 2020. No. 11(143). Pp. 160–171. doi: 10.25629/HC.2020.11.14. (In Russ.)
4. Ermolaev V. V., Voroncova J., Nasonova D. K., Chetverikova A. I. Correlations of social fears and trust in yourself and trust to the world associated with news about COVID-19. *Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University*. 2020. No. 8(186). Pp. 357–364. doi: 10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p357-364. (In Russ.)

5. Abdullah I. COVID-19: Threat and fear in Indonesia. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*. 2020. Vol. 12. No 5. Pp. 488–490. doi: 10.1037/tra0000878.
6. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*. 2020. No. 395. Pp. 912–920.
7. Ermolaev V. V., Sorokoumova E. A., Voronova J., Nasonova D. K., Chetverikova A. I. Psychological features of social fears associated with the COVID-19 content of news feed in Russia. *EurAsian Journal of BioSciences*. 2020. No. 14. Pp. 2403–2409.
8. Liang L., Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S. The Effect of COVID-19 on Youth Mental Health. *The Psychiatric quarterly*. 2020. No. 91(3). Pp. 841–852. doi: <https://doi.org/10.1007/s11126-020-09744-3>.
9. Taylor S., Landry C. A., Paluszek M. M., Fergus T. A., McKay D., Asmundson G. COVID stress syndrome: Concept, structure, and correlates. *Depress Anxiety*. 2020. No. 37(8). Pp. 706–714. doi: 10.1002/da.23071.
10. Torales J., O'Higgins M., Castaldelli-Maia J.M., Ventriglio A. The outbreak of COVID-19 coronavirus and its impact on global mental health. *International Journal of Social Psychiatry*. 2020. No. 66(4). Pp. 317–320. doi: 10.1177/0020764020915212.
11. Wu L., Guo X., Shang Z., Sun Z., Jia Y., Sun L., Liu W. China experience from COVID-19: Mental health in mandatory quarantine zones urgently requires intervention. *Psychological trauma: theory, research, practice, and policy*. 2020. Vol. 12. No. S1. Pp. S3–S5. doi: <https://doi.org/10.1037/tra0000609>.
12. Taquet M., Geddes J. R., Husain M., Luciano S., Harrison P. J. 6-month neurological and psychiatric outcomes in 236379 survivors of COVID-19: a retrospective cohort study using electronic health records. *Lancet Psychiatry*. 2021. Vol. 8, No. 5. Pp. 416–427. doi: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(21\)00084-5](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(21)00084-5).
13. Xiong J., Lipsitz O., Nasri F., Lui L., Gill H., Phan L., Chen-Li D., Iacobucci M., Ho R., Majeed A., McIntyre R. S. Impact of COVID-19 pandemic on mental health in the general population: A systematic review. *Journal of affective disorders*. 2020. No. 277. Pp. 55–64. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.08.001>.
14. Shmatova Yu. E. Psychological state of Vologda oblast residents during the COVID-19 pandemic. *Social Space*. 2021. Vol. 7. No. 3. Pp. 1–18. doi: 10.15838/sa.2021.3.30.2. (In Russ.)
15. Rehm J., Gmel G. E. Sr., Gmel G., Hasan O. S. M., Imtiaz S., Popova S., Probst C., Roerecke M., Room R., Samokhvalov A. V., Shield K. D., Shuper P. A. The relationship between different dimensions of alcohol use and the burden of disease—an update. *Addiction*. 2017. No. 112(6). Pp. 968–1001. doi: 10.1111/add.13757.
16. Shield K., Manthey J., Rylett M., Probst Ch., Wettlaufer A., Parry Ch. D. H., Rehm J. National, regional, and global burdens of disease from 2000 to 2016 attributable to alcohol use: A comparative risk assessment study. *Lancet Public Health*. 2020. No. 5. Pp. 51–61. doi: [https://doi.org/10.1016/S2468-2667\(19\)30231-2](https://doi.org/10.1016/S2468-2667(19)30231-2).
17. Lyubov E. B., Zotov P. B., Polozhy B. S. Panemics and suicide: a perfect storm and a moment of truth. *Suicidology*. 2020. Vol. 11, No. 1(38). Pp. 3–38. doi: [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-3-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-3-38). (In Russ.)
18. Medvedeva T. I., Enikolopov S. N., Boyko O. M., Vorontsova O. Yu. Analysis of dynamics of depressive symptoms and suicidal ideas during the COVID-19 pandemic in Russia. *Suicidology*. 2020. Vol. 11, No. 3(40). Pp. 3–16. (In Russ.)
19. McIntyre R. S., Lee Y. Projected increases in suicide in Canada as a consequence of COVID-19. *Psychiatry Research*. 2020. Vol. 290. Pp. 113104. doi:10.1016/j.psychres.2020.113104. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7236718/> (accessed: 30.09.2021).
20. Rogers J. P., Chesney E., Oliver D., Pollak T. A., McGuire P., Fusar-Poli P., Zandi M. S., Lewis G., David A. S. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: A systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*. 2020. No 7. Pp. 611–627. doi: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30203-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30203-0).
21. Yao H., Chen J.-H., Xu Y.-F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic. *The Lancet Psychiatry*. 2020. Vol. 7, No. 4. Pp. e21. doi: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30090-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30090-0).
22. Sidorenko V. A., Ichtovkina E. G., Zhernov S. V., Bogdasarov Yu. V. The features of emotional state of law enforcement officers when performing their duties in the conditions of the COVID-19 pandemic. *The Bulletin of Contemporary Clinical Medicine*. 2020. Vol. 13. No. 6. Pp. 38–42. doi: 10.20969/VSKM.2020.13(6).38-42. (In Russ.)
23. Sidorenko V. A., Solov'ev A. G., Ichtovkina E. G., Zhernov S. V. Mental traumatization of police officers during service in a medical and biological emergency caused by the COVID-19 pandemic. *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2020. No. 4. Pp. 105–113. doi: <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2020-0-4-27-113>. (In Russ.)
24. Lei L., Huang X., Zhang S., Yang J., Yang L., Xu M. Comparison of Prevalence and Associated Factors of Anxiety and Depression Among People Affected by versus People Unaffected by Quarantine During the COVID-19 Epidemic in Southwestern China. *Medical science monitor: international medical journal of experimental and clinical research*. 2020. Vol. 26. Pp. e924609. doi:10.12659/MSM.924609 URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7199435/> (accessed: 30.09.2021).
25. Mazza C., Ricci E., Biondi S., Colasanti M., Ferracuti S., Napoli C., Roma P. A Nationwide Survey of Psychological Distress among Italian People during the COVID-19 Pandemic: Immediate Psychological Responses and Associated Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. No. 17(9). Pp. 3165. doi: 10.3390/ijerph17093165. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32370116/> (accessed: 30.09.2021).
26. Wang Y., Di Y., Ye J., Wei W. Study on the public psychological states and its related factors during the outbreak of coronavirus disease 2019 (COVID-19) in some regions of China / Y. Wang [et al.]. *Psychology, Health & Medicine*. 2021. Vol. 26, No 1. Pp. 13–22. doi: 10.1080/13548506.2020.1746817.
27. Zhukov D. A. Wait, who is leading? Biology of human behavior and other animals. In 2 vol. 3rd ed. Moscow, 2016. 368 p. (In Russ.)
28. Yusupov V. V., Kuzina R. Kh., Perfilova O. V. Problems of professional adaptation of female servicemen. St. Petersburg, 2009. 116 p. (In Russ.)
29. Filippova T. V., Ermolaev V. V. The features of the «I-concept» of Russian female police officers. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2020. Vol. 6, No. 4(72). Pp. 140–150. (In Russ.)
30. Capano G., Howlett M., Jarvis D. S. L., Ramesh M., Goyal N. Mobilizing policy (In) capacity to fight COVID-19: Understanding variations in state responses. *Policy and Society*. 2020. Vol. 39, No. 3. Pp. 285–308.

31. Poole D. N., Escudero D. J., Gostin L. O., Leblang D., Talbot E. A. Responding to the COVID-19 pandemic in complex humanitarian crises. *International Journal for Equity in Health*. 2020. Vol. 19, No. 1. Pp. 1–2.
32. Grosheva L. N. Social fears and their overcoming among believers and atheists. Candidate of sciences dissertation (in Psychology). Moscow, 2004. 206 p. (In Russ.)
33. Bazhin E. F., Golyunkina E. A., Etkind A. M. Questionnaire on the level of subjective control (SCL). Moscow, 1993. 16 p. (In Russ.)
34. Kulikov L. V. A guide to the methods of diagnosing mental states, feelings and psychological stability of the individual. Description of methods, instructions for application. St. Petersburg, 2003. 81 p. (In Russ.)
35. Sergacheva O. V., Maryin M. I. Psychological features of female applicants joining law enforcement agencies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2008. No. 4(35). Pp. 76–78. (In Russ.)
36. Ermolaev V. V., Voroncova J., Chetverikova A. I. To the question of criteria used to identify formation of car drivers' mental self-regulation skills. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. The series "Cognition"*. 2019. No. 12. Pp. 56-60. (In Russ.)
37. Ermolaev V. V., Voroncova J., Nasonova D. K., Chetverikova A. I. Dynamics of Russian citizens' social fears during the first and second wave of COVID-19. *National Psychological Journal*. 2021. No. 1(41). Pp. 27–38. doi: 10.11621/npj.2021.0103 (In Russ.)

*Submitted: 29.10.2021; approved after reviewing: 16.11.2021; accepted for publication: 30.11.2021.
The authors' alleged contribution: all the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.*

Научно-практическая статья

УДК 159.922 © С. В. Забегалина, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-71-78

5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии

Психологическое состояние военнослужащих в период их адаптации

Светлана Викторовна Забегалина¹, кандидат психологических наук, психолог; svetlanviktorovna@mail.ru;

<https://orcid.org/0000-0003-2615-8298>

¹ Центральный военный округ, 432001, Ульяновск, Россия

Реферат

Введение. Рассматривается психоэмоциональное состояние в связи с возможностями адаптации личности. Приводятся причины негативного психоэмоционального состояния, способы его коррекции. Цель — выявление особенностей психоэмоционального состояния военнослужащих в период их адаптации. **Материалы и методы.** Исследование проводилось на выборке военнослужащих по контракту в количестве 60 человек. Использовались методики САН (самочувствие, активность, настроение) и ДПС (доминирующее психологическое состояние). При обработке эмпирических данных применялись пакет программ SPSS 25.0 и Excel, методы описательной статистики, корреляционный и факторный анализ. **Результаты и обсуждение.** Выявлена необходимость коррекции психоэмоционального состояния военнослужащих в период их адаптации. Психоэмоциональное состояние выступает показателем хода адаптации военнослужащих, причем его диагностика возможна с меньшими временными интервалами, в отличие от личностных тестов, в связи с чем применение методик САН, ДПС и некоторых других аналогичных обоснованно в практической деятельности психолога. Эмпирически исследованы показатели психоэмоционального состояния военнослужащих в период их адаптации, выделены три кластера с низкими, средними и высокими результатами. Практически все результаты по шкалам взаимосвязаны между собой на значимом уровне (САН и ДПС по отдельности). Исключение составляет шкала «эмоциональная желательность»: по ней результаты чаще не коррелируют с основными шкалами методики ДПС. Это говорит о том, что военнослужащие на этапе адаптации с высокими результатами по диагностике психоэмоционального состояния склонны несколько завышать свои показатели, их результаты отличаются от среднестатистических. **Выводы.** Психоэмоциональное состояние является показателем, индикатором успешности всего хода адаптации, его измерение важно в практических целях и не требует длительных интервалов, как при проведении личностных тестов, например, с помощью методики «Адаптивность», не предполагает особой подготовки и трудностей при осуществлении психодиагностической процедуры. Разделение на три кластера с высокими, средними и низкими показателями на обоих этапах эмпирического исследования позволило заключить, что психологическая работа по коррекции психоэмоционального состояния может применяться для всех групп испытуемых.

Ключевые слова: личность; военнослужащие; психоэмоциональное состояние; адаптация; адаптивность; личность в особых условиях; субъект деятельности; психологическая работа; жизнеспособность; стресс

Для цитирования: Забегалина С. В. Психологическое состояние военнослужащих в период их адаптации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 71–78. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-71-78>

Scientific and Practical Article

UDC 159.922 © S. V. Zabegalina, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-71-78

5.3.1 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Psychological State of Military Servicemen during their Adaptation

Svetlana V. Zabegalina¹, Candidate of sciences (in Psychology), psychologist; svetlanviktorovna@mail.ru;

<https://orcid.org/0000-0003-2615-8298>

¹ Central Military District, Ulyanovsk, 432001, Russia

Abstract

Introduction. This article examines the psycho-emotional state with regard to the possibilities of adaptation of the individual. The reasons for the negative psycho-emotional state, methods of its correction are given. The goal is to reveal the peculiarities of the psycho-emotional state of servicemen during their adaptation. **Materials and Methods.** The survey covered 60 contract military servicemen. The methods of defining Health, Activity, Mood and Dominant Psychological State were employed. When processing empirical data, the SPSS 25.0 and Excel software package, methods of descriptive statistics, correlation and factor analysis were used. **Results and Discussion.** The necessity of correcting the psycho-emotional state of military servicemen during their adaptation is revealed. The psycho-emotional state is an indicator of the course of adaptation of military personnel, and its diagnostics is possible within the short time intervals unlike personality tests. This makes the application of methods of defining Health, Activity, Mood and Dominant Psychological State and some other similar methods substantiated and desirable in psychologist's practice. The indicators of the psycho-emotional state of military servicemen during their adaptation are empirically investigated. Three clusters with low, medium and high results are identified. Almost all the results on the scales are significantly interconnected (Health, Activity, Mood and Dominant Psychological State separately). The exception is the "emotional desirability" scale: according to it, the results often

do not correlate with the main scales of the methodology of Dominant Psychological State. This suggests that military servicemen at the stage of adaptation with high results in the diagnostics of psycho-emotional state tend to somewhat overestimate their indicators and their results differ from the average ones. **Conclusions.** The psycho-emotional state is an indicator of the success of the entire course of adaptation, its measurement is important for practical purposes, does not require long intervals like personality tests, in particular the "Adaptability" technique, and does not imply special preparation and difficulties in conducting a psycho-diagnostic procedure. The distribution into three clusters with high, medium and low indicators at both stages of the empirical study showed that psychological work on the correction of the psycho-emotional state can be applied to all groups of subjects.

Keywords: personality; military personnel; psycho-emotional state; adaptation; adaptability; personality in special conditions; subject of activity; psychological work; viability; stress

Citation: Zabegalina S. V. Psychological State of Military Servicemen during their Adaptation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 71–78 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-71-78>

Основные положения

1. Адаптация личности военнослужащего связана с его психоэмоциональным состоянием. Особенно важным периодом адаптации является первый год службы в новой воинской части.

2. Психоэмоциональное состояние военнослужащих поддается изменению, в связи с чем актуальны психокоррекционные мероприятия, проводимые с личным составом.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Период адаптации к военной службе отличается сложностью в силу резкой смены как вида деятельности, так и среды, в том числе социальной, когда личность в новых для себя условиях подвержена влиянию воздействующих факторов больше, чем в привычной среде.

Адаптация личности определяет эффективность деятельности, психологическое благополучие и комфорт, напрямую отражается на характере социальных отношений, общем морально-психологическом климате тех малых групп, в которые входит личность [1]. Несомненно, новая среда предъявляет и новые требования к адаптации личности, накладывает отпечаток на привычные динамические стереотипы, поведение и деятельность [2], отражается на эмоциональном фоне и настроении личности. При этом собственно адаптивный потенциал относится к способностям личности, которые можно развивать в ходе специальных психологических мероприятий [3]. Именно это и определяет актуальность темы исследования психоэмоционального состояния военнослужащих в период их адаптации. Предметом исследования выступает психоэмоциональное состояние военнослужащих по контракту в период их адаптации в новой для них воинской части.

Проблема исследования заключается в том, что изучение адаптации происходит в процессе психодиагностики по плану с периодичностью не чаще чем через шесть месяцев (в норме ежегодно), что не позволяет выявлять актуальный уровень адаптации на текущий момент. В связи с этим оценка психоэмоционального состояния должна позволить отследить происшедшие

изменения психологического статуса в ходе адаптации за более короткий период (например, за две недели).

Результаты анализа исследуемой проблемы позволили сформулировать **гипотезу** о том, что психоэмоциональное состояние в период адаптации военнослужащего изменяется в ходе специальных психокоррекционных мероприятий, проводимых с личным составом.

Цель состоит в выявлении особенностей психоэмоционального состояния военнослужащих в период их адаптации, влияния на него психокоррекционных мероприятий.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Психоэмоциональное состояние показывает, как человек склонен реагировать доминирующим образом [4]. Эмоции определяют реагирование на действительность, отражаются на самочувствии и функциональном состоянии человека. Если эмоциональная активация снижается, например, наблюдается притупление эмоций, то снижается и активность нервной системы, собственно активность и жизнеспособность [5]. Эмоциональные реакции усиленного характера также нарушают функционирование психики и лишают индивида способности эффективно действовать. Только оптимальное эмоциональное возбуждение способствует готовности к деятельности и ее эффективности [6].

Эмоции связаны с субъективным миром переживаний, показывают то, как человек воспринимает действительность [7]. Информационный аспект эмоций рассмотрен в теории эмоций П. В. Симонова, которая относится к разряду когнитивистских.

Психоэмоциональным состояниям, согласно Е. П. Ильину [8], присущи некоторые особенности: они выражают состояние психики в целом за определенный промежуток времени, они связаны с личностью: демонстрируют ее отличительные черты, при этом сами выступают «строительным материалом» для структурирования и изменения свойств личности. На фоне психоэмоциональных состояний ярче проявляются либо маскируются особенности личности. Например, состояние ожидания боя, испытываемое военнослужащими, характеризуется определенным набором ощущений и восприятий, образами памяти

и мышления, неупорядоченности волевой активности, не свойственной им в обычных условиях.

Согласно Г. Айзенку [9], психоэмоциональные состояния, связаны с типами темперамента. Например, сангвиники чаще, чем меланхолики, находятся в приподнятом эмоциональном состоянии. Интересно, что одна и та же ситуация может вызывать полярные (противоположные) состояния, что особенно проявляется в сложных условиях обстановки.

На психоэмоциональное состояние влияет также устойчивое настроение, которое может быть характерно для личности. При этом по-разному эмоции проявляются у разных людей и корректируются в общении с окружающими [10], зависят от коллектива и коммуникативных навыков (С. К. Нартова-Бочавер, А. В. Потапова [11]).

В ходе адаптации военнослужащие испытывают психоэмоциональное напряжение, связанное с тем, что они попадают в незнакомую среду, о которой у них до этого были неясные и часто ошибочные представления, почерпнутые из рассказов знакомых. В реальности военнослужащие могут столкнуться с совершенно другими трудностями, не теми, которые им представлялись неизбежными. Нередко военнослужащие не понимают, что причина их трудностей заключается в них самих, в том, что они проявляют небрежность во внешнем виде, исполняют свои обязанности по службе без желания, с безразличием, перекладывая выполнение задач на других. Самые ответственные военнослужащие испытывают напряжение из страха не выполнить поставленную задачу, подвести товарищей, не оправдать доверия непосредственного командира, что они переживали и во время службы по призыву [12].

В любом случае это ведет к дополнительным психоэмоциональным нагрузкам, тревоге, негативным переживаниям, что отрицательным образом отражается на общей боевой готовности, на психофизиологическом состоянии военнослужащих [13].

Во многом адаптация определяется психофизиологическими особенностями военнослужащих, а также степенью развития саморегуляции функциональных состояний, это обеспечивает стабильность и устойчивость к негативным воздействующим факторам [14]. Ход адаптации нужно просчитывать, опираясь на объективные данные и индивидуальные характеристики личности [15]. Сами же личностные факторы адаптации принято относить к субъективным [16]. Объективно-субъективные факторы адаптации находятся как бы «на стыке», с одной стороны, они связаны с подготовкой личности к деятельности, к среде, с другой — детерминированы спецификой той самой деятельности, ситуации и обстоятельств в целом [17].

Исследование адаптации является сложной проблемой на протяжении существования психологиче-

ской науки, а подходы к ее изучению сильно отличаются в рамках различных концепций и теорий [18]. Адаптация обеспечивает жизнеспособность личности, умение и способность противостоять негативным факторам среды, что также стало предметом исследования в психологии [19].

Несмотря на весь интерес к проблеме адаптации, практически без внимания остается вопрос о субъективной оценке своего психологического состояния в период трудностей, в первую очередь психоэмоционального, которое вызывает интерес у зарубежных ученых [20].

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 60 военнослужащих в возрасте от 22 до 40 лет. В целях анализа актуального психологического состояния военнослужащих в период их адаптации к военной службе в новой для них воинской части были применены две методики — САН (самочувствие, активность, настроение) и ДПС (доминирующее психологическое состояние).

Исследование проводилось в два этапа. Первый этап имел целью замер психоэмоционального состояния, которое военнослужащие испытывают, попав в воинскую часть для прохождения службы. Второй этап исследования осуществлялся через две недели после коррекции психоэмоционального состояния и включал повторное тестирование по указанным методикам.

По методикам САН и ДПС были использованы варианты пересчета баллов в стеновые (максимальный показатель — 10 стенов, минимальный — 1 стено).

Результаты и обсуждение

Особенности психоэмоционального состояния военнослужащих в начале этапа адаптации. По методике САН на первом этапе исследования выявлено, что самый большой разброс данных наблюдается по шкале «настроение», о чем свидетельствует самая значительная дисперсия — 4,274. Наибольшее совпадение зафиксировано по оценкам по шкале «самочувствие», где самая маленькая дисперсия — 2,112. Об этом же позволяют судить и показатели стандартной ошибки и стандартного отклонения. Среднее говорит в целом о хорошем самочувствии: определен показатель свыше 5 стенов по всем трем шкалам (5,58 — по шкале «самочувствие»; 5,88 — «настроение» и 5,90 — «активность»).

На втором этапе по методике САН по всем трем шкалам показатели улучшились. Так, среднее по шкалам «самочувствие», «активность» возросло примерно на 0,8 стенов, а по шкале «настроение» — на 1,4 стенов.

Таким образом, работа по коррекции психоэмоционального состояния военнослужащих является эффективной, поскольку по полученным результатам заметно повысились средние показатели и разброс данных стал меньше.

Затем были проанализированы результаты описательной статистики по методике ДСП (Методика

определения доминирующего психологического состояния). Средние величины по шкалам представлены на графике (рис. 1).

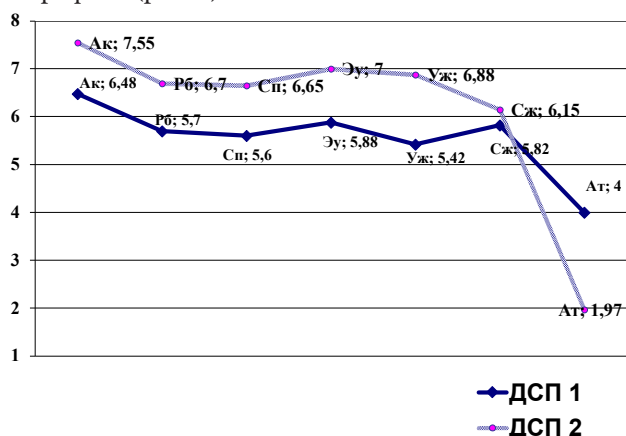

Рис. 1. Средние значения по методике ДСП на этапах эмпирического исследования (Fig. 1. Average values according to the Dominant Psychological State method at the stages of empirical research)

Примечания: Ак — активное — пассивное отношение к жизненной ситуации; Ат — атипичность ответов; Сж — социальная желательность; Сп — спокойствие — тревога; Рб — работоспособность; Уж — удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью в целом; Эу — эмоциональная устойчивость.

Самые высокие показатели в среднем были получены по шкале «активное — пассивное отношение к жизненной ситуации». Учитывая период адаптации, это весьма важно, так как говорит о готовности военнослужащих изменяться или менять среду, активно приспосабливаясь к новой для них обстановке. Самый низкий показатель среднего из информативных шкал касается удовлетворенности жизнью в целом, а самый высокий — эмоциональной устойчивости. Высокий разброс данных, о чем свидетельствует дисперсия, означает, что существует большое число военнослужащих с неблагоприятными показателями психоэмоционального состояния, нуждающихся в его коррекции.

На втором этапе исследования результаты по основным шкалам методики значительно выше, что позволяет вести речь о значимости психокоррекционной деятельности.

Такая коррекция проводилась в рамках психологической работы с военнослужащими в период их адаптации в воинской части, что особенно необходимо при признаках девиантного поведения, которое часто сопровождается широким кругом негативных эмоций, особенно тревогой, страхом и агрессией [21].

Пути коррекции психоэмоциональных состояний военнослужащих. Среди способов коррекции негативных психоэмоциональных состояний [22] выделяется релаксация с сопутствующей десенсибилизацией, что может использоваться в работе как с отдельными военнослужащими, так и с целыми группами (подразделениями). Например, психолог объединяет несколько военнослужащих, которые боятся высоты или пребывания в изолированном помещении, вместо того

чтобы заниматься с каждым военнослужащим индивидуально. Десенсибилизация эффективна не только в случае фобий или неуверенного поведения, но и при других негативных переживаниях.

Кроме релаксации психолог задействует другие ингибиторы (несовместимые реакции) тревоги: юмор, повышение чувства безопасности и поддержки, переживание успеха.

В целом десенсибилизация разбивается на три этапа, когда страх, тревога нивелируются за счет связи со стимулами, антагонистичными им, например, релаксацией.

На первом этапе проводится диагностика ситуаций, вызывающих трудности, с обозначением наиболее фрустрирующих, с ранжированием по значимости для индивида. На втором этапе происходит обучение релаксации, ее алгоритму и правилам ее самостоятельного использования. На третьем этапе у военнослужащего, находящегося в состоянии глубокой релаксации, вызываются представления о ситуациях, порождающих у него негативные состояния, и постепенно снижается сила отрицательных состояний.

Десенсибилизация в обычной жизни у личности включает только два этапа: осознание ситуаций, вызывающих негативные психоэмоциональные состояния, и собственно десенсибилизацию через опыт, тренировку в реальных ситуациях (многократное повторение их в жизни при поддержке специалиста-психолога), когда индивид учится относиться к ним спокойно. У военнослужащих иной порядок десенсибилизации в силу того, что много времени они проводят на службе, а внешние контакты ограничены, особенно в закрытых гарнизонах.

Метод «наводнения», или импловзивная терапия, считается одним из опасных методов, так как демонстрация стимулов, вызывающих отрицательные психоэмоциональные состояния, может повлечь сильную негативную реакцию. Этот метод должен применяться только опытными специалистами, он заключается во внезапном предъявлении военнослужащему сцен, вызывающих у него чрезвычайно сильную тревогу.

На первом этапе также составляется перечень стрессорирующих ситуаций и стимулов, производится их ранжирование. На втором этапе происходит тренировка устойчивости к ним за счет работы воображения и выражения своих сопутствующих эмоций. В психологически спокойной обстановке, где не чувствуется угроз, военнослужащий вызывает у себя крайне негативные воспоминания, иногда даже ставшие кошмарами. Поддержка извне, спокойствие психолога-терапевта, других сослуживцев постепенно способствуют тому, что сила негативного переживания снижается, нивелируется. Обычно один военнослужащий способен побороть эмоциональный заряд негативных воспоминаний в течение 10–60 минут.

В более сложных случаях временно переходят на другой метод работы (например, рациональный разбор ситуации и ее предпосылок), а затем возвращаются к импозитивной терапии, когда понятно, что ситуация уже потеряла свою остроту, стала осознаваться как прошлое, а значит, уже не угрожающее.

В целом десенсибилизация используется чаще, чем «наводнение», поскольку является менее стрессовым методом и не требует очень высокой квалификации консультанта.

В индивидуальном порядке применяются методы, соответствующие личностным особенностям военнослужащих.

Опытно-экспериментальная работа по коррекции психоэмоционального состояния военнослужащих. После проведенных мероприятий по коррекции психоэмоционального состояния военнослужащих налицо повышение показателей по всем информативным шкалам, что свидетельствует об улучшении психоэмоционального состояния. Так, по шкалам «активное — пассивное отношение к жизненной ситуации», «спокойствие — тревога», «эмоциональная устойчивость», «удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью в целом» повысилось среднее больше чем на единицу, а по шкале «работоспособность: высокая — низкая» — на единицу. Атипичность ответов снизилась более чем в два раза, откуда следует, что ответов, говорящих о серьезных отклонениях от среднegrупповых, стало намного меньше.

Для того чтобы определить различия результатов на первом и втором этапах исследования, был применен кластерный анализ. По методу кластеризации К-средних было получено три кластера на обоих этапах с лучшими, худшими и промежуточными (средними) результатами.

Первый кластер включает военнослужащих с хорошим психоэмоциональным состоянием, у них низкая атипичность ответов, позволяющая судить об осознанности и согласованности их оценок.

Второй кластер объединяет военнослужащих с промежуточными (средними) показателями психоэмоционального состояния.

В третий кластер вошли военнослужащие с недостаточной активностью, невысоким уровнем эмоционального фона, пониженной работоспособностью (в среднем это 2,59) и т. д. Их количество составило 17 человек (28,3%), в наибольшей степени нуждающихся в коррекции психоэмоционального состояния в период адаптации к воинской службе (табл. 1).

При этом менее половины обследуемых (43,4%) обладают достаточно высокими (позитивными) результатами по диагностике психоэмоционального состояния, им не требуется коррекция, тем не менее психологическое воздействие осуществляется с целью закрепить их морально-психологическую устойчивость, поддерживать их благоприятный психологический статус.

Таблица 1. Результаты кластерного анализа на первом этапе эмпирического исследования (Table 1. Results of cluster analysis at the first stage of empirical research)

Шкалы методик	Кластер		
	1	2	3
С — самочувствие	0,27	0,71	0,41
А — активность	0,31	0,24	0,41
Н — настроение	0,08	0,59	0,35
Ак — активное — пассивное отношение к жизненной ситуации	0,46	0,47	0,47
Рб — работоспособность: высокая — низкая	0,15	0,06	0,59
Сп — спокойствие — тревога	0,31	0,82	0,76
Эу — эмоциональная устойчивость	0,04	0,59	0,88
Уж — удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью в целом	0,27	0,06	0,94
Сж — социальная желательность	0,35	0,47	0,35
Ат — атипичность ответов	0,23	0,65	0,59

В процентном соотношении мы представим результаты визуально на рис. 2.

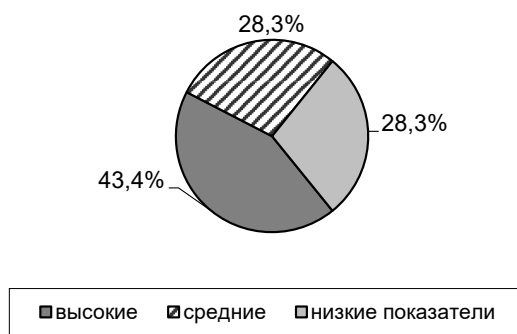

Рис. 2. Распределение военнослужащих по кластерам до психологической коррекции (Fig. 2. Distribution of military personnel into clusters before psychological correction)

На втором этапе согласно результатам кластерного анализа число военнослужащих в каждом кластере, основанное на количественных данных, изменилось (рис. 3).

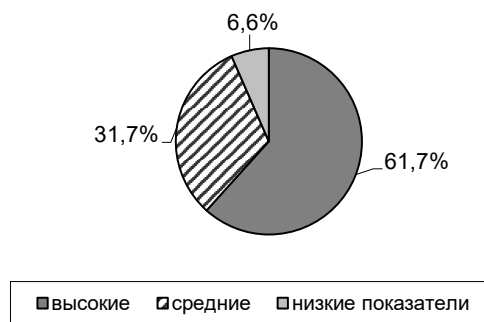

Рис. 3. Распределение военнослужащих по кластерам после психологической коррекции (Fig. 3. Distribution of military personnel into clusters after psychological correction)

Так, доля военнослужащих с позитивными результатами по диагностике психоэмоционального состояния стала доминирующей — 61,7%, доля военнослужащих со средними показателями составила 31,7%, и лишь 6,6% военнослужащих продемонстрировали по-прежнему недостаточно хорошее психоэмоциональное состояние.

Более подробно результаты второго этапа тестирования представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты кластерного анализа на втором этапе эмпирического исследования
(Table 2. Results of cluster analysis at the second stage of empirical research)

Шкалы методик	Кластер		
	1	2	3
С2 — самочувствие	0,84	0,05	0,75
А2 — активность	0,35	0,05	0,75
Н2 — настроение	0,03	0,37	0,75
Ак2 — активное — пассивное отношение к жизненной ситуации	0,41	0,00	0,00
Р62 — работоспособность: высокая — низкая	0,65	0,58	0,00
Сп2 — спокойствие — тревога	0,41	0,89	0,00
Эу2 — эмоциональная устойчивость	0,97	0,89	0,00
Уж2 — удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью в целом	0,49	0,58	0,50
Сж2 — социальная желательность	0,38	0,58	0,75
Ат2 — атипичность ответов	0,16	0,74	0,00
Количество испытуемых	7	9	4

В первом кластере у военнослужащих благополучные показатели отмечены по всем шкалам. Второй кластер содержит военнослужащих с достаточно высокими показателями по методике САН. В то время как по методике ДПС по четырем шкалам («работоспособность», «спокойствие — тревога», «эмоциональная устойчивость», «удовлетворенность — неудовлетворенность жизнью в целом») наименьшие показатели по всей выборке. Это говорит о необходимости дополнительной психологической работы для нормализации психологического статуса данных военнослужащих. Иными словами, воздействие, которое было оказано, принесло положительный эффект, но требуется продолжить работу, чтобы закрепить результаты.

В третий кластер вошли четверо военнослужащих, у которых по-прежнему низкие результаты по методике САН по всем трем шкалам «самочувствие», «активность», «настроение» (ниже четырех стенов). Вместе с тем и у них намечается положительная тенденция, так как по второй методике (ДПС) результаты диагностики по некоторым шкалам даже выше в среднем, чем в первом кластере. Однако шкала «социальная желательность» говорит о том, что данные военнослужащие немного завышают свои показатели психоэмоционального состояния, возможно, поняв, что путем

настроения на нужное состояние они способны улучшить его, в частности, повысить свою работоспособность, удовлетворенность жизнью в целом, стать спокойными и эмоционально устойчивыми.

С помощью корреляционного анализа по Спирмену были определены показатели, которые связаны между собой, т. е. повышение одних вызовет повышение других в случае значимой положительной корреляционной связи, и, напротив, понижение — в случае отрицательной корреляционной связи.

Практически все показатели по методикам взаимосвязаны между собой на значимом уровне. Исключение составляет шкала «эмоциональная желательность», по которой результаты чаще не коррелируют с основными шкалами методики ДПС. Выделяется на общем фоне и шкала «атипичность ответов», значимо отрицательно коррелирующая со шкалами методик ДПС и САН. Это позволяет заключить, что военнослужащие на этапе адаптации с высокими результатами по диагностике психоэмоционального состояния склонны несколько завышать свои показатели и их результаты отличаются от среднестатистических.

По методике САН корреляции между шкалами составили от $r=0,684$ (между самочувствием и настроением) до $r=0,828$ (между активностью и настроением), коэффициент корреляции значим при $p=0,01$.

По методике ДПС положительно значимо коррелируют показатели практически всех информативных шкалы. Коэффициент корреляции колеблется от $r=0,417$ при $p=0,01$ («спокойствие — тревога» и «активное — пассивное отношение к жизненной ситуации») до $r=0,825$ при $p=0,01$ («работоспособность — эмоциональная устойчивость»).

Исключение составляет шкала «эмоциональная желательность», которая коррелирует не со всеми основными шкалами методики ДПС, не связана с активным — пассивным отношением к жизненной ситуации. Выделяется на общем фоне и шкала «атипичность ответов», значимо отрицательно коррелирующая со шкалами методики ДПС и методики САН.

На основании этого можно сделать вывод, что военнослужащие на этапе адаптации с высокими результатами по диагностике психоэмоционального состояния склонны несколько завышать свои показатели и их результаты отличаются от среднестатистических.

Следует обратить внимание, что большинство коэффициентов корреляции значимо при $p=0,01$, т. е. при самом высоком уровне значимости.

Корреляция между всеми информативными шкалами свидетельствует о близости показателей — они измеряют свойства, которые взаимосвязаны, а значимые корреляционные связи между шкалами демонстрируют, что, изменяя одно свойство (его выраженность), мы можем ожидать изменения и другого в аналогичную сторону. Различия в психоэмоциональ-

ном состоянии, наряду с личностными особенностями индивида, детерминируют стратегии поведения при адаптации к стрессу [23]. Так как в настоящее время изменяются требования к профессии военнослужащих, появляются новые специальности, подверженные психоэмоциональному стрессу, нуждающиеся в дополнительном внимании психологов, то и процесс адаптации и текущих изменений, в том числе связанных с профессиональной деформацией, требует новых исследований как узкой, так и широкомасштабной тематики. Развитие психоэмоциональной устойчивости способствует в дальнейшем избежать психологических травм, а также снизить риск различного рода психических расстройств, способных развиться в результате психотравм [24].

Выводы

1. Психоэмоциональные состояния изменчивы, будучи динамичным явлением, при этом они менее постоянны, чем свойства личности, но более устойчивы, чем психические процессы. Психоэмоциональное состояние личности характеризует успешность процесса адаптации, в том числе у военнослужащих. Методики САН и ДПС, измеряющие психоэмоциональное состояние военнослужащих, следует применять через небольшие интервалы времени, что делает их удобным и оперативным средством оценки хода адаптации у военнослужащих.

2. Практически все показатели по методикам взаимосвязаны между собой на значимом уровне. По мето-

дике САН корреляции между шкалами «самочувствие», «активность», «настроение» составили от $r=0,684$ до $r=0,828$, коэффициент корреляции значим при $p=0,01$. По методике ДПС положительная значимая корреляционная связь отмечается в отношении показателей всех информативных шкал. Коэффициент корреляции колеблется от $r=0,417$ до $r=0,825$ при $p=0,01$. Существует несколько инструментов для оценки психоэмоционального состояния. Кроме тестового метода, сюда можно отнести наблюдение, экспертную оценку, беседу.

3. Показатели испытуемых военнослужащих до и после проведения психокоррекционной и психологической работы значительно улучшились, причем относительно равномерно, изменения планомерны, наибольшие из них затронули самочувствие. Это проявляется в изменении численности кластеров с высокими, средними и низкими показателями. Психоэмоциональное состояние военнослужащих на этапе адаптации нуждается и поддается коррекции, улучшению, что способствует не только оптимизации психологического статуса, но и росту самой адаптивности как свойства личности, развитию процесса адаптации в благоприятном русле.

Перспективы. Существуют и другие показатели адаптации личности военнослужащего, подлежащие оценке, требуется выделение всех детерминант процесса адаптации военнослужащих в целях оптимизации их психологического состояния и эффективности деятельности, повышения жизнеспособности.

Список источников

1. Дикая Л. Г., Журавлев А. Л., Занковский А. Н. Современное состояние и перспективы исследований адаптации и реализации профессионала в условиях непрерывных социально-экономических изменений // Институт психологии Российской академии наук. 2016. Т. 1, № 1. С. 7–48.
2. Забегалина С. В. Прогностические и адаптационные способности как детерминанты жизнеспособности человека // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М., 2016. С. 356–373.
3. Лукашенко Д. В. Адаптивный потенциал как способность личности // Человеческий капитал. 2015. № 10(82). С. 88–90.
4. Мецзяков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб., 2003. 632 с.
5. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 2012. 464 с.
6. Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика. М., 2002. 607 с.
7. Додонов Б. И. В мире эмоций. М., 1987. 140 с.
8. Ильин Е. П. Психология воли. СПб., 2009. 368 с.
9. Айзенк Г. Структура личности. СПб., 1999. 464 с.
10. Социальный капитал личности : монография / Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкий, Л. В. Марарица, Т. В. Казанцева. М., 2014. 250 с.
11. Нартова-Бочавер С. К., Потапова А. В. Введение в психологию развития : учеб. пособие. М., 2005. 216 с.
12. Султанмуратов Ю. М., Овчинников А. А., Султанова А. Н., Сычева Т. Ю. Индивидуально-психологические особенности военнослужащих, влияющие на успешность адаптации // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2017. № 3(96). С. 50–56.
13. Тюрин А. А. Психофизиологические механизмы адаптации и дезадаптации военнослужащих // МНКО. 2015. № 6–1. С. 208–214.
14. Караяни А. Г., Караваяев А. Ф. Психологические и психофизиологические особенности деятельности операторов боевых беспилотных летательных аппаратов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 1(84). С. 6–15. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2021-11001>.
15. Теплов В. М. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961. 535 с.
16. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб., 2006. 479 с.
17. Hobfoll S. E. Social and psychological resources and adaptation. *Review of General Psychology*. 2002. Vol. 6(4). Pp. 307–324.
18. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация. М., 2010. 368 с.

19. Махнач А. В. Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 4. С. 5–16.
20. Xiaowei G., Feng Z. The Impact Bias in Affective Forecasting: Focalism or Unforeseen Adaptation? *Journal of Psychological Science*. 2015.-05- en.cnki.com.cn.
21. Ярошук Д. В. Психологические особенности представлений военнослужащих об эмоциональной устойчивости личности в экстремальных ситуациях // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2017. № 8. С. 219–230.
22. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика. Справочник практического психолога. М., 2005. 992 с.
23. Човдырова Г. С., Пяткина О. А. Копинг-стратегии личности при адаптации к стрессу // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 1(84). С. 41–47. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2021-11005>.
24. Levy-Gigi E., Bonanno G. A., Shapiro A. R., Richter-Levin G., Kéri S., Sheppes G. Emotion regulatory flexibility sheds light on the elusive relationship between repeated traumatic exposure and posttraumatic stress disorder symptoms. *Clinical Psychological Science*. 2016. No 4(1). Pp. 28–39. <https://doi.org/10.1177/2167702615577783>.

Поступила 30.08.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята в печать 30.11.2021.

References

1. Dikaya L. G., Zhuravlev A. L., Zankovsky A. N. Current state and prospects of research on adaptation and implementation of a professional in the conditions of continuous socio-economic changes. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 1, No. 1. Pp. 7–48. (In Russ.)
2. Zabegalina S. V. Prognostic and adaptive abilities as determinants of human viability. Human viability: individual, professional and social aspects. Ed. by Makhnach A. V., Dikaya L. G. Moscow, 2016. Pp. 356–373. (In Russ.)
3. Lukashenko D. V. Adaptive potential as the ability of personality. *Human Capital*. 2015. No. 10(82). Pp. 88–90. (In Russ.)
4. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. Great Psychological Dictionary. St. Petersburg, 2003. 632 p. (In Russ.)
5. Izard K. E. Psychology of emotions. St. Petersburg, 2012. 464 p. (In Russ.)
6. Stolyarenko A. M. Extreme psychopedagogy. Moscow, 2002. 607 p. (In Russ.)
7. Dodonov B. I. In the world of emotions. Moscow, 1987. 140 p. (In Russ.)
8. Ilyin E. P. Psychology of volition. St. Petersburg, 2009. 368 p. (In Russ.)
9. Eysenck H. Structure of personality. St. Petersburg, 1999. 464 p. (In Russ.)
10. Social capital of personality. Pochebut L. G., Svetsitsky A. L., Mararitsa L. V., Kazantseva T. V. Moscow, 2014. 250 p. (In Russ.)
11. Nartova-Bochaver S. K., Potapova A. V. Introduction to developmental psychology. Moscow, 2005. 216 p. (In Russ.)
12. Sultanmuratov Yu. M., Ovchinnikov A. A., Sultanova A. N., Sycheva T. Yu. Individual psychological features of military servicemen affecting the success of adaptation. *Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology*. 2017. No. 3(96). Pp. 50–56. (In Russ.)
13. Tyurin A. A. Psychophysiological mechanisms of adaptation and disadaptation of military personnel. *The world of Science, Culture and Education*. 2015. No. 6–1. Pp. 208–214. (In Russ.)
14. Karayani A. G., Karavaev A. F. Psychological and Psychophysiological Features of Unmanned Combat Aircrafts Operators' Activity. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2021. Vol. 26, No. 1(84). Pp. 6–15. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2021-11001>. (In Russ.)
15. Teplov V. M. Problems of individual differences. Moscow, 1961. 535 p. (In Russ.)
16. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice. St. Petersburg, 2006. 479 p. (In Russ.)
17. Hobfoll S. E. Social and psychological resources and adaptation. *Review of General Psychology*. 2002. Vol. 6(4). Pp. 307–324.
18. Nalchajyan A. A. Psychological adaptation. Moscow, 2010. 368 p. (In Russ.)
19. Makhnach A. V. Viability of a person as a subject of study in psychological science. *Psychological Journal*. 2017. Vol. 38. No. 4. Pp. 5–16. (In Russ.)
20. Xiaowei G., Feng Z. The Impact Bias in Affective Forecasting: Focalism or Unforeseen Adaptation? *Journal of Psychological Science*. 2015.-05- en.cnki.com.cn.
21. Yaroshuk D. V. Psychological features of the ideas of military servicemen about the emotional stability of the individual in extreme situations. *Family and Personality: problems of interaction*. 2017. No. 8. Pp. 219–230. (In Russ.)
22. Malkina-Pykh I. G. Psychosomatics. Reference book of practical psychologist. Moscow, 2005. 992 p. (In Russ.)
23. Chovdyrova G. S., Pyatkina O. A. Coping Strategies of an Individual when Adapting to Stress. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2021. Vol. 26, No. 1(84). Pp. 41–47. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2021-11005>. (In Russ.)
24. Levy-Gigi E., Bonanno G. A., Shapiro A. R., Richter-Levin G., Kéri S., Sheppes G. Emotion regulatory flexibility sheds light on the elusive relationship between repeated traumatic exposure and posttraumatic stress disorder symptoms. *Clinical Psychological Science*. 2016. No. 4(1). Pp. 28–39. <https://doi.org/10.1177/2167702615577783>.

Submitted: 30.08.2021; approved after reviewing: 25.09.2021; accepted for publication: 30.11.2021.

Scientific and Practical Article

UDC 159.98+378.1+316.61 © R. R. Gasanova, N. N. Setyaeva, R. I. Khoteeva, M. R. Arpentieva, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-79-86

5.3.4 Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment

5.3.8 Correctional psychology and defectology

Socio-psychological and spiritual-moral problems of neurodidactics in inclusive practice

Renata R. Gasanova¹, Candidate of sciences (in Psychology); renata_g@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4641-0019>

Natalia N. Setyaeva², Candidate of Sciences (in Pedagogy), Associate-Professor, Associate-Professor, Department of Theory and Methods of Physical Education; nsetyaeva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0181-3647>

Raisa I. Khoteeva³, Candidate of sciences (in Psychology), associate-professor, associate-professor of the department of Social and Legal Psychology; khoteeva@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4580-7241>

Mariam R. Arpentieva⁴, Doctor habilitat of Psychology, Associate-Professor, freelance researcher; mariam_rav@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ Faculty of Pedagogical Education, M. V. Lomonosov Moscow State University, 1, bld. 52, Leninskie Gory, Moscow, GSP-1, 119991, Russia

² Surgut State Pedagogical University, 10/2, 50 years of the Komsomol str., Surgut, Khanty–Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Russia

³ K. E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, 22/48 Razin str., Kaluga, 248023, Russia

⁴ 2900, boul. Edouard-Montpetit, Montreal, Quebec, H3T 1J4, Canada

Abstract

Introduction. Relevance and research problem. Socio–psychological and spiritual–moral aspects of the application of neurotechnologies in modern education (“neuroeducation”) is one of the least studied areas. Neuroeducation is the application of neurological knowledge in the educational environment, as well as the development, application and correction of invasive (neurointerfaces) and non–invasive neuro(digital)technologies. Socio–psychological problems of the application of neurotechnologies in modern education are associated with the directed destruction of traditional educational relations, their transformation into a relationship mediated by neurointerfaces and other control devices for students, the removal of teachers and mentors from education, their replacement with artificial intelligence, which reproduces programs set by the creators and owners neurointerfaces and other neurotechnological devices and technologies. Therefore, socio–psychological problems are closely related to spiritual and moral problems: the creation of a posthuman means the destruction of a human, and this, in turn, means the destruction of humanity and, apparently, the rejection of all human attributes, including dignity, freedom etc. The aim of the research is to analyze the socio–psychological and spiritual–moral problems of neurodidactics in inclusive education. The practical significance of the research is associated with the assessment of the risks and benefits of neuroeducational technologies in inclusive education, the theoretical significance is associated with an attempt to integratively comprehend neurotechnologies in didactic interaction within the framework of the inclusive education system. The novelty of the research is connected with the combined analysis of the socio–psychological and spiritual–moral aspects of the application of neurotechnologies in didactic inclusive systems. **Materials, Results and Discussion.** In the modern world, the life and development of people with disabilities are no longer viewed as atypical, non–standard, exclusive precedents. They began to act as issues requiring solution of the ways of their socialization / education and training, support and development in the specific conditions of the life of children and adults with disabilities and special educational needs. Many changes are taking place thanks to the introduction of neurodigital technologies, which have potentially very great prospects in solving the problems of overcoming social isolation (exclusion and segregation) of people with disabilities. **Conclusions.** Prospects for neurodigital technologies in inclusive didactic interaction are associated with providing schoolchildren and students with disabilities with opportunities to correct existing disorders and developmental delays in order to build productive and effective relationships with other members of society. This allows people with disabilities to achieve not only self–realization, but also self–actualization. However, the use of neurodigital technologies is significantly limited and can cause significant harm if, in their development, use and improvement, the socio–psychological and spiritual–moral aspects of such “improvement” and correction are not taken into account, if the goal of training is not a person as a subject of culture, but a posthuman hybrid, a biorobot controlled from the outside using invasive and non–invasive devices / neurointerfaces.

Keywords: neuroeducation; neurodidactics; neurodigital technologies; artificial intelligence systems; neurodigital culture; transhumanism; developmental deformations; people with disabilities; inclusive education

Citation: Gasanova R. R., Setyaeva N. N., Khoteeva R. I., Arpentieva M. R. Socio-psychological and spiritual-moral problems of neurodidactics in inclusive practice. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 79–86. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-79-86>

Key points

1. The most pressing problems of inclusive education are problems of a socio-psychological and spiritual-moral plan: in the focus of inclusive relations are the problems of a person and human relations. Posthuman, as it is projected by transhumanism and promoted by neuropedagogy, is the denial of man, the destruction of humanity as a rejection of all human attributes, including dignity and freedom, as well as the erosion of the notions of normality and the deactualization of competencies that allow people with certain physical, psychological, social, and cultural characteristics and needs to live and develop, helping each other and ourselves.

2. Neurodidactics of our time is an area of research and development in the field of creation, application and correction of neurodigital technologies. The main innovative potential of neurodidactics is associated with the development, use and improvement of neurodigital devices of invasive (neurointerface) and non-invasive types. The capabilities of these technologies in modern education are significantly limited: these technologies are capable of causing significant harm to people with disabilities, education and society as a whole, since their design, implementation and management practically do not take into account the socio-psychological and spiritual-moral aspects offered to people with disabilities “improvements” and correction of their activities. The purpose of such didactics is not a fully functioning person (normotypical or a person with disabilities) as a subject of culture, but a posthuman hybrid – a biorobot controlled from the outside with the help of invasive and non-invasive devices.

3. The search for ways to help people with disabilities is located within several basic models: the model of compassion (charity), the model of isolation (segregation) and the model of socio-cultural expediency (inclusion and integration). Each model has its own limitations and possibilities, but the general logic of the movement reflects the desire of society to humanize relations. Within the framework of these models, digital and neurodigital technologies created and used to compensate for defects and deviations in development and functioning can significantly help people with disabilities and special educational needs, but can provide them with opportunities to feel themselves not just consumers of services and objects of training, education and social care, but also by subjects, bearers of duties, and not only rights.

4. Modern education around the world is collapsing and systematically collapsing, the use of spiritually-moral and socially-psychologically correct neurodigital technologies in inclusive education is more a question of the future than of the present: researchers record the “death” of schools and universities and the refusal of states and communities themselves from care about normo-typical people, not to mention caring for people with disabilities. State and non-state (volunteer) systems of social support

cannot compensate for these destructive processes, their functions as agents of society and agents of the state are in conflict with each other and the interests of corporations that destroy the existing education system in favor of the ideas of supervisory capitalism.

5. Technological saturation of inclusive education with neurodigital technologies requires an understanding of the leading risks and main opportunities for inclusion, an understanding of how diverse and often certain neurotechnologies can be applied in an inclusive environment.

Introduction

Relevance, significance and essence of the problem. Socio-psychological and spiritual-moral aspects of the application of neurotechnologies (“neurodidactics”) in modern inclusive education is one of the least studied areas. This area can be designated as inclusive neuroeducation: the use of neurological knowledge and skills, technologies and devices in an inclusive educational environment, including the development, application and correction of invasive (neurointerfaces) and non-invasive (other) neurotechnologies.

Despite the rather large flow of works on the problems of neuropedagogy, the questions of its application in inclusive practice are practically not raised [1–6]. Very little attention is paid to the problems of introducing neurodigital technologies [7–12], including in the context of supporting independence and other aspects of educational and professional activity of educational subjects [13–15]. The advantage of the available works is attempts to systematize the possibilities and limitations of neurodigital technologies [16–19], including analyzing the psychological and ethical aspects of their application in general, special and inclusive education.

Socio-psychological problems of the application of neurotechnologies (or, more precisely, neurodigital technologies) in modern inclusive education arise in connection with the directed destruction of traditional educational relations, their transformation into a relationship mediated by neurointerfaces and other devices for controlling students and students, withdrawal from education of teachers and mentors, their replacement by artificial intelligence that reproduces programs set by the creators and owners of neurointerfaces and other neurotechnological devices and technologies.

These problems of inclusive education are therefore closely related to spiritual and moral problems: the creation of a posthuman means the destruction of a person, and this, in turn, means the destruction of humanity as a rejection of all human attributes, including dignity, freedom, honor, etc. means the erosion of the concepts of the normality of development and functioning and the de-actualization of competencies that allow people with certain physical, psychological, social, cultural characteristics and needs to live and develop, helping each other and themselves.

The aim of the research is to analyze the socio-psychological and spiritual-moral problems of neurodidactics in inclusive education.

The practical significance of the research is associated with the assessment of the risks and benefits of neuroeducational technologies in inclusive education.

The theoretical significance is associated with an attempt to integratively comprehend neurotechnologies in didactic interaction within the framework of the inclusive education system.

The novelty of the research is connected with the combined analysis of the socio-psychological and spiritual-moral aspects of the application of neurotechnologies in didactic inclusive systems.

Materials, Results and Discussion

In the modern world, the life and development of people with disabilities have ceased to be considered as atypical, non-standard, exclusive precedents, they began to act as issues requiring solution regarding the ways of their socialization / education and training, support and development in specific living conditions of children and adults with disabilities (special health features, SHF and special educational needs, SEN). Many changes have occurred due to the widespread introduction of digital technologies, which have potentially very great prospects in solving the problems of overcoming social isolation (exclusion and segregation) of people with disabilities, SHF and SEN, providing them with opportunities and channels for building social relations with other members of society, individuals, groups and organizations, allowing to achieve not only self-realization, but also self-actualization.

On the way to solving these issues, models, with their capabilities and prospects and with their threats and risks for educational subjects with disabilities and the community: scientists distinguish, in particular, a model of compassion (charity), a model of isolation (segregation) and a model of socio-cultural expediency (inclusion and integration) [20–23].

Compassion as a model for helping people with disabilities and problems of neurodigitalization of education. In itself, the model of compassion in relation to people with disabilities is a reflection of the principle of altruism in its pragmatic-utilitarian understanding. It is aimed at ensuring compassionate, humane treatment in the training and education of people with disabilities, regardless of the type of limitations and developmental characteristics of a person. Education is focused on teaching the simplest competencies, including service and working professions, which allow for the implementation of the tasks of social adaptation in the community. Good intentions from a socio-cultural point of view, however, face problems of political, economic and technological plans: there was no requirement to ensure equal / priority rights and opportunities for people with disabilities, and charity itself and its state funding guaranteed the most minimal

requests. Pedagogical technologies also developed in part and were not the subject of widespread discussion and implementation. In addition, the attitude towards people with disabilities often wore cruel, violent forms [24, p. 154].

Here serious spiritual and moral problems of this model are revealed. These problems are well known to any “charity”, any volunteers, patrons and charitable foundations: the person who is helped is instructed to be grateful and humble, to fulfill the will of the benefactor, including understanding what is good for the beneficent. If the beneficiary demonstrates a lack of understanding or disobedience, then benevolence ends: the right to choose his own path in life, to make and correct his own mistakes and to explore the world, is seen as interfering with the correct assessment of goodness. In addition, the philanthropist often does not bypass good creations and himself: as a rule, using charity as an excuse and a way of profit. At the same time, even in the presence of state support, including financial support, charitable people with disabilities usually do not observe a noticeable increase in the desire to obtain a professional education, social, psychological and economic independence. The “beneficiaries” respond to the philanthropists with a system of claims and expectations associated with rent and other manipulative attitudes (consumerism). The need to lead an independent lifestyle, be responsible and free, make your own choice and achieve your own goals, self-actualize, is not formed or developed within the framework of this model: compassion limits development by lowering the level of aspirations and limiting life prospects, the formation of learned helplessness, rental-consumer strategies ignoring vocational education as a social lift.

Digital and neurotechnologies are of little help here, although judging by the way some people with disabilities use them, many are trying to use digital technologies not only to expand and fill their own world with social connections, but also to try to contribute to the development of mutual understanding between people with disabilities and normotypical people. Along the way, however, they most often advocate the model of humanity and compassion, without going beyond the proposed model of compassion for the role of recipients of assistance and support.

Exclusive model of education and problems of neurodigitalization. Within the framework of the isolation model, correctional education is proposed: its implementation is faced with the opposition of the technological provision of education and upbringing and the socio-cultural and economic need to differentiate educational programs by types and levels of impairments has caused the need for significant financial costs for education, including in the boarding type of work with a child or an adult with SHF / SEN. In general, boarding schools successfully compensate for the existing health limitations and other capabilities of a person with

disabilities, using for this the work of qualified specialists and special educational technologies. At the same time, an educational institution in this situation performs not only an educational function, but also the function of social support for parents / family members of disabled people.

However, thanks to this system of assistance to people with disabilities, the growth in the number of students at universities is not too great: special (correctional) education is based on a differentiated approach, taking into account the potential of the student, including the creation of special, sparing conditions and requirements, aimed at acquiring social competencies, necessary for solving practice-oriented problems and ensuring the socialization of students, the formation of motivation for learning, and the subject requirements are blurred, as are the ideas that isolation (life in a closed micro-society in a state of overprotection) can only exacerbate the problems of such children, and not solve them. Segregation leads to the fact that graduates of correctional boarding schools for the most part are infantile / maladapted and need care, to which they were accustomed to boarding school conditions. There is also an important political contradiction: although special education ensures the realization of the right to education, it interferes with the implementation of other, civil rights of students and students with disabilities and educational institutions, creates barriers to professional and career growth, other autonomous activity (V. I. Lubovsky, T. A. Basilova, 2008; T. V. Furyaeva, 2017) [25; 26].

The spiritual and moral context of this model is also twofold: targeted assistance to people with specific disabilities is combined with their isolation from normotypical, "normal" people. At the same time, people with disabilities are perceived as inferior, not reaching that level of development. What the normotypical have achieved. At the same time, the question of what a person with or without disabilities is like as an entity, how he can find, actualize and realize himself as a human being, is often not worth it. The concept of "norm" and, especially, "standard", blurs the boundaries of understanding the rights and duties of a person in relation to himself and the world, the boundaries of understanding that the uniqueness or typicality of his life situation requires awareness and research, comprehension of the inner meaning and purpose.

In general, digital, including neurodigital, technologies can significantly help people with disabilities, SHF and SEN, since many of them are developed specifically to compensate for defects and deviations in development and functioning. However, by themselves, they do not solve the issue of providing a person with disabilities with the opportunity to feel not just a consumer of services and an object of training, education and care, but also a subject, a bearer of responsibilities, and not just rights. Neurointerfaces and other neurodigital technologies and prostheses using them cannot by themselves solve the

problems of upbringing and training a person: until it is realized, restored as a basic, the truth that a person is brought up and taught by another person, the introduction of digital technologies has limited opportunities [27–29; thirty]. However, in order to restore this truth, it is necessary to restore the value of the person himself / herself, his / her life, development, completely lost by the consumer society on the way to "sustainable development" and the "golden billion". In a world where even normotypical people are systematically assigned to the "dirty billion", caring for people with disabilities with their limitations, problems and suffering appears to be at least problematic.

Inclusive model of education and problems of neurodigitalization. So far, the third model is just beginning to approach the solution of this problem is inclusion. Inclusive education is focused on the feasibility and prospects for people with disabilities and for the community as a whole, paying attention to the issues of socialization of people with disabilities and their integration into society as equal, more or less fully functioning citizens. The task of integrating people with disabilities into the system of preschool, general secondary and higher education brings fundamental changes in the policy and technology of education.

However, there are still a lot of spiritual and moral problems with inclusion: one of the leading ones is associated with "forcing" normotypical people to live together with people with disabilities: despite the fact that the coexistence of very different people is a reality, the long-term practice of exclusion and segregation has led to the fact that the isolation of people with disabilities is perceived as a norm, and attempts to bring normotypical and non-normotypical people closer together is an attempt to encroach on the boundaries of existence and resources of normotypical people. People with disabilities and their families also sometimes perceive inclusion as an undesirable, coercive phenomenon that takes away from them those few preferences that special education with its functions of social support brought with it. In the works of G. Feuser, A. Zander, G. Raiser, U. Heberlin and O. Shpeck, S. V. Alekhina, M. R. Arpentieva, T. A. Basilova, V. I. Lubovsky, T. V. Furyaeva, etc. the importance of creating and developing an inclusive (educational) culture, technologies and environments of inclusion (I. N. Simaeva, A. O. Budarina, S. Sundkh, 2019; T. V. Furyaeva, 2017) is noted in order to compensate for the differences "starting" "positions on the way of realizing development goals [20; 26]. This can lead to a decrease in the level of psychological helplessness and in the formation of a stable professional orientation, the ability and readiness to be involved in industrial relations through developed social networks, etc.

Such educational opportunities become available, in addition to the development of general pedagogical

technologies, thanks to the development and implementation of neurodigital technologies (I. N. Simaeva, A. O. Budarina, S. Sundkh, 2019; U. Haeblerlin, 2017) [20; 31]. Now it is already beginning to become clear that it is necessary to introduce modules and blocks of disciplines and competencies for working with people with disabilities and in the field of inclusive education into integrative programs for the training of teachers and psychologists, other specialists in the system of inclusive education (A. O. Budarina, I. N. Simaeva, A. S. Chupris, E. V. Shakhtorina, 2018; A. O. Budarina, O. V. Parakhina, 2017) and, in particular, competence in the application and development of digital education technologies, including neuroeducation technologies, neurodigital technologies [32; 33].

However, inclusive education in itself requires significant costs for training specialists and for the development and implementation of its technologies, as well as work with families of people with disabilities, and the introduction of digital, neurotechnologies, can be an even more costly area of the activity, the readiness for which in modern communities and states are absent. So, at present, even the institution of tutoring remains in a state of unpreparedness, which is necessary for systemic socio-medical-psychological-pedagogical support of inclusion. The problems of assistance and prevention in situations of victimization and stigmatization of people with disabilities and their parents or guardians have not been resolved, in addition to psychological problems, there are problems of legal protection of people with disabilities, etc. (I. N. Simaeva, A. O. Budarina, S. Sundkh, 2019; L. Khadar, 2017) [20; 34].

The use of digital and, including neurotechnologies, therefore, is more a question of the future and a question of projects and plans than reality: at the present time, when secondary and higher education is curtailed almost all over the world and systematically collapses, when researchers fix the “death” of schools and universities It is overly optimistic to expect that significant resources will be devoted to mass preparation for life of people with disabilities.

In general, the socio-psychological and spiritual-moral aspects of the application of neurotechnologies (“neuroeducation”) in modern inclusive education are closely related. Harmonization of relations in inclusive education and its technological saturation, including neurotechnologies, require an understanding of the leading risks, difficulties and main opportunities, the “benefits” of inclusion, as well as an understanding of how diverse and often one or another neurodigital technologies can be used in an inclusive environment [35–37]. Thus, many researchers associate the prospects of neurotechnological developments for inclusive education with the creation,

application and improvement of invasive (neurointerfaces) neurotechnologies; however, non-invasive prosthetics, etc., can also play an important role here. [38–41]. One thing is important: the turn of attention of teachers, cybernetics, neuroscientists, psychologists to the socio-psychological and spiritual-moral problems of neurodigitalization, to work on the creation of neurodigital culture - the culture of development, application and improvement of neurodigital technologies in education and other spheres of human life in ways that are not destructive for a person as a subject of culture, supporting and helping him to improve and fully function as a person, partner, student and professional.

Conclusion

Socio-psychological problems of using neurodigital technologies in modern inclusive education are closely related to the spiritual and moral: it is important that education retains its status as a process and result of interaction between people as subjects of culture, so that mentoring relationships are harmoniously complemented by relations of parity, dialogical interaction, so that education targets students as well, and teachers on the development of their uniqueness, self-actualization and self-realization.

In inclusive education, the risks of removing teachers and mentors from educational processes and results, attempts to replace them with artificial intelligence are especially noticeable. These problems of inclusive education are therefore closely related to spiritual and moral problems: the creation of a posthuman and the “improvement” of a person as a competitor, and not a user of digital technologies, means the destruction of a person. The rejection of the attributes of the human, including dignity, freedom, honor, etc., the erosion of the notions of the normality of development and functioning, leads to de-actualization of competencies that allow a wide variety of people to live and develop, helping each other and themselves.

Research prospects. Further studies of this problem can be associated with the development of a “map” of socio-psychological and spiritual-moral problems of neurodigitalization in general, special and inclusive education, including in the context of the types of created and created neurodigital devices and the technologies behind them.

No less relevant and significant is the problem of developing and implementing recommendations and programs that make it possible to increase the readiness and ability of modern teachers to participate in the development, application and improvement of neurodigital technologies for education and related practices (psychological, medical, social support).

References

1. Trníková J. Innovative approaches to educational process. Ad Alta. *Journal of interdisciplinary research. Czech Republic, Hradec Králové: Akademické sdružení Magnanimita*. 2012. Vol. 2, No. 1. Pp. 62–64. URL: https://www.magnanimitas.cz/ADALTA/0201/papers/A_trnikova.pdf.
2. Vetulani J. Neurodidactics. Teaching and teaching friendship. Torun: Torun publ., 1993. 1–138 p. (In Poland).
3. Kirillova A. I. Neuropedagogical approach to teaching foreign languages. Humanitarian readings “Sevastopol Harbor”. Materials of the scientific and practical conference. Sevastopol, 2019. Pp. 95–98. (In Russ.)
4. Malsagova M. Kh., Alekseeva A. A., Mestoeva E. A. Some aspects of students’ neurodidactics. *World of science, culture, education*. 2020. No. 4(83). Pp. 261–262. (In Russ.)
5. Arpentieva M. R., Kassymova G. K., Lavrinenko S. V., Tyumaseva Z. I., Valeeva G. V., Kenzhaliev O. B., Duvalina O. N., Kosov A. V. Ecological education in the global and supplementary education system. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 3(379). Pp. 158–168.
6. Gulyaeva I. V. Neurodidactic foundations of dialogical pedagogical interaction. Actual problems of pedagogy and education: collected articles. International scientific-practical conference “Actual problems of pedagogy and education” (Bryansk, October 25–26, 2018). Bryansk, 2018. Pp. 113–119. (In Russ.)
7. Devletov R. R. Neurodidactics and teaching of language disciplines in a pedagogical university. Intercultural communications. Theses of the international scientific conference (Simferopol, April 06, 2017). Simferopol, 2017. Pp. 59–60. (In Russ.)
8. Dzyatkovskaya E. N. Neurodidactics: myths and reality. Methodological guidelines for the development of modern scientific and didactic thought. Collection of scientific papers of the All-Russian network scientific conference (Moscow, November 21–29, 2018). Moscow, 2018. Pp. 78–88. (In Russ.)
9. Podlinyaev O. L., Mornov K. A. Fundamentals of neuropedagogy. *Proceedings of the Bratsk State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2015. Vol. 1. Pp. 186–191. (In Russ.)
10. Ruff G. V. Fundamentals of neurodidactics in the development of creative abilities of cadets of military institutes. *International Academic Bulletin*. 2019. No. 9(41). Pp. 14–16. (In Russ.)
11. Sirotyuk A. L. Neuropsychological and psychophysiological support of training. Moscow, 2003. 282 p. (In Russ.)
12. Solovieva O. V. Psychological and pedagogical analysis of the use of neurodidactics in teaching adults. *Humanization of education*. 2018. Vol. 4. Pp. 102–108. (In Russ.)
13. Kasymova G. K., Valeva G. V., Setyaeva N. N., Flindt N., Arpentieva M. R. Socio-psychological problems of smart education. *Bulletin of Irkutsk State University. Series “Psychology”*. 2021. No. 2. Pp. 45–56. (In Russ.)
14. Arpentieva M. R., Retnawati H., Akhmetova T. A., Azman M. N. A., Kassymova G. K. Constructivist approach in pedagogical science. *Challenges of Science* 2021. Vol. IV. Pp. 12–17. <https://doi.org/10.31643/2021.02>.
15. Kassymova G. K., Stepanova G. A., Stepanova O. P., Menshikov P. V., Arpentieva M. R. and Merezchnikov A. P., Kunakovskaya L. A. Self-development management in educational globalization. *International Journal of Education and Information*. 2018. No. 12. Pp. 171–176.
16. Ivanov P. V. Neurodidactic aspect of the formation of information culture in adult learners. *Problems of modern pedagogical education*. 2019. No. 65–4. Pp. 162–165. (In Russ.)
17. Karpenko M. P., Davydov D. G., Chmykhova E. V., Kachalova L. M., Loginov V. V. Neurodidactics. Moscow, 2019. 282 p. (In Russ.)
18. Malsagova M. Kh., Malsagov A. A., Ivanov P. V. To the question of neurodidactic technologies. *World of science, culture, education*. 2021. No. 2(87). Pp. 64–66. (In Russ.)
19. Mashkina E. N., Samofalova E. V. Teaching a foreign language for students of technical specialties using the principles of neurodidactics: problem statement. *Bulletin of the Zaporiz'kiy National University. Philological sciences*. 2017. No 1. Pp. 153–160. (In Russ.)
20. Simaeva I. N., Budarina A. O., Sundkh S. State and attractiveness of inclusive and special education in Russia and the Baltic countries. *Baltic region*. 2019. Vol. 11, No. 1. Pp. 76–91. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-6> (In Russ.)
21. Bagadaeva O., Golubchikova M., Kamenskaya E., Arpentieva M. Ecological aspects of the education and resilience of preschool teachers. *E3SWeb of Conferences*. 2021. Vol. 138. Pp. 1–10.
22. Kassymova G. K., Yurkova M. G., Zhdanko T. A., Gerasimova J. R., Kravtsov A. Yu., Egorova J. V., Gasanova R. R., Larionova L. A., Arpentieva M. R. Personal self-development in the context of global education: the transformation of values and identity. *Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2019. Vol. 6, No. 382. Pp. 195–200.
23. Stepanova G., Demchuk A., Tashcheva A., Gridneva S., Yakovleva J., Zaichikov Ya., Arpentieva M. Inclusion as an environmental imperative of educational activity in university, secondary and preschool education. *E3SWeb of Conferences*. 2021. Vol. 138. Pp. 1–9.
24. Wang H. L. Should be included in the Mainstream Education Provision?: a critical analysis. *International Education Studies*. 2009. Vol. 2, No. 4. Pp. 154–160.
25. Lubovsky V. I., Basilova T. A. On the prospects of special psychology. *Cultural-historical psychology*. 2008. No. 3. Pp. 51–54. (In Russ.)
26. Furyaeva T. V. Pedagogy of inclusion abroad: theoretical and methodological discourse (review). *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 2017. Vol. 7, No. 6. Pp. 152–174. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1706.10>. (In Russ.)
27. Kostromina S. N. Introduction to neurodidactics. St. Petersburg, 2019. 182 p. (In Russ.)
28. Malsagov A. V., Lezina V. V. Adult neurodidactics: monograph. Pyatigorsk, 2017. 185 p. (In Russ.)
29. Malsagova M. Kh. Prerequisites for a neurodidactic paradigmatic shift in learning theory. *World of Science, Culture, Education*. 2020. Vol. 2(81). Pp. 264–266. (In Russ.)
30. Trinitatskaya O. G., Bocharov S. V., Zakharova L. G. Neurodidactics as a factor in adult learning. *Bulletin of North Caucasus Humanitarian Institute*. 2018. Vol. 1(25). Pp. 124–129. (In Russ.)
31. Haeblerlin U. Inklusive Bildung. Sozialromantische Traeme. In: M. Gercke, S. Opalinski, T. Thonagel (eds.). Inclusive education and social exclusion. Connections–contradictions–consequences. Wiesbaden, 2017. Pp. 87–99.
32. Budarina A. O., Simaeva I. N., Chupris A. S., Shakhtorina E. V. Readiness for mediation as the competence of bachelors in the humanities. *Samara Scientific Bulletin*. 2018. Vol. 7, No. 2(23). Pp. 224–229. (In Russ.)

33. Budarina A. O., Parakhina O. V. Diversification of an Educationalist: Redesigning Postgraduate Programmes in Response to Public Need. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. 2017. Vol. 29. Pp. 117–123. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/KazanFederalUniversityRussia> (accessed: 19.05.2020). <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.02.15>.
34. Khadar L. Access to Justice and the Right to Education for Children with Disabilities: a Report Exploring Barriers to Access to Justice. The Context of Inclusive Education. Ten European Countries. 2017. URL: <http://www.academia.edu/34262854> (accessed: 19.05.2018).
35. Alekseeva A. A. Neurodidactic foundations of academic education. Implementation of the competence-based approach in the system of professional education of a teacher. Collected materials of the 7th All-Russian scientific-practical conference (Evpatoria, April 23, 2020). Simferopol, 2020. Pp. 3–7. (In Russ.)
36. Gulaya T. M., Romanova S. A. Neurodidactics and its use in teaching foreign languages. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2017. No. 10–1(76). Pp. 196–198. (In Russ.)
37. Shirshov E. V. Didactics. E-learning. Neural network technologies. Modern development trends. *Distance and virtual learning*. 2013. Vol. 12(78). Pp. 5–18. (In Russ.)
38. Dubinsky J. M., Roehrig G., Varma S. Infusing neuroscience into teacher professional development. *Educational Researcher*. 2013. Vol. 42, No. 6. Pp. 318–320.
39. Jensen E. Brain-based learning. The new paradigm of teaching. Thousand Oaks. California, 2008. 266 p.
40. Malsagova M. Kh. Directions and trends in the development of neurodidactics. *American Scientific Journal*. 2020. No. 43–2(43). Pp. 9–11.
41. Spitzer M. Neuroeducation. How to Use the Potential of the Brain in the Learning Process. Slupsk, 2013. 245 p. (In Poland).

*Submitted: 08.11.2021; approved after reviewing: 25.11.2021; accepted for publication: 30.11.2021.
The authors' alleged contribution: all the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.*

Научно-теоретическая статья

УДК 159.98+378.1+316.61 © Р. Р. Гасанова, Н. Н. Сетьева, Р. И. Хотеева, М. Р. Арпентьева, 2022

doi: 10.24412/1999-6241-2022-188-79-86

5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

5.3.8 Коррекционная психология и дефектология

Социально-психологические и духовно-нравственные проблемы нейродидактики в практике инклюзии

Рената Рауфовна Гасанова¹, кандидат психологических наук, доцент; renata_g@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4641-0019>

Наталья Николаевна Сетьева², кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики физического воспитания; nsetyaeva@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0181-3647>

Раиса Ивановна Хотеева³, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и юридической психологии; khoteeva@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4580-7241>

Мариям Равильевна Арпентьева⁴, доктор психологических наук, доцент, фрилансер; mariam_ira@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3249-4941>

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 52, ГСП-1, Россия

² Сургутский государственный педагогический университет, 628417, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, Ханты-Мансийский АО – Югра, Россия

³ Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Разина, 22/48, Россия

⁴ 2900, Монреаль, Квебек, бульвар Эдуард-Монпети, НЗТ 1/4, Канада

Реферат

Введение. Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты применения нейротехнологий в инклюзивном, специальном и общем образовании («нейрообразование») — одна из наименее изученных областей современной педагогики и психологии. Нейрообразование — применение в образовательной среде нейробиологических знаний, а также разработка, применение и коррекция инвазивных (нейроинтерфейсов) и неинвазивных (иных) нейротехнологий. Социально-психологические проблемы применения нейротехнологий в современном образовании связаны с направленным разрушением традиционных образовательных отношений, их превращением в отношении опосредованного нейроинтерфейсами и иными устройствами управления учащимися и обучающимися, изъятия из образования педагогов и наставников, их замена искусственным интеллектом, репродуцирующим программы, задаваемые создателями и собственниками нейроинтерфейсов и иных нейротехнологических устройств и технологий. Социально-психологические проблемы поэтому тесно связаны с проблемами духовно-нравственными: создание постчеловека означает разрушение человека, а это, в свою очередь, и разрушение человечности и, по-видимому, отказ от всех атрибутов человеческого, включая достоинство, свободу и т. д. Цель исследования — анализ социально-психологических и духовно-нравственных проблем нейродидактики в инклюзивном образовании. Практическая значимость исследования связана с оценкой рисков и выгод нейрообразовательных технологий в инклюзивном образовании, теоретическая значимость обусловлена попыткой интегративного осмысления нейротехнологий в дидактическом взаимодействии в рамках системы инклюзивного образования. Новизна исследования состоит в совокупном анализе социально-психологических и духовно-нравственных аспектов применения нейротехнологий в дидактических инклюзивных системах.

Материалы, результаты и обсуждение. В современном мире жизнь и развитие людей с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) перестали рассматриваться как атипичские, нестандартные, эксклюзивные прецеденты. Они стали выступать как требующие решения вопросы путей их социализации / воспитания и обучения, поддержки и развития в конкретных условиях жизнедеятельности детей и взрослых с ограниченными возможностями здоровья и особыми образовательными потребностями (далее — ООП). Многие изменения происходят благодаря внедрению нейроцифровых технологий, имеющих потенциально весьма большие перспективы в решении задач преодоления социальной изоляции (эксклюзии и сегрегации) людей с ОВЗ. Однако применение нейроцифровых технологий существенно сужено и может нанести значительный вред в случае, если при их разработке, использовании и совершенствовании не будут учитываться социально-психологические и духовно-нравственные аспекты такого «улучшения» и коррекции. **Выводы.** Перспективы нейроцифровых технологий в дидактическом инклюзивном взаимодействии связаны с предоставлением школьникам и студентам с ОВЗ ресурсов коррекции имеющихся нарушений и отставаний в развитии для построения продуктивных и эффективных отношений с остальными членами социума. Такая коррекция и профилактика вторичных и третичных дефектов инвалидизации позволяет людям с ОВЗ достичь не только самореализации, но и самоактуализации. Вместе с тем применение нейроцифровых технологий существенно сужено и может нанести значительный вред, если целью обучения станет не человек как субъект культуры, а постчеловеческий гибрид, биоробот, управляемый извне при помощи инвазивных и неинвазивных устройств / нейроинтерфейсов.

Ключевые слова: нейрообразование; нейродидактика; нейроцифровые технологии; системы искусственного интеллекта; нейроцифровая культура; трансгуманизм; деформации развития; люди с ограниченными возможностями здоровья; инклюзивное образование

Для цитирования: *Гасанова Р. Р., Сетяева Н. Н., Хотеева Р. И., Арпентьева М. Р. Социально-психологические и духовно-нравственные проблемы нейродидактики в практике инклюзии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 79–86. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-1-88-79-86>*

Основные положения

1. Наиболее актуальные проблемы инклюзивно-образовательного образования носят социально-психологический и духовно-нравственный характер: в фокусе инклюзивных отношений находятся проблемы человека и человеческих отношений. Постчеловек, каким его проектирует трансгуманизм и продвигает нейропедагогика, есть отрицание человека, разрушение человечности как отказ от всех атрибутов человеческого, включая достоинство и свободу, а также размывание понятий нормальности и деактуализация компетенций, позволяющих людям с теми или иными физическими, психологическими, социальными, культурными особенностями и потребностями жить и развиваться, помогая друг другу и себе самим.

2. Нейродидактика современности — область исследований и разработок в сфере создания, применения и коррекции нейроцифровых технологий. Основной инновационный потенциал нейродидактики связан с разработкой, использованием и совершенствованием нейроцифровых устройств инвазивного (нейроинтерфейсных) и неинвазивного типов. Возможности данных технологий в современном образовании существенно ограничены: данные технологии способны нанести значительный вред людям с ОВЗ, образованию и обществу в целом, поскольку при их проектировании, внедрении и управлении ими практически не учитываются социально-психологические и духовно-нравственные аспекты предлагаемых людям с ОВЗ «улучшений» и коррекции их деятельности. Целью такой дидактики является не полноценно функционирующий человек (нормотипичный или человек с ОВЗ) как субъект культуры, а постчеловеческий гибрид — биоробот, управляемый извне при помощи инвазивных и неинвазивных устройств.

3. Поиск путей помощи людям с ОВЗ располагается в рамках нескольких основных моделей: модель состра-

дания (благотворительности), модель изоляции (сегрегации) и модель социально-культурной целесообразности (инклюзии и интеграции). Каждая модель имеет свои ограничения и возможности, но общая логика движения отражает стремление общества к гуманизации отношений. В рамках этих моделей цифровые и нейроцифровые технологии, создаваемые и применяемые в целях компенсации дефектов и отклонений в развитии и функционировании, могут существенно помочь людям с ОВЗ и ООП, но могут предоставить им возможности ощутить себя не просто потребителями услуг и объектами обучения, воспитания и социальной заботы, но и субъектами, носителями обязанностей, а не только прав.

4. Современное образование во всем мире сворачивается и планомерно коллапсирует, применение духовно-нравственно и социально-психологически корректных нейроцифровых технологий в инклюзивном образовании — скорее вопрос будущего, чем настоящего: исследователи фиксируют «смерть» школ и университетов и отказ государств и самих сообществ от заботы о нормотипичных людях, не говоря о заботе о людях с ОВЗ. Государственные и негосударственные (добровольческие) системы социальной поддержки не могут компенсировать эти разрушительные процессы, их функции агентов общества и агентов государства входят в противоречие друг с другом и интересами корпораций, разрушающих сложившуюся систему образования в угоду идеям надзорного капитализма.

5. Технологическое насыщение инклюзивного образования нейроцифровыми технологиями требует осмысления ведущих рисков и основных возможностей для инклюзии, понимания того, насколько разнопланово и часто могут применяться в инклюзивной среде те или иные нейротехнологии.

Теория и методика профессионального образования

Theory and methods of professional education

Научно-практическая статья

УДК 378 © В. В. Булгаков, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-87-94

5.8.7 Методология и технологии профессионального образования

Исследование мнения профессорско-преподавательского состава вуза МЧС по вопросам профессиональной деятельности

Владислав Васильевич Булгаков¹, кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника — начальник института профессиональной подготовки; vbulgakov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6012-6137>

¹ Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Иваново, 153040, пр. Строителей, 33, Россия

Реферат

Введение. Для эффективной организации образовательного процесса и его качественной реализации требуется постоянный мониторинг мнения профессорско-преподавательского состава по вопросам, связанным с условиями научно-образовательной и социально-трудовой деятельности. Исследование отношения профессорско-преподавательского состава к реализуемому образовательному процессу позволяет административно-управленческому персоналу вузов обоснованно принимать решения и разрабатывать мероприятия, направленные на улучшение условий профессионально-трудовой деятельности педагогов и условий обучения курсантов и студентов. **Материалы и методы.** Для решения поставленных задач, связанных с исследованием мнения профессорско-преподавательского состава по вопросам научно-образовательной и социально-трудовой деятельности в ведомственных вузах МЧС, проведен обзор литературных источников и сформированы материалы для анкетного опроса, который реализован в онлайн-формате. Материалы анкетирования обрабатывались с помощью методов математической статистики. Полученные результаты представлены в визуализированном формате посредством таблиц и диаграмм для удобства их восприятия и интерпретации. В анкетировании приняли участие более 70% преподавателей Ивановской пожарно-спасательной академии Государственной противопожарной службы МЧС России. Анкетный опрос включал четыре исследуемых области: оценку преподавателями распределения в бюджете рабочего времени основных направлений деятельности; представление профессионально значимых целей и оценку их приоритетности для преподавателей; представление организационных, психологических и профессиональных качеств педагога и оценку их значимости для преподавателей; представление мероприятий, направленных на совершенствование педагогического мастерства, и оценку их значимости для преподавателей. **Результаты и обсуждение.** В распределении бюджета рабочего времени педагогов наибольшую долю занимает организационно-методическая деятельность. Пятая часть бюджета рабочего времени приходится на контактную работу с обучающимися в форме консультаций и учебных занятий. Две трети преподавателей на подготовку к учебным занятиям затрачивают от 30 до 70% бюджета рабочего времени. Совершенствование учебно-методической работы относится к наиболее актуальным и приоритетным целям профессорско-преподавательского состава. Исследование организационно-личностных, психолого-личностных и профессионально-личностных качеств, необходимых преподавателю, позволило сформировать его идеальный образ, который включает открытость и коммуникабельность, уважительное отношение к коллегам и обучающимся, знание своего предмета и увлеченность им. К наиболее востребованным мероприятиям, направленным на повышение педагогического мастерства, профессорско-преподавательским составом отнесены переподготовка и повышение квалификации. **Выводы.** Результаты анкетирования дают возможность оценить условия научно-образовательной и социально-трудовой деятельности профессорско-преподавательского состава ведомственного вуза МЧС. Полученные данные и их анализ позволят повысить уровень образовательного процесса за счет разрабатываемых мероприятий, направленных на совершенствование организации и содержания учебного процесса, системы подбора научно-педагогических кадров и профессиональной подготовки преподавателей.

Ключевые слова: ведомственный вуз МЧС; научно-образовательная деятельность; социально-трудовая деятельность; анкетирование

Для цитирования: Булгаков В. В. Исследование мнения профессорско-преподавательского состава вуза МЧС по вопросам профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 87–94. <https://orcid.org/10.24412/1999-6241-2022-188-87-94>

Scientific and Practical Article

UDC 378 © V. V. Bulgakov, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-87-94

5.8.7 Methodology and Technology of Professional Education

Research of the Opinion of the Teaching Staff of the University of the Ministry of Emergency Situations on Professional Activities

Vladislav V. Bulgakov¹, Candidate of Technical Sciences, Associate-Professor, Deputy-Chief, Chief of the Institute of Professional Training; vbulgakov@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6012-6137>

¹ the Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 33 Stroiteley pr., Ivanovo, 153040, Russia

Abstract

Introduction. For the effective organization of the educational process and its high-quality implementation, it is necessary to constantly monitor the opinion of the teaching staff on issues related to the conditions of scientific, educational and social and labor activities. The study of the attitude of the teaching staff to the implemented educational process enables the administrative and management staff of higher education institutions to make reasonable decisions and develop measures aimed at improving the conditions of professional and labor activity of teachers and the conditions for cadets' and students' training. **Materials and Methods.** To solve the tasks related to the study of the opinion of the teaching staff on the issues of scientific, educational and social and labor activities in the departmental universities of the Ministry of Emergency Situations, a review of literature sources was conducted and materials were filed for conducting a questionnaire survey, which is implemented in an online format. The survey materials were processed using the methods of mathematical statistics. The results obtained are presented in a visualized format by means of diagrams for the convenience of their perception and interpretation. More than 70% of the teachers of the Ivanovo Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the EMERCOM of Russia took part in the survey. The questionnaire included four research areas: teachers' assessment of the distribution of working hours in the budget of the main areas of activity; presentation of professionally significant goals and assessment of their priority for teachers; presentation of organizational, psychological and professional qualities of a teacher and assessment of their significance for teachers; presentation of activities aimed at improving pedagogical skills and assessment of their significance for teachers. **Results and Discussion.** In the distribution of the working time of teachers, the largest part is for organizational and methodological activities. The fifth part of the working time is spent on contact work with trainees, in the form of consultations and lessons. Two-thirds of teachers spend between 30% and 70% of their working time on preparation for the lessons. Improvement of educational and methodological work is one of the most relevant and priority goals of the teaching staff. The study of the necessary organizational-personal, psychological-personal and professional-personal qualities necessary for a teacher made it possible to form his ideal image, which includes openness and sociability, respect for the colleagues and students, knowledge of the subject and passion for it. The teaching staff identifies retraining and advanced training among the most popular activities aimed at improving pedagogical skills. **Conclusions.** The results of the survey enable the author to assess the conditions of scientific, educational and social and labor activity of the teaching staff of the departmental university of the Ministry of Emergency Situations. The obtained data and its analysis will increase the level of the educational process due to the developed measures aimed at improving the organization and content of the educational process, the system of selection of scientific and pedagogical personnel and professional training of teachers.

Keywords: departmental university of the Ministry of Emergency Situations; scientific and educational activity; social and labor activity; survey

Citation: Bulgakov V. V. Research of the Opinion of the Teaching Staff of the University of the Ministry of Emergency Situations on Professional Activities. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 87–94 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-87-94>

Основные положения

1. Анкетирование профессорско-преподавательского состава по вопросам образовательной деятельности играет важную роль для принятия административно-управленческим аппаратом обоснованных решений и разработки мероприятий, направленных на повышение эффективности организации учебного процесса.

2. Определены следующие аспекты исследования: оценка преподавателями распределения в бюджете рабочего времени основных направлений деятельности; представление профессионально значимых целей и оценка их приоритетности для преподавателей; представление организационных, психологиче-

ских и профессиональных качеств педагога и оценка их значимости для преподавателей; представление мероприятий, нацеленных на совершенствование педагогического мастерства, и оценка их значимости для преподавателей.

3. В бюджете рабочего времени профессорско-преподавательского состава, включающего учебно-методическую и научно-исследовательскую, редакционно-издательскую и контактную работу с обучающимися, наибольшую долю составляет учебно-методическая и наименьшую — редакционно-издательская.

4. Наиболее значимыми профессиональными целями для профессорско-преподавательского состава

являются повышение уровня учебно-методической работы, создание и применение новых методик обучения, подготовка учебных пособий и учебников.

5. По мнению профессорско-преподавательского состава академии, к наиболее значимым организационно-личностным качествам педагога относятся открытость и стремление к взаимопониманию с обучающимися. Уважительное отношение к коллегам и обучающимся является наиболее ценным психолого-личностным качеством, а наиболее важным профессионально-личностным качеством преподавателя — знание своего предмета и увлеченность им.

6. Наиболее востребованными мероприятиями, направленными на совершенствование профессионального мастерства педагогов, по мнению профессорско-преподавательского состава академии, выступают переподготовка и повышение квалификации в области образовательной деятельности и консультирование у наиболее опытных педагогов.

7. Результаты анкетного опроса профессорско-преподавательского состава по вопросам образовательной деятельности представляются ценным ресурсом для принятия обоснованных управленческих решений, направленных на повышение уровня организации и содержания учебного процесса.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Профессия педагога предполагает выполнение широкого круга задач в области учебной, научной, воспитательной и других видов деятельности, соотношение которых зависит от должности, занимаемой преподавателем. Как и любая профессия, предусматривающая социальную коммуникацию, профессия педагога является эмоционально затратной и часто может сопровождаться стрессовыми нагрузками. Широкий спектр выполняемых работ, требующих большого расхода эмоциональных и интеллектуальных ресурсов, обуславливает необходимость внимательного отношения административно-управленческого аппарата вуза к условиям научно-образовательной и социально-трудовой деятельности профессорско-преподавательского состава. Следовательно, одной из основных задач для руководства вуза служит создание условий труда, в которых преподаватель может комфортно работать, погружаясь в сферу своей профессиональной деятельности без воздействия излишних административных и бюрократических процедур.

Для получения сведений об условиях педагогической работы требуется проводить мониторинг мнения профессорско-преподавательского состава по различным направлениям профессиональной деятельности и на его основе вносить изменения в образовательный процесс. Мнение профессорско-преподавательского состава является экспертным, опираясь на него, административно-управленческий персонал может

принимать обоснованные решения, направленные на повышение уровня организации образовательного процесса и его содержания.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Для формирования актуального исследовательского материала, необходимого для проведения анкетирования профессорско-преподавательского состава ведомственного вуза МЧС по вопросам профессиональной деятельности, проведен литературный обзор. В работах представлены результаты анкетирования различных субъектов образовательной деятельности по широкому кругу вопросов в области образовательной и научной деятельности [1–6]. Например, в исследовании С. Л. Лобачева рассматриваются результаты анкетирования профессорско-преподавательского состава по вопросам оценки эффективности внедрения и реализации дистанционных образовательных технологий [4]. Данные анкетного опроса преподавателей о будущем дистанционного образования приведены в работе Д. М. Рогозина [5]. Анкетный опрос, проведенный И. Ф. Фильченковой [6], позволил оценить влияние инновационных проектов, связанных с модернизацией образовательного процесса, на инновационную продуктивность преподавателей. В работе Т. Е. Исаевой [3] интерпретируются результаты анкетирования преподавателей, посвященного основным причинам возникновения конфликтных ситуаций в среде научно-педагогического состава.

Со стороны исследователей уделяется особое внимание вопросам социальной защищенности, условиям труда и обучения в высших учебных заведениях [7–14]. Например, С. Н. Терещук, А. В. Романова [12] провели оценку условий труда преподавателей, включающую вопросы по режиму труда и отдыха и состоянию здоровья. Н. В. Калгановой [9] представлена фактическая оценка и удовлетворенность профессорско-преподавательским составом качеством своей трудовой жизни. М. В. Богуславским и др. [8] проанализировано отношение преподавателей к собственной профессиональной деятельности и возможностям карьерного роста и саморазвития. Признаки эмоционального выгорания у преподавателей и их отношение к возможным способам профилактики выявили Н. Н. Богдан, Е. А. Самсонова [7].

Значительное количество работ посвящено исследованию трудовой и учебной мотивации субъектов образовательного процесса, оценки ими своих профессионально-личностных и психолого-личностных качеств [15–20]. Например, трудовая мотивация профессорско-преподавательского состава исследуется Л. Ф. Красинской [16]. Психологические аспекты профессионального становления будущих педагогов высшей школы рассмотрены в работе О. А. Столярчук [18].

В системе образования ведомственных вузов силового блока также активно исследуется отношение педагогов и обучающихся к реализуемому образовательному процессу [21–26]. Например, с Ж. Ю. Дан-

ковой и др. [22] рассмотрены результаты анкетирования профессорско-преподавательского состава ведомственного вуза МЧС, позволяющие выявить существующие трудности в организации и реализации образовательного процесса.

С учетом особенностей образовательного процесса в ведомственном вузе МЧС и проведенного обзора исследовательских работ, посвященных условиям научно-образовательной и социально-трудовой деятельности профессорско-преподавательского состава, определены вопросы, которые требуют исследования. Представляет интерес информация о фактических затратах бюджета рабочего времени на выполнение основных направлений деятельности профессорско-преподавательским составом ведомственного вуза МЧС. Объектом исследования также являются приоритетные цели, которые ставят перед собой преподаватели, организационно-личностные, психолого-личностные и профессионально-личностные качества, которыми должен обладать современный педагог, мероприятия, направленные на совершенствование педагогического мастерства, и их значимость в системе педагогической подготовки.

Материалы и методы

Для решения исследовательских задач использовался эмпирический метод, реализуемый в форме анкетного опроса профессорско-преподавательского состава. С этой целью разработаны вопросы, позволяющие получить объективные результаты исследования. Анкетирование организовано в онлайн-формате с возможностью использования респондентами стационарных компьютеров и мобильных устройств.

Для обработки, систематизации и анализа полученных данных применялся метод математической статистики. Полученные результаты анкетного опроса визуализированы в форме круговой диаграммы и таблиц, выполнено их ранжирование.

Результаты и обсуждение

В исследовании принял участие профессорско-преподавательский состав Ивановской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России (далее — академия). В качестве респондентов выступил 91 педагог, из них 75% мужчин и 25% женщин. Наибольшее количество преподавателей (67%) в возрасте от 31 до 50 лет. Сотрудники государственной противопожарной службы составили 72%, работники — гражданский персонал кафедр — 28%. Самой многочисленной группой (70%) явились респонденты со стажем педагогической деятельности от 8 до 30 лет. 81% респондентов обладают профильным высшим образованием, соответствующим тематике преподаваемых дисциплин. Из числа анкетированных педагогов 59% имеют ученые степени и 33% — ученые звания, 8% получили 3 диплома о высшем образовании, 31% — 2 диплома и 61% — 1 диплом. В среднем на одного педагога приходится

преподавание трех дисциплин. Каждый преподаватель за последние 5 лет в среднем два раза проходил повышение квалификации.

К основным направлениям работы профессорско-преподавательского состава относятся учебная, методическая и научная деятельность. Распределение бюджета рабочего времени, необходимого для выполнения основных видов работ, представлено на рис. В бюджете рабочего времени педагогов наибольшую долю (58%) занимает организационно-методическая деятельность, которая включает подготовку учебно-методических материалов для проведения занятий, планирующей и отчетной документации. Непосредственная работа с обучающимися составляет 18%, она охватывает проведение учебных занятий и консультаций. Научно-исследовательской деятельности отведено 15%, под ней подразумевается непосредственное выполнение научно-исследовательских работ и отчетной документации, документации для получения патентов на полезную модель, подготовку тезисов и научных статей. На редакционно-издательскую деятельность (подготовка пособий и учебников) в бюджете рабочего времени педагогов отведено 9%.

Рис. Распределение бюджета рабочего времени профессорско-преподавательского состава по основным направлениям деятельности (Fig. Distribution of the working time of the teaching staff according to the main areas of activity)

Проведение учебных занятий является наиболее важным видом деятельности профессорско-преподавательского состава, качественная подготовка к которым позволяет повысить их эффективность и уровень знаний, умений и навыков обучающихся.

Величина бюджета рабочего времени, необходимая для подготовки к занятиям, имеет довольно широкий диапазон. Более 65% профессорско-преподавательского состава затрачивают на подготовку к учебным занятиям от 30 до 70% бюджета рабочего времени. У 20% преподавателей на подготовку к занятиям может уходить более 90% рабочего времени.

Учебно-научный потенциал вуза формируется за счет профессионального уровня профессорско-преподавательского состава. Наличие у педагогов приоритетных учебных, методических и научных целей и мотивация для их достижения играют важную роль в повышении качества образовательного процесса.

Актуальные цели и их приоритетность с точки зрения профессорско-преподавательского состава академии отражены в табл. 1.

Таблица 1. Актуальные цели профессорско-преподавательского состава и их приоритетность (Table 2. Teaching staff relevant goals and their priority)

Актуальные цели	Приоритетность, %
Повысить уровень своей учебно-методической работы	17
Разработать и/или применить новые методики обучения	12
Подготовить учебное пособие или учебник	10
Пройти повышение квалификации в определенной области	10
Получить более высокую должность профессорско-преподавательского состава	10
Получить ученое звание доцента или профессора	9
Подготовить и защитить диссертацию на соискание ученой степени	9
Повысить уровень заработной платы за счет выполнения договорных НИР и/или внебюджетной преподавательской деятельности	8
Занять первое или призовое место в конкурсе академии «Преподаватель года»	6
Занять первое или призовое место в конкурсе научных проектов академии	6
Получить патент на полезную модель	2
Сменить должность профессорско-преподавательского состава на другую в академии	1

Согласно полученным сведениям к наиболее актуальным и приоритетным целям профессорско-преподавательского состава относятся повышение уровня учебно-методической работы, создание и применение новых методик обучения, подготовка учебных пособий и учебников и повышение квалификации в определенной области. Следует отметить, что преподаватели академии в подавляющем большинстве не имеют цели сменить должность профессорско-преподавательского состава на другую.

Педагог должен соответствовать общеформальным критериям, предъявляемым к должности преподавателя, а также обладать определенным набором организационно-личностных, психолого-личностных и профессионально-личностных качеств. Представляет интерес мнение профессорско-преподавательского состава о необходимых качествах преподавателя академии, позволяющих ему эффективно организовывать учебный процесс и формировать у обучающихся требуемые компетенции в области профессиональной деятельности.

Перечень и значимость организационно-личностных качеств, которыми должен обладать преподаватель, представлены в табл. 2.

Среди наиболее значимых организационно-личностных качеств, необходимых педагогу, преподаватели академии отмечают открытость и коммуникабельность, стремление к взаимопониманию с обучающимися, а также наличие организаторских навыков, пунктуальности и ответственности.

Таблица 2. Организационно-личностные качества педагога и их значимость (Table 2. Teacher's organizational-personal qualities and their significance)

Организационно-личностные качества	Значимость, %
Открытость и коммуникабельность	17
Стремление к взаимопониманию с обучающимися	17
Наличие организаторских навыков	16
Пунктуальность и ответственность	15
Активность и инициативность	13
Дисциплинированность и собранность	13
Настойчивость	5
Лидерство	4

Перечень и значимость психолого-личностных качеств, которыми должен обладать преподаватель, представлены в табл. 3.

Таблица 3. Психолого-личностные качества педагога и их значимость (Table 3. Teacher's psychological-personal qualities and their significance)

Психолого-личностные качества	Значимость, %
Уважительное отношение к коллегам и обучающимся	19
Проявление корректности и тактичности	16
Уверенность в себе	15
Демонстрация поведения на личном примере	13
Доброжелательное отношение к коллегам и обучающимся	11
Проявление эмоциональной устойчивости и уравновешенности	11
Интеллигентность и порядочность	10
Критичность и принципиальность	5

По мнению профессорско-преподавательского состава академии, наиболее значимыми психолого-личностными качествами для преподавателя являются уважительное отношение к коллегам и обучающимся, корректность и тактичность, уверенность в себе.

Перечень и значимость профессионально-личностных качеств, которыми должен обладать преподаватель, представлены в табл. 4.

Профессионально-личностные качества преподавателя составляют самую многочисленную группу, из которой профессорско-преподавательским составом академии к наиболее значимым отнесены такие, как знание своего предмета и увлеченность им, наличие широкого профессионального кругозора и эрудиции. Кроме того, среди высоко значимых качеств отмечены умение заинтересовать аудиторию своим предметом и доходчивое изложение учебного материала, а также готовность педагога к применению новых методик обучения.

Совершенствование профессионального мастерства педагогов может достигаться комплексом различных мероприятий. Сведения о мероприятиях, которые наиболее часто используются педагогами академии для повышения своего уровня учебной, методической и научной работы, отражены в табл. 5. Данные сведе-

Таблица 4. Профессионально-личностные качества педагога и их значимость
(Table 4. Teacher's professional-personal qualities and their significance)

Профессионально-личностные качества	Значимость, %
Знание своего предмета и увлеченность им	11
Широкий профессиональный кругозор и эрудиция	10
Умение доходчивого изложения материала	9
Умение заинтересовать аудиторию	8
Готовность к применению новых методик обучения	8
Объективность в оценивании обучающихся	7
Грамотное изложение мысли	7
Направленность на развитие личных профессиональных качеств	6
Умение мотивировать обучающихся	5
Готовность менять стиль своей работы с обучающимися	5
Гибкость мышления и мобильность в изложении материала	5
Умение активизировать аудиторию	5
Применение лично-ориентированного подхода	4
Способность к анализу и рефлексии	4
Заинтересованность во мнении обучающихся и его учет в работе	4
Чуткое реагирование на поведение аудитории и эмпатия	2

ния могут использоваться для формирования дорожной карты профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава с учетом наиболее востребованных форм обучения и повышения педагогического мастерства.

К наиболее востребованным формам подготовки профессорско-преподавательского состава относятся переподготовка и повышение квалификации, консультирование у специалистов и наиболее опытных коллег, а также изучение специальной литературы и материалов, размещенных на профессиональных интернет-сайтах.

Выводы

Проведенное анкетирование позволило раскрыть позицию и взгляды профессорско-преподавательского

Таблица 5. Мероприятия по совершенствованию педагогического мастерства и их значимость в системе подготовки профессорско-преподавательского состава
(Table 5. Measures to improve teaching skills and their significance in the system of teachers' training)

Мероприятия для повышения педагогического уровня	Значимость, %
Переподготовка и повышение квалификации в области образовательной деятельности	20
Консультирование у специалистов и более опытных педагогов	18
Изучение специальной литературы и посещение профессиональных интернет-сайтов	16
Обсуждение результатов учебно-методической работы и обмен опытом на кафедрах	14
Стажировка в высших учебных заведениях и организациях	10
Общение в профессиональных сообществах, форумах, чатах	7
Обучение в магистратуре, аспирантуре, докторантуре	6
Повышение педагогического мастерства в школе начинающего преподавателя	5
Участие в тренингах и семинарах, посещение мастер-классов	4

состава академии по широкому кругу вопросов образовательной деятельности. Получены сведения о фактическом распределении бюджета рабочего времени, об актуальных целях, стоящих перед профессорско-преподавательским составом академии, организационно-личностных, психолого-личностных и профессионально-личностных качествах, которыми должен обладать педагог, о мероприятиях по совершенствованию педагогического мастерства и их значимости в системе подготовки преподавателей.

Перспективы. Полученные результаты исследования позволят руководству академии разработать перечень мероприятий, направленных на совершенствование организации образовательного процесса, системы подбора научно-педагогических кадров и профессиональной подготовки педагогов.

Список источников

1. Волченкова К. Н. Анализ отношения преподавателей российского вуза к вынужденному дистанту // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». 2020. Т. 12, № 4. С. 88–97. <https://doi.org/10.14529/ped200409>.
2. Булгаков В. В. Факторы, снижающие эффективность преподавательской деятельности в ведомственном вузе МЧС // Непрерывное образование: XXI век. 2021. № 3(35). С. 1–13. <https://doi.org/10.15393/j5.art.2021.7054>.
3. Исаева Т. Е. Причины возникновения конфликтов среди преподавателей университета в процессе совместной научной работы // Наука, образование, общество. 2016. № 1(7). С. 55–63.
4. Лобачев С. Л. Подготовка преподавателей к использованию дистанционных образовательных технологий: анкетирование и статистика реального учебного процесса // Вестник Юридического института МИИТ. 2018. № 1(21). С. 29–37.
5. Rogozin D. M. Представления преподавателей вузов о будущем дистанционного образования // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 31–51. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-31-51>.
6. Фильченкова И. Ф. Результаты вовлечения преподавателей в проект «модернизация образовательной деятельности — новые логистические решения» // Вестник Мининского университета. 2017. № 2(19). С. 7–15.
7. Богдан Н. Н., Самсонова Е. А. Эмоциональное выгорание у преподавателей вузов: способы выявления и предупреждения // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6-2(96). С. 170–175. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.072>.
8. Бозулавский М. В., Ладыжец Н. С., Неборский Е. В., Санникова О. В. Отношение преподавателей к собственной профессиональной деятельности и возможностям карьерного роста и саморазвития в региональном университете // Гуманитарные науки и образование. 2020. Т. 11, № 2(42). С. 28–37.

9. Калганова Н. В. Показатели качества трудовой жизни преподавателей транспортного вуза, их формирование и оценка // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2018. № 1(37). С. 91–104. <https://doi.org/10.20291/2079-0392-2018-1-91-104>.
10. Ливенцова Е. Ю., Обуховская В. Б., Фахретдинова А. П., Ларионова А. В., Малкова И. Ю. Организация и условия профессиональной деятельности преподавателя: сравнительный анализ опыта работы в российских и зарубежных университетах // Педагогика и просвещение. 2021. № 1. С. 36–49. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2021.1.34742>.
11. Поначугин А. В. Мониторинг качества образования как важный фактор подготовки бакалавров в области прикладной информатики // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 1(30). С. 4–26. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-1-4>.
12. Терещук С. Н., Романова А. В., Сибгатулина Ф. Р., Грунина И. В. Исследование субъективной оценки условий труда преподавателей, административных сотрудников и обучающихся методом анкетирования // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 10(188). С. 509–515. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.10.509-515>.
13. Malik N. A. A., Björkqvist K., Österman K. Factors Associated with Occupational Stress among University Teachers in Pakistan and Finland. *Journal of Educational, Health and Community Psychology*. 2017. No. 6(2). Pp. 1. <https://doi.org/10.12928/jehcp.v6i2.7047>.
14. Romero Caraballo M. P. Working conditions and the meaning of the academic profession in Colombian university professors. *Acta Colombiana de Psicología*. 2019. No. 22(2). Pp. 280–291. <https://doi.org/10.14718/acp.2019.22.2.13>.
15. Зубарев В. Ф., Бондарев Г. А. Познай себя прежде, чем учить других! (опыт социологического исследования преподавателей высшей школы) // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 8. С. 192–198.
16. Красинская Л. Ф. Трудовая мотивация преподавателей в условиях оптимизации системы высшего образования: результаты исследования // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11, № 8. С. 112–114.
17. Никулина И. В., Санько А. М. Мотивация научно-исследовательской деятельности преподавателей университета // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 5. С. 27–32.
18. Столярчук О. А. Рефлексия преподавателями и студентами психологических особенностей профессионального становления будущего специалиста // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1, Педагогика. Психология. Филология. 2017. № 3(93). С. 74–78.
19. Kumar S. Empirical Analysis of Job Satisfaction in Relation to Motivation IOSR. *Journal of Business and Management*. 2016. No. 01(01). Pp. 105–114. <https://doi.org/10.9790/487x-150100101105-114>.
20. Abduhamidovich P. N., Hu J., Lou Q. Investigation into motivation and job satisfaction among teachers in the college education system. *International Journal for Innovation Education and Research*. 2019. No. 7(2). Pp. 192–200. <https://doi.org/10.31686/ijer.vol.7.iss.2.1339>.
21. Буряков С. К. Педагогический контроль образовательного процесса как фактор оптимизации профессиональной подготовки специалистов для органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 1(76). С. 80–86. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-11012>.
22. Данкова Ж. Ю., Завражнева М. В., Сарапкина Т. А. Реализация учебного процесса в академии гражданской защиты МЧС России: оценочное мнение профессорско-преподавательского состава вуза // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2017. № 2(20). С. 10–18.
23. Данкова Ж. Ю., Новинский С. В., Ножка С. М. Организационные трудности учебного процесса в академии гражданской защиты МЧС России // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2017. № 2(20). С. 9–17.
24. Зауторова Э. В. Внедрение инновационных технологий в образовательный процесс ведомственного вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 4(71). С. 73–77.
25. Кириллова Т. В., Кузнецов М. И. Плюсы и минусы дистанционного обучения в условиях пандемии: мнение курсантов академии ФСИН России // Вопросы педагогики. 2020. № 6-1. С. 154–157.
26. Красильникова А. А., Рязанов Н. Х. Анализ качества образования и научной деятельности академии гражданской защиты МЧС России как основа формирования положительного имиджа // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 2(28). С. 170–178.

Поступила 23.09.2021; одобрена после рецензирования 30.10.2021; принята в печать 30.11.2021.

References

1. Volchenkova K. N. Analysis of the attitude of Russian university teachers to forced distance learning. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical sciences*. 2020. Vol. 12, No. 4. Pp. 88–97. <https://doi.org/10.14529/ped200409>. (In Russ.)
2. Bulgakov V. V. Factors reducing the effectiveness of teaching in the departmental university of the Ministry of Emergency Situations. *Life-long education: the 21st century*. 2021. Vol. 3, No. 35. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.15393/j5.art.2021.7054>. (In Russ.)
3. Isaeva T. E. The reasons for the emergence of conflicts among university teachers in the process of joint scientific work. *Science, Education, Society*. 2016. No. 1(7). Pp. 55–63. (In Russ.)
4. Lobachev S. L. Preparing teachers for the use of distance educational technologies: questionnaires and statistics of the real educational process. *Bulletin of the Law Institute of the Russian University of Transport*. 2018. No. 1(21). Pp. 29–37. (In Russ.)
5. Rogozin D. M. Representations of university teachers about the future of distance education. *Educational Studies*. 2021. No. 1. Pp. 31–51. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-31-51>. (In Russ.)
6. Filchenkova I. F. Results of teachers' involvement in the project «Modernization of educational activities — new logistics solutions». *Bulletin of Minin University*. 2017. No. 2(19). Pp. 7–15. (In Russ.)

7. Bogdan N. N., Samsonova E. A. Emotional burnout among university teachers: methods of revealing and prevention. *International Research Journal*. 2020. No. 6-2(96). Pp. 170–175. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.072>. (In Russ.)
8. Boguslavsky M. V., Ladyzhets N. S., Neborsky E. V., Sannikova O. V. The attitude of teachers to their own professional activity and opportunities for career growth and self-development at a regional university. *Humanities and Education*. 2020. Vol. 11, No. 2(42). Pp. 28–37. (In Russ.)
9. Kalganova N. V. Indicators of the quality of working life of Transport University teachers, their formation and evaluation. *Bulletin of the Ural State University of Railway Transport*. 2018. No. 1(37). Pp. 91–104. <https://doi.org/10.20291/2079-0392-2018-1-91-104>. (In Russ.)
10. Liventsova E. Yu., Obukhovskaya V. B., Fakhretidinova A. P., Larionova A.V., Malkova I. Yu. Organization and conditions of professional activity of a teacher: a comparative analysis of work experience in Russian and foreign universities. *Pedagogy and Education*. 2021. No. 1. Pp. 36–49. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2021.1.34742>. (In Russ.)
11. Ponachugin A. V. Monitoring the quality of education as an important factor in the preparation of bachelors in the field of applied informatics. *Bulletin of Minin University*. 2020. Vol. 8, No. 1(30). Pp. 4–26. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-1-4>. (In Russ.)
12. Tereshchuk S. N., Romanova A. V., Sibgatulina F. R., Grunina I. V. Investigation of the subjective assessment of the working conditions of teachers, administrative staff and students by the questionnaire method. *Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University*. 2020. No. 10(188). Pp. 509–515. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2020.10.509-515>. (In Russ.)
13. Malik N. A. A., Björkqvist K., Österman K. Factors Associated with Occupational Stress among University Teachers in Pakistan and Finland. *Journal of Educational, Health and Community Psychology*. 2017. No. 6(2). Pp. 1. <https://doi.org/10.12928/jehcp.v6i2.7047>
14. Romero Caraballo M. P. Working conditions and the meaning of the academic profession in Colombian university professors. *Acta Colombiana de Psicología*. 2019. No. 22(2). Pp. 280–291. <https://doi.org/10.14718/acp.2019.22.2.13>.
15. Zubarev V. F., Bondarev G. A. Get to Know yourself before you teach others! (experience of sociological research of higher school teachers). *Modern Science-Intensive Technologies*. 2018. No. 8. Pp. 192–198. (In Russ.)
16. Krasinskaya L. F. Labor motivation of teachers in the conditions of optimization of the higher education system: research results. *Actual Problems of Humanities and Socio-Economic Sciences*. 2017. Vol. 11, No. 8. Pp. 112–114. (In Russ.)
17. Nikulina I. V., Sanko A. M. Motivation of research activity of university teachers. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medical and Biological Sciences*. 2017. Vol. 19, No. 5. Pp. 27–32. (In Russ.)
18. Stolyarchuk O. A. Reflection by teachers and students of psychological features of professional formation of the future specialist. *Bulletin of Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology*. 2017. No. 3 (93). Pp. 74–78. (In Russ.)
19. Kumar S. Empirical Analysis of Job Satisfaction in Relation to Motivation. *IOSR Journal of Business and Management*. 2016. No. 01(01). Pp. 105–114. <https://doi.org/10.9790/487x-1501001105-114>.
20. Abduhamidovich P. N., Hu J., Lou Q. Investigation into motivation and job satisfaction among teachers in the college education system. *International Journal for Innovation Education and Research*. 2019. No. 7(2). Pp. 192–200. <https://doi.org/10.31686/ijier.vol7.iss2.1339>.
21. Buryakov S. K. Pedagogical control of the educational process as a factor of optimization of professional training of specialists for law enforcement bodies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2019. Vol. 24, No. 1(76). Pp. 80–86. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-11012>. (In Russ.)
22. Dankova Zh. Yu., Zavrazhneva M. V., Sarapkina T. A. Implementation of the educational process in the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia: evaluation opinion of the university teaching staff. *GosReg: state regulation of public relations*. 2017. No. 2(20). Pp. 10–18. (In Russ.)
23. Dankova Zh. Yu., Novinsky S. V., Nozhka S. M. Organizational difficulties of the educational process in the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia. *GosReg: state regulation of public relations*. 2017. No. 2(20). Pp. 9–17. (In Russ.)
24. Zautorova E. V. Introduction of innovative technologies in the educational process of a departmental university. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2017. No. 4(71). Pp. 73–77. (In Russ.)
25. Kirillova T. V., Kuznetsov M. I. Pros and cons of distance learning in the context of a pandemic: the opinion of cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Pedagogical Issues*. 2020. No. 6-1. Pp. 154–157. (In Russ.)
26. Krasilnikova A. A., Ryazhapov N. Kh. Analysis of the quality of education and scientific activity of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia as the basis for the formation of a positive image. *GosReg: state regulation of public relations*. 2019. No. 2(28). Pp. 170–178. (In Russ.)

Submitted: 23.09.2021; approved after reviewing: 30.10.2021; accepted for publication: 30.11.2021.

Научно-практическая статья

УДК 34.09 © Е. А. Чигорьяев, Д. В. Литвин, И. В. Герасимов, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-95-101

5.8.7 Методология и технологии профессионального образования

5.8.4 Физическая культура и профессиональная физическая подготовка

Прогнозирование вероятности оказания сопротивления со стороны правонарушителей при их задержании

Евгений Александрович Чигорьяев¹, доцент кафедры физической подготовки; evchig@ya.ru;

<https://orcid.org/0000-0001-5446-6218>

Дмитрий Владимирович Литвин², кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры организации огневой и физической подготовки; d_litvin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4728-4157>

Игорь Викторович Герасимов³, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры физической подготовки и спорта; gerasimov.ihor@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2196-6408>

¹ Омская академия МВД России, Омск, 644092, пр. Комарова, 7, Россия

² Академия управления МВД России, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, Россия

³ Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, 302027, ул. Игнатова, 2, Россия

Реферат

Введение. Рассматриваются некоторые модели прогнозирования и расчета вероятности поведения правонарушителей при их задержании: оказание сопротивления и ответных действий со стороны правонарушителей; этапы развития конфликта в ситуации конфронтации; поведение правонарушителей на каждом из этапов на примере действия наряда полиции патрульно-постовой службы. **Материалы и методы.** Теоретический анализ научно-методической литературы, изучение служебных документов и нормативных правовых актов, наблюдение, экспертная оценка, моделирование, математико-статистические методы. **Результаты и обсуждение.** Выявлены факторы оказания сопротивления правонарушителем, выделены пять этапов развития конфликтной ситуации, переходящей в противостояние между нарядом полиции и задерживаемым правонарушителем. Предложена технология расчета вероятности прогнозирования поведения правонарушителей, обозначены три степени возможного оказания сопротивления при их задержании. **Выводы.** Основные факторы, определяющие степень оказания сопротивления при задержании правонарушителей: наличие алкогольного опьянения; агрессивное поведение и наличие судимости у задерживаемых. Показатели для прогнозирования и расчета степени вероятности оказания сопротивления правонарушителями при их задержании: количество правонарушителей; состояние алкогольного или наркотического опьянения; агрессивное поведение; наличие судимости; наличие оружия; тяжесть совершенного правонарушения; место происшествия. Определены этапы развития конфликтной ситуации в противостоянии с правонарушителем, составлена оценочная таблица-памятка для расчета вероятности оказания сопротивления.

Ключевые слова: прогнозирование; вероятность оказания сопротивления; конфликтная ситуация; поведение правонарушителей; ответные действия правонарушителей; тактика; силовое задержание

Для цитирования: Чигорьяев Е. А., Литвин Д. В., Герасимов И. В. Прогнозирование вероятности оказания сопротивления со стороны правонарушителей при их задержании // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 95–101. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-95-101>

Scientific and Practical Article

UDC 34.09 © Е. А. Chigoryaev, D. V. Litvin, I. V. Gerasimov, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-95-101

5.8.7 Methodology and Technology of Professional Education

5.8.4 Physical Culture and Professional Physical Training

Forecasting the Probable Resistance from Offenders during their Detention

Eugeniy A. Chigoryaev¹, Associate-Professor at the chair of Physical Training; evchig@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5446-6218>

Dmitry V. Litvin², Candidate of sciences (in Pedagogy), Associate-Professor, deputy-chief of the chair of Firearms' and Physical Training; d_litvin@mail.gerasimov.ihor@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4728-4157>

Igor V. Gerasimov³, Candidate of sciences (in Pedagogy), Associate-Professor, deputy-chief of the chair of Physical Training and Sport; gerasimov.ihor@ya.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2196-6408>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov st., Omsk, 644092, Russia

² Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125993, Russia

³ the Orel Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs named after V. V. Lukyanov, 2 Ignatov st., Orel, 302027, Russia

Abstract

Introduction. The article discusses some models for forecasting and figuring out probable behavior of offenders during their detention: resistance and retaliatory actions on the part of offenders; stages of conflict development in a confrontation situation; and the behavior of offenders at each stage on the example of the police patrol service. **Materials and Methods.** A theoretical analysis of scientific and methodical literature, studying of police documentation and legal acts, observation, expert assessment, modeling, mathematical statistical methods were used. **Results and Discussion.** The factors of the offender's resistance are determined and five stages of the development of a conflict situation, which turns into a confrontation between the police squad and the detained offender, are identified. The technology for calculating the probable forecasting of the offenders' behavior is proposed and three degrees of possible resistance during their detention are identified. **Conclusions.** The main factors determining the degree of resistance during the detention of offenders are as follows: alcohol intoxication; aggressive behavior; the detainees' criminal record. The following indicators to forecast and determine the degree of the offenders' probable resistance during their detention were revealed: the number of offenders; the state of alcoholic or narcotic intoxication; aggressive behavior; the criminal record; the presence of weapon; the severity of the offense; the scene of the incident. The stages of the development of the conflict situation in the confrontation with the offender are determined and an evaluation table-memo is compiled to calculate the probability of resistance.

Keywords: forecasting; probability of resistance; conflict situation; offenders' behavior; retaliatory actions of offenders; tactics; forcible detention

Citation: Chigoryaev E. A., Litvin D. V., Gerasimov I. V. Forecasting the Probable Resistance from Offenders during their Detention. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 95–101 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-95-101>

Основные положения

1. Прогнозирование вероятности возникновения каких-либо событий или явлений, особенно нежелательных (опасных), обусловлено необходимостью предупреждения (избегания) этих событий и негативных последствий от них. В практике задержания правонарушителей это приобретает острую необходимость в целях обеспечения безопасности сотрудников полиции. За основу прогнозирования вероятности оказания сопротивления со стороны задерживаемых взят опыт задержания правонарушителей, из которого выделены основные факторы (особенности) поведения задерживаемых, оказывавших сопротивление.

2. Прогнозирование поведения задерживаемого правонарушителя при применении мер принуждения (физической силы, специальных средств и оружия) является необходимым условием успешности действий сотрудников полиции, а также недопущения нежелательных последствий от их применения. Непредвзятая оценка ситуации (по объективным и субъективным параметрам) позволяет принять верное решение по применению мер принуждения. Составлена памятка-инструкция по определению степени оказания сопротивления, позволяющая спрогнозировать вероятность того или иного нежелательного поведения задерживаемого правонарушителя.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Прогнозирование — предвосхищение будущего, основанное на прошлом опыте человека и имеющейся информации. Поведение человека в прошлом и результаты восприятия ситуации служат основанием для построения гипотез предстоящего будущего, которые обладают определенной вероятностью. Прогнозирование будущих событий является необходимым и осуществляется во многих видах деятельности. В экстремаль-

ной деятельности (военной, служебно-оперативной, спортивной) прогнозирование вероятности тех или иных желательных (нежелательных) событий выступает ведущим фактором, обеспечивающим успешность этой деятельности [1; 2].

Вероятность как категория чисто математическая рассчитывается исходя из теории вероятности, в виде отношения одного из множества вариантов выпадений на данный момент того или иного события или явления ко всем возможным вариантам. При определении вероятности выполнения каких-то двигательных действий человеком необходимо учитывать законы биомеханики, антропологии, особенности психомоторики и психики человека [3; 4].

В практике задержания правонарушителей сотрудниками полиции нередко возникают случаи оказания сопротивления, неповиновения или даже нападения на стражей порядка. Статистические данные о посягательстве на жизнь и здоровье сотрудников ОВД в России за последние годы говорят о росте преступлений, предусмотренных ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа...», ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти». Увеличился также объем страховых выплат сотрудникам ОВД по факту получения травм и контузий [5]. Поэтому определение или расчет степени вероятности оказания сопротивления правонарушителями при их задержании представляются весьма актуальным вопросом научного поиска в части предупреждения и возможного недопущения посягательств на жизнь и здоровье сотрудников полиции.

Цель исследования — выявление параметров (количественных, качественных, объективных и субъективных), по которым можно определить степень вероятности оказания сопротивления правонарушителями при их

задержании, а также взаимосвязь факторов, приводящих к активному неповиновению правонарушителей.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы.

Для расчета вероятности выполнения тех или иных двигательных действий (в данном случае ответных действий правонарушителя при его задержании) необходимо учитывать: а) объективные факторы, позволяющие выполнить такое действие, например окружающую обстановку; б) субъективные факторы психологического характера: намерения, эмоциональное состояние, личностные качества задерживаемого [6; 7].

На ситуацию при силовом противоборстве в практике применения боевых приемов борьбы влияют, с одной стороны, действия и намерения правонарушителя, а с другой — действия и намерения сотрудника полиции. Структурно-системный подход при решении двигательных задач в случаях применения мер силового воздействия позволяет объяснить возникновение ситуаций противодействия со стороны задерживаемого. Такие ситуации в практике применения боевых приемов борьбы обусловлены следующими факторами: 1) оперативно-служебной задачей по задержанию правонарушителей; 2) создавшейся ситуацией, характеризующейся местом, временем, физическими параметрами правонарушителя, количеством правонарушителей, наличием у них оружия, их намерениями; 3) исходными позициями и положениями; 4) поведением и ответными действиями правонарушителей; 5) возможностями, способностями и профессиональными навыками сотрудников полиции; 6) окружающей средой и другими условиями [5].

Вышеприведенные факторы, влияющие на поведение задерживаемого правонарушителя, включают как объективные, так и субъективные параметры, определяющие вероятность оказания сопротивления или нападения на сотрудника полиции [8].

Объективный параметр вероятности оказания сопротивления сотрудникам полиции предусматривает: 1) количество сотрудников полиции; 2) количество правонарушителей; 3) место и время задержания; 4) исходные и промежуточные позиции; 5) положение тела в пространстве по отношению к опоре и частей тела друг к другу; 6) положение участников задержания по отношению друг к другу; 7) внешние физические параметры участников задержания; 8) наличие у них оружия, предметов; 9) их действия; 10) внешнюю обстановку и окружающую среду.

Субъективный параметр вероятности оказания сопротивления сотрудникам полиции охватывает: 1) цели и намерения участников противоборства; 2) наличие информации друг о друге; 3) их психоэмоциональное и психофизическое состояние; 4) их уровень подготовленности как физический, так и профессиональный; 5) наличие опыта действий в таких ситуациях у участников противоборства; 6) личное субъективное отношение участников противоборства друг к другу; 7) некоторые

свойства личности (тревожность, агрессивность, темперамент).

В исследовании мы опирались на статистику выявленных нападений и оказания сопротивления сотрудникам полиции в Омской области. Был рассмотрен 81 случай нападения на сотрудников и оказания им сопротивления (проанализированы документы о фактах применения физической силы, боевых приемов борьбы, специальных средств и оружия за 2018–2020 гг.). При этом в 38% случаев правонарушители оказывали пассивное сопротивление, а в 62% — активное. В 82% случаев задерживали одного правонарушителя, а в 18% — двоих и больше.

Проанализировав поведение задерживаемых правонарушителей, оказавших сопротивление, мы выяснили, что в 75% случаев задерживаемые были в алкогольном или наркотическом опьянении; в 47% — вели себя агрессивно (ругались, размахивали руками, угрожали); в 33% — они имели судимость; в 0,9% — были вооружены (рис. 1).

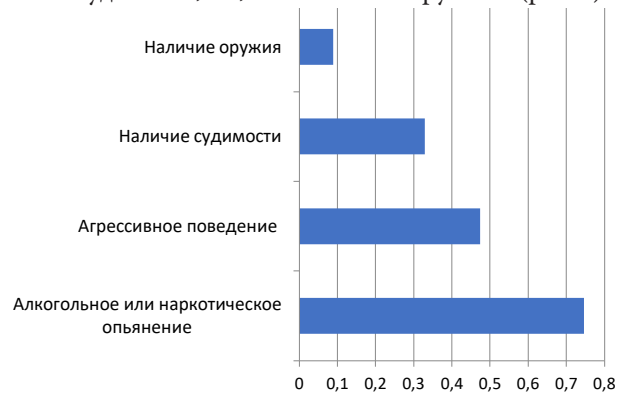

Рис. 1. Факторы оказания сопротивления (Fig. 1. Factors of offenders' resistance)

При этом задерживаемые совершали следующие правонарушения: в 28% случаев — появление в общественных местах в состоянии опьянения; в 23% — управление транспортным средством в состоянии опьянения и мелкое хулиганство; в 14% — семейные скандалы; в 1% случаев — нарушение ПДД, кражу или грабеж, курение в общественных местах (рис. 2).

Рис. 2. Виды правонарушений (Fig. 2. Types of offences)

Результаты опроса сотрудников полиции, принимавших участие в задержании правонарушителей, а также анализ материалов служебной проверки по фактам применения физической силы, специальных средств и оружия позволили определить следующие этапы развития конфликтной ситуации в противостоянии с правонарушителем:

1. Правонарушитель игнорирует требования сотрудников полиции, оказывает пассивное неповиновение: не называет свое имя, не предъявляет документы, не отдает ключи от автомобиля, не прекращает противоправные действия.

2. Правонарушитель пытается покинуть место правонарушения.

3. Правонарушитель оказывает активное неповиновение: вступает в пререкания, оскорбляет сотрудников, угрожает им, выступает с каким-либо требованием, ложится на пол (землю), хватается за предметы (мебель, поручни), пытается нанести себе вред (бьется о стену, разрывает одежду, наносит себе телесные повреждения).

4. Правонарушитель начинает оказывать пассивное сопротивление: отталкивает сотрудников, машет руками, срывает захваты (освобождается от захватов), пытается бороться, кусается и царапается, вырывается, берет в руки различные предметы и подручные средства.

5. Правонарушитель оказывает активное сопротивление: неожиданно нападает на сотрудника, наносит удары руками и ногами, применяет болевые, удушающие приемы и броски, использует (применяет) подручные средства и оружие.

На любом этапе конфликтного поведения правонарушитель может неожиданно перейти из ситуации конфронтации к активным действиям. Важно не пропустить этот момент. Вовремя распознать намерения правонарушителя — задача сложная, но решение ее необходимо.

Обострение конфликта в противостоянии с правонарушителем обусловлено рядом объективных и субъективных факторов. Отметим основные из них: 1) негативное отношение задерживаемого к сотрудникам полиции; 2) несогласие задерживаемого с применением к нему мер принуждения; 3) стремление задерживаемого избежать законного наказания за правонарушение; 4) неправильные действия сотрудников полиции: грубое и нетактичное обращение, безосновательное применение физической силы, специальных средств, угроза оружием [9].

Учитывая некоторые признаки в поведении правонарушителей, можно предсказать ход дальнейших событий, предупредить нежелательные из них и быть готовыми к активным действиям со стороны задерживаемых лиц. По нашим наблюдениям, ситуация конфронтации может перейти в противоборство между

сотрудником полиции и правонарушителем при наличии следующих признаков объективного и субъективного характера: 1) правонарушитель не выполняет законных требований сотрудника полиции; 2) с явным раздражением реагирует на действия сотрудника полиции; 3) правонарушитель внешне агрессивен, угрожает, выражается нецензурной бранью; 4) в его руках имеется оружие или какой-либо предмет (подручное средство); 5) правонарушителей двое или больше; 6) правонарушитель пребывает в состоянии алкогольного опьянения; 7) находится на «своей» (частной) территории. Вероятность оказания сопротивления или нападения на сотрудника полиции в данных условиях высока.

В структуре принятия решений первый этап составляет вероятностное прогнозирование — анализ ситуации и поиск правильного решения. В вероятностном прогнозировании велико значение интуиции, под которой понимается процесс обработки информации на неосознаваемом уровне, выражающийся в формировании интуитивного образа с последующей возможной его актуализацией в виде знания, отношения, поведения. Интуиция выполняет прогностическую функцию, ее роль сводится к конструированию модели поведения человека в экстремальных ситуациях (когда нет времени для долгого обдумывания решения), что позволяет предвидеть ход развития события и принимать правильные решения очень быстро [10; 11].

По нашим исследованиям, оценка ситуации и принятие решения оперуполномоченным уголовного розыска (было опрошено 65 опытных сотрудников) при задержании правонарушителя осуществляются спонтанно: ситуация оценивается субъективно с опорой на свой опыт, далее интуитивно определяется, что можно ожидать от задерживаемого правонарушителя и как надо действовать. Все происходит одновременно. Опытные сотрудники стараются задолго до операции предусмотреть все возможные варианты поведения правонарушителя при его задержании и на основе этого сформировать готовые решения в виде ответов-действий. Примерно также прогнозируются действия соперников в ситуативных видах спорта [12; 13].

На основе исследовательского материала (было изучено 218 рапортов о применении физической силы, специальных средств и оружия в УВД по Омской области) нами была разработана таблица-памятка по определению степени вероятности оказания сопротивления при задержании правонарушителей, включающая семь факторов: 1) количество правонарушителей; 2) состояние алкогольного или наркотического опьянения; 3) агрессивное поведение; 4) наличие судимости; 5) наличие оружия; 6) тяжесть совершенного правонарушения; 7) место происшествия (табл.).

Степень вероятности рассчитывается суммированием баллов тех факторов, которые имеются в момент задержания правонарушителей. Если какие-то факто-

Таблица. Определение степени оказания сопротивления
(Table. Determination of the degree of resistance)

Факторы	Степень оказания сопротивления		
	Высокая: 5 баллов	Средняя: 3 балла	Низкая: 1 балл
1. Количество задерживаемых	3 и более	2	1
2. Состояние алкогольного опьянения задерживаемого(ых)	явное	легкое	трезвый
3. Агрессивность задерживаемого(ых)	не подчиняется, ругается	не проявляется	отсутствует
4. Судимость	рецидив	имеется	отсутствует
5. Наличие оружия	имеется	отсутствует	отсутствует
6. Совершенное правонарушение	тяжкое	средней тяжести	административное
7. Место происшествия	частная территория	общественное	общественное
Итого:	35	21	7

ры отсутствуют или не выявились, то они опускаются и не учитываются. Точность определения вероятности по известным факторам составила примерно 98% по отношению ко всем изученным случаям оказания сопротивления правонарушителями, что позволяет вести речь о высокой степени значимости предложенных критериев оценки.

Проведем расчет степени вероятности на конкретном примере, взятом из практики: наряд полиции ППС в составе двух сотрудников прибыл на место происшествия по факту распития спиртных напитков в ночное время в общественном месте. Во дворе дома (частная территория; +5 баллов) трое молодых людей (+5 баллов) распивали спиртные напитки, выражались нецензурной бранью (мелкое хулиганство; +1 балл), уже были в состоянии алкогольного опьянения (+3 балла). На требование сотрудников полиции пройти с ними в опорный пункт один из молодых людей взял в руки палку (вооружен; +5 баллов), а двое других пытались выполнить сковывающий захват за форменное обмундирование сотрудников полиции, при этом оскорбляли их (агрессивное поведение; +5 баллов). В сумме получилось 24 балла — это выше средней степени оказания сопротивления. В данной ситуации вероятность нападения на сотрудников полиции — высокая. Сотрудникам полиции ППС пришлось вызвать помощь, никто не пострадал. Задержанными оказались молодые люди в возрасте 19, 22 и 25 лет, нигде не работающие, ранее несудимые. Следует отметить, что сотрудники полиции действовали тактически правильно: верно оценили степень возможного оказания сопротивления и не стали вступать в силовое противостояние с нарушителями. Соблюдая меры безопасности, они вышли на центральную улицу, вызвали помощь и затем с новыми силами произвели задержание правонарушителей.

Приведенный пример расчета степени вероятности оказания сопротивления правонарушителями при их за-

держании позволяет программировать действия наряда полиции по заранее определенному плану. Проработано три варианта действий:

1-й вариант: степень оказания сопротивления (СОС) *высокая* — в этой ситуации нужно отходить и вызывать помощь, если своих сил недостаточно;

2-й вариант: СОС *средняя* — пытаться пресечь правонарушение без использования средств принуждения (применять только в крайнем случае);

3-й вариант: СОС *низкая* — действовать уверенно, применяя средства принуждения с соблюдением мер безопасности.

Изложенная методика прогнозирования действия наряда полиции может использоваться в учебных целях на комплексных тактических занятиях по профессиональной подготовке полицейского, а также в инструктажах перед заступлением на дежурство наряда полиции. Нами была разработана памятка-инструкция по расчету степени вероятности оказания сопротивления задерживаемых правонарушителей, которая проверена на практике сотрудниками патрульно-постовой службы города Омска. Отзывы положительные: данная методика позволяет неопытному сотруднику полиции быстро сориентироваться и прийти к оптимальному решению по принятию мер принуждения в отношении задерживаемых лиц и не допустить нежелательных последствий при неизбежном силовом контакте с ними.

Выводы

1. Рассмотрены объективные и субъективные параметры, определяющие вероятность оказания сопротивления правонарушителем при его задержании. Объективные параметры: 1) количество сотрудников полиции; 2) количество правонарушителей; 3) место и время задержания; 4) исходные и промежуточные позиции; 5) положение тела в пространстве по отношению к опоре и частей тела — друг к другу; 6) положение участников задержания по отношению друг к другу; 7) внешние физические характеристики участников задержания; 8) наличие у них оружия, предметов; 9) их действия; 10) внешняя обстановка и окружающая среда. Субъективные параметры: 1) цели и намерения участников противоборства; 2) наличие информации друг о друге; 3) их психоэмоциональное и психофизическое состояние; 4) как физический, так и профессиональный уровень их подготовленности; 5) наличие опыта действий в таких ситуациях у участников противоборства; 6) личное субъективное отношение участников противоборства друг к другу; 7) некоторые свойства личности (тревожность, агрессивность, темперамент).

2. Выявлены главные факторы, определяющие степень оказания сопротивления при задержании: 1) наличие алкогольного опьянения; 2) агрессивное поведение; 3) наличие судимости у задерживаемых.

3. Выбраны семь факторов для прогнозирования и расчета степени вероятности оказания сопротивле-

ния правонарушителями при их задержании: 1) количество правонарушителей; 2) состояние алкогольного или наркотического опьянения; 3) агрессивное поведение; 4) наличие судимости; 5) наличие оружия; 6) тяжесть совершенного правонарушения; 7) место происшествия.

4. Выделены 5 этапов развития конфликтной ситуации в противостоянии с правонарушителем и составлена оценочная таблица-памятка для расчета вероятности оказания сопротивления.

Перспективы. Предложенный метод расчета вероятности СОС на практике нуждается в дополнитель-

ных исследованиях. В частности, субъективная оценка по внешнему виду такого фактора, как агрессивность, может быть неточной и могут иметься различные особенности в поведении отдельных лиц. Немаловажен и личный опыт сотрудника (положительный или отрицательный), который нами не был учтен в данном исследовании. На наш взгляд, будет полезным изучить «успешный / неуспешный» опыт сотрудников личного применения средств принуждения и сравнить способы и методы прогнозирования поведения правонарушителей по применению средств принуждения, а также варианты принятых решений в подобных ситуациях.

Список источников

1. Родин В. Ф., Хомутов А. М. Обеспечение личной безопасности сотрудников полиции при оперативном задержании правонарушителей // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 151–154. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-1-151-154>.
2. Тхагалегов А. А., Крымшохалов А. З. Обучение сотрудников полиции навыкам силового задержания правонарушителей // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 221–223. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2021-1-221-223>.
3. Mazur J. E. Mathematical models and the experimental analysis of behavior. *Journal of the experimental analysis of behavior*. 2016. No 85(2). Pp. 275–291. <https://doi.org/10.1901/jeab.2006.65-05>.
4. Campollo Rivas O. Modelos matemáticos en medicina y biología. Bases teóricas y fundamentos [Mathematical modelling in medicine and biology. Theoretical basis and fundamentals]. *Revista de investigación clínica; organo del Hospital de Enfermedades de la Nutrición*. 1994. No 46(4). Pp. 307–321. Spanish. PMID: 7973158.
5. Литвин Д. В. Анализ практики применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции ГУ МВД России по Краснодарскому краю // Совершенствование огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов : всерос. круглый стол (29 июня 2017 г.) : сб. мат.-лов. Орел, 2017. С. 133–134.
6. Bolger P. C. Just following orders: a Meta-analysis of the correlates of American police officer use of force decisions. *American Journal of Criminal Justice*. 2015. No. 40(3). С. 466–492. <https://doi.org/10.1007/s12103-014-9278-y>.
7. Crawford C., Burns R. Resisting arrest: Predictors of suspect non-compliance and use of force against police officers. *Police Practice and Research*. 2002. No. 3(2). С. 105–117. <https://doi.org/10.1080/15614260290033611>.
8. Толдиев А. Б. К вопросу обеспечения личной безопасности сотрудников МВД России // Теория и практика общественного развития. 2016. № 3. С. 97–99.
9. Чигорьев Е. А. Факторы принятия решения сотрудником полиции о силовом задержании правонарушителя // Актуальные проблемы развития физической культуры слушателей образовательных организаций МВД России : сб. статей. Орел, 2018. С. 177–180.
10. Науменко Е. А. Ориентиры интуитивности. Тюмень, 2000. 211 с.
11. Воронов А. И., Чигорьев Е. А., Крестьянинов В. А. Принятие решения сотрудником полиции по применению средств принуждения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 4(79). С. 410–416. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-14009>.
12. Смоленцева В. Н. Влияние соревновательной ситуации на характер поведения спортсменов ситуационных видов спорта // Омский научный вестник. 2008. № 1(63). С. 144–147.
13. Роженцов В. В., Афоньшин В. Е. Технология технико-тактической подготовки в игровых видах спорта // Кибернетика и программирование. 2014. № 3. С. 103–109.

Поступила 08.04.2021; одобрена после рецензирования 10.05.2021; принята в печать 30.11.2021.
Заявленный вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References

1. Rodin V. F., Khomutov A. M. Ensuring the personal safety of police officers during the prompt arrest of offenders. *Psychology and Pedagogics in Official Activity*. 2021. No 1. Pp. 151–154. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-1-151-154>. (In Russ.)
2. Tkhangalegov A. A., Krymshokalov A. Z. Training of police officers in force detention of offenders. *Education. Science. Scientific personnel*. 2021. No 1. Pp. 221–223. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2021-1-221-223>. (In Russ.)
3. Mazur J. E. Mathematical models and the experimental analysis of behavior. *Journal of the experimental analysis of behavior*. 2016. No. 85(2). Pp. 275–291. <https://doi.org/10.1901/jeab.2006.65-05>.
4. Campollo Rivas O. Modelos matemáticos en medicina y biología. Bases teóricas y fundamentos [Mathematical modelling in medicine and biology. Theoretical basis and fundamentals]. *Revista de investigacion clinica; organo del Hospital de Enfermedades de la Nutricion*. 1994. No. 46(4). Pp. 307–21. (Spanish). PMID: 7973158.
5. Litvin D. V. Analysis of the practice of using firearms by police officers of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar Territory. Improvement of law enforcement officers' fire and tactical-special training. All-Russian Round Table (June 29, 2017). Collected materials. Orel, 2017. Pp. 133–134. (In Russ.)
6. Bolger P. C. Just following orders: a Meta-analysis of the correlates of American police officer use of force decisions. *American Journal of Criminal Justice*. 2015. No 40(3). Pp. 466–492. (USA). <https://doi.org/10.1007/s12103-014-9278-y>.
7. Crawford C., Burns R. Resisting arrest: Predictors of suspect non-compliance and use of force against police officers. *Police Practice and Research*. 2002. No. 3(2). Pp. 105–117. (USA). <https://doi.org/10.1080/15614260290033611>.
8. Toldiev A. B. To the issue of providing personal safety of the officers the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Theory and practice of social development*. 2016. No 3. Pp. 97–99. Elibrary ID: 25625887. (In Russ.)
9. Chigoryaev E. A. Factors in the police officer's decision-making on the forceful arrest of the offender. Actual problems of physical culture development of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia Collected articles. Orel, 2018. Pp. 177–180. (In Russ.)
10. Naumenko E. A. Landmarks of intuition. Tyumen, 2000. 211 p. (In Russ.)
11. Voronov A. I., Chigoryaev E. A., Krestyaninov V. A. Police Officer's Decision to Use Coercive Means. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2019. Vol. 24, No 4(79). Pp. 410–416. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-14009x>. (In Russ.)
12. Smolentseva V. N. Competitive situation' influence on sportsmen's behavior in situational kinds of sports. *Omsk Scientific Bulletin*. No. 1(63). 2008. Pp. 144–147. (In Russ.)
13. Rozhentsov V. V., Afon'shin V. E. A technology for technical preparation in team sports. *Cybernetics and programming*. 2014. No 3. Pp. 103–109. <https://doi.org/10.7256/2306-4196.2014.3.12048>. (In Russ.)

*Submitted: 08.04.2021; approved after reviewing: 10.05.2021; accepted for publication: 30.11.2021.
The authors' alleged contribution: all the authors have made an equal contribution to the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.*

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-практическая статья
УДК 343.9 © В. А. Гусев, 2022
doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-102-108
5.1.4 Уголовно-правовые науки

Цифровая гигиена vs. киберпреступность

Дело помощи утопающим — дело рук самих утопающих.
И. Ильф и Е. Петров

Владимир Александрович Гусев¹, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника академии (по научной работе);
GusevVA@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3185-532X>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат

Введение. Киберпреступность сохраняет свои лидирующие позиции в общей структуре преступлений. Каждый гражданин, имеющий компьютерное устройство и выход в интернет, является потенциальной жертвой киберпреступников, поэтому актуальным средством обеспечения личной безопасности выступает соблюдение цифровой гигиены. Цель — определение наиболее эффективных мер цифровой гигиены и исследование условий их индивидуального применения. **Результаты и обсуждение.** Существует научно обоснованный и апробированный практикой комплекс мер, позволяющий обеспечить базовый уровень индивидуальной киберзащиты пользователя. Оптимальный набор активных действий в цифровой среде составляет сущность и содержание индивидуальной цифровой гигиены. **Выводы.** Каждый индивид самостоятельно определяет уровень кибербезопасности в меру своей осведомленности о способах защиты и желания их применения в своей жизнедеятельности.

Ключевые слова: киберпреступность; кибербезопасность; цифровая гигиена; профилактика

Для цитирования: Гусев В. А. Цифровая гигиена vs. киберпреступность // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 102–108. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-102-108>

Scientific and Practical Article
UDC 343.9 © V. A. Gusev, 2022
doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-102-108
5.1.4 Criminal Law Sciences

Digital Hygiene vs. Cybercrime

The task of helping the drowning people is in the hands of the drowning people themselves.
If I. and Petrov Ye.

Vladimir A. Gusev¹, Doctor of sciences (in Law), Associate-Professor, Deputy-Chief of the Academy (for scientific work);
GusevVA@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3185-532X>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract

Introduction. Cybercrime retains its leading position in the overall structure of crimes. Every citizen who has a computer device and access to the Internet is a potential victim of cybercriminals, so digital hygiene is an important means of ensuring personal security. The goal is to determine the most effective digital hygiene measures and study the conditions for their individual application. **Results and Discussion.** There is a scientifically substantiated and practically-tested set of measures that makes it possible to provide a basic level of individual user's cyber protection. The optimal set of active actions in the digital environment is the essence and content of individual digital hygiene. **Conclusions.** Each individual independently determines the level of cybersecurity to the extent of his awareness of the methods of protection and the desire to use them in his life.

Keywords: cybercrime; cyber security; digital hygiene; prevention

Citation: Gusev V. A. Digital Hygiene vs. Cybercrime. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 102–108 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-102-108>

Основные положения

1. В общей массе совершенных и совершаемых преступлений сохраняется тенденция к увеличению доли киберпреступлений, при этом привлечение лиц, их совершивших, к ответственности и возмещение причиненного вреда остаются на крайне низком уровне.

2. В условиях отсутствия у государственных правоохранительных органов эффективных инструментов профилактики киберпреступлений актуальным является самостоятельное обеспечение личной безопасности и сохранности своих денежных средств и имущества каждым субъектом цифровых информационно-коммуникационных отношений.

3. Эффективным способом индивидуальной профилактики киберпреступлений выступает соблюдение цифровой гигиены посредством применения комплекса мер, выработанных практикой обеспечения кибербезопасности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы.

Совокупность преступлений и лиц, их совершающих в киберпространстве с использованием компьютерных устройств и компьютерной сети, принято обозначать как киберпреступность (от *кибернетика* (с др.-греч. *искусство управления*) — наука об общих закономерностях получения, хранения, преобразования и передачи информации в сложных управляющих системах, будь то машины, живые организмы или общество). Именно сетевая коммуникация при помощи высокотехнологичных компьютеров, смартфонов и разнообразных гаджетов является необходимым условием определения преступления как кибернетического [1–3]. Безусловно, интернет, коммуникационные технологии и постоянно совершенствующиеся технические средства предоставили человечеству широкие возможности в области производства и распространения информации, осуществления банковских операций и финансовых расчетов, онлайн-продаж и приобретения товаров и услуг, а также обычной межличностной коммуникации людей на бытовом уровне, несмотря на географическую удаленность, межгосударственные политические отношения и карантинные ограничения. Однако, наряду с позитивными социально-экономическими изменениями в жизни общества, сетевая коммуникация посредством компьютерных устройств влечет за собой новые криминальные вызовы и угрозы, подвергающие граждан значительным рискам.

Действительно, реальный и потенциальный экономический ущерб от киберпреступлений значительно превышает размеры материального ущерба, причиняемого традиционными видами преступной деятельности. Зарубежные специалисты, основываясь на результатах своего исследования, отмечают, что серия киберпре-

ступлений, нацеленных на конкретную фирму, может не только повлечь потерю активов и репутации, но и полностью дестабилизировать ее торговую деятельность и уничтожить бизнес¹. При этом вероятность привлечения киберпреступников к уголовной ответственности и возмещения потерпевшим причиненного ущерба в результате киберпреступлений чрезвычайно мала [4]. Безусловно, катализатором криминальной активности в информационно-коммуникационной цифровой среде стали пандемия, вызванная коронавирусной инфекцией COVID-19 [5], и последовавший за ней карантин со значительным сокращением личного общения между людьми и преимущественный переход на онлайн-контакты, дистанционное приобретение товаров и услуг, а также вовлечение большого количества лиц в интернет-серфинг как способ свободного времяпрепровождения. Так, в мае 2020 г., практически в самом начале распространения коронавируса и введения карантина, специалисты Сбербанка обнаружили около 200 сетевых ресурсов, торгующих фальшивыми электронными пропусками, более 70 фейковых сайтов Госуслуг (с различными вариантами доменных имен — gosuslugi-16, covid-vyplaty, posobie и т. п.), а всего за первый квартал 2020 г. было выявлено свыше 10 тыс. мошеннических онлайн-ресурсов, что вдвое превысило показатели 2019 г.² Общий ущерб потерпевших от фишинговых схем, которыми мошенники атаковали весной 2020 г. пользователей сервисов объявлений Avito и «Юла», достигал 1 млн рублей в день³.

Очевидной тенденцией развития компьютерной преступности, по мнению исследователей, является отсутствие реальных инструментов контроля над ней со стороны государства, правоохранительных органов и общества [6]. Статистика фиксирует весьма скромные успехи в раскрываемости киберпреступлений и возмещении причиненного ими вреда, что обусловлено как несовершенством правового регулирования противодействия киберпреступности, так и технической и технологической отсталостью правоохранительных органов. Стремительное развитие цифровых технологий, всевозможные компьютерные программы, в том числе с элементами искусственного интеллекта; криптовалюты, обладающие свойствами анонимности; организованный и дистанционно удаленный характер компьютерной преступности — все это объективно предопределяет неспособность государственной «машины» контролировать данные процессы, а также общественного менталитета адекватно воспринимать все связанные с этим риски и угрозы.

Безусловно, виктимология на сегодняшний день достаточно успешно классифицировала криминальные деяния и категории лиц — возможных жертв конкретных общеуголовных и экономических преступлений, тради-

¹ *The Deloitte Consumer Review. Consumer data under attack: The growing threat of cyber crime. London, 2015.*

² *Фейковые госуслуги. В Сбербанке рассказали о «буме» мошеннических сайтов. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20200520/1571708379.html> (дата обращения: 16.10.2021).*

³ *Эксперты предупредили пользователей Avito и «Юлы» о новой схеме обмана. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/05/2020/5ebe738d9a79479136cd7846 (дата обращения: 15.10.2021).*

ционно совершаемых за последние сто лет. Однако киберпреступность не вписывается в рамки виктимологических шаблонов: каждый пользователь персонального компьютерного устройства, имеющий доступ к информационно-коммуникационным сетям, является потенциальным потерпевшим от киберпреступления, независимо от пола, возраста и социального статуса. Именно поэтому количество преступлений, совершенных в киберпространстве, растет пропорционально числу пользователей компьютерных сетей [7]. В связи с этим складывающаяся криминальная ситуация обуславливает не только обязанность государства обеспечивать киберзащиту своих граждан, но и самим гражданам на индивидуальном уровне заботиться о своей безопасности [8]. Как справедливо отмечают отдельные исследователи, основополагающим элементом системы противодействия киберпреступности служит профилактика, которая непосредственно связана с определенным уровнем осведомленности населения о рисках и необходимом поведении в цифровом пространстве, в том числе при участии в электронной коммерции [9]. Указанные обстоятельства предreshили актуальность и значимость такого элемента обеспечения индивидуальной цифровой защиты от киберпреступности, как цифровая гигиена.

Цель — определить и исследовать условия применения наиболее эффективных мер индивидуальной цифровой гигиены граждан.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы.

По существу, система цифровой безопасности включает в себя два основных элемента: программно-технические средства защиты и индивидуальную цифровую гигиену. Вне всякого сомнения, первый элемент крайне важен и, безусловно, является базовым. Однако, какое бы ни было надежное техническое оборудование и его программное обеспечение, они не стали панацеей. Киберпреступники постоянно совершенствуют свои криминальные технологии, и производители средств цифровой защиты просто не в состоянии предвосхитить их, а потому фактически вынуждены «латать дыры» в системе безопасности после успешных кибератак и взломов. Кроме того, несмотря на большое количество программных продуктов, призванных обеспечивать кибербезопасность, человек как носитель персональных данных и владелец индивидуальной информации выступает наиболее незащищенным звеном в цепи передачи информации и объектом применения методов социальной инженерии со стороны киберпреступников [10]. В связи с этим вызывают интерес результаты исследования, проведенные в 2019 г. компанией Proofpoint, занимающейся разработкой решений для безопасности электронной почты: менее 1% всех атак эксплуатируют уязвимости системы, остальные используют человеческий фактор⁴. Технические и технологические решения

кибербезопасности рано или поздно создать можно, но что делать с поступками и поведением людей?

Необходимо отметить очевидный факт: в подавляющем большинстве случаев целью киберпреступлений является получение материальной выгоды. Преступники, используя цифровые технологии и различные виды преступных деяний (кража, мошенничество, вымогательство и др.), стремятся завладеть денежными средствами потенциальных потерпевших или их имущественными правами, которые также в последующем приобретают денежный эквивалент. В эпоху глобальной цифровизации появляются и экзотические объекты преступных посягательств, например, виртуальные объекты собственности и цифровые продукты, которые могут существовать исключительно в электронном виде. Такой способ хранения, как предупреждает патентный поверенный, очень уязвим и без должного соблюдения цифровой гигиены может быть похищен [11].

Однако первоочередная задача киберпреступников — получение персональной информации, дальнейшее использование которой позволяет им либо влиять с помощью программно-технических средств на компьютерное устройство потерпевшего и (или) получить доступ к управлению его цифровыми ресурсами, либо оказывать противоправное воздействие на психику жертвы в целях осуществления ею криминально выгодных поступков. К сожалению, многие пользователи весьма фривольно распоряжаются информацией о себе, своих близких, друзьях и знакомых и распространяют ее в сетевом пространстве либо хранят в электронном виде на компьютерных устройствах. Неосмотрительное (негигиеничное) цифровое поведение создает объективные предпосылки для похищения данной информации и использования ее во вред самому владельцу. Кроме того, сегодня специалисты фиксируют такое социальное явление, как «цифровая амнезия». Современный вид *homo sapiens* не видит смысла запоминать номера телефонов, логины, пароли, если все это можно сохранить в памяти компьютера и извлечь их оттуда, когда возникнет необходимость [12]. Однако сделать это могут не только владельцы, но и злоумышленники, поэтому подобная человеческая слабость отрицательно сказывается на безопасности индивида и должна быть исключена при соблюдении мер цифровой гигиены.

Таким образом, современная криминальная обстановка характеризуется активным ростом киберпреступности и неспособностью правоохранительных органов своевременно выявлять и пресекать преступную деятельность в цифровом пространстве. В данных условиях весьма эффективным средством индивидуальной профилактики киберпреступлений выступает соблюдение пользователями компьютерных устройств элементарных правил цифровой гигиены.

⁴ Human Factor Report 2019. URL: <https://www.proofpoint.com/sites/default/files/gtd-pfpt-us-tr-human-factor-2019.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).

Результаты и обсуждение

Понятие цифровой гигиены в сфере информационной безопасности. Термин «гигиена» более привычен для нашего восприятия с точки зрения медицины. Как отмечается в Большой медицинской энциклопедии, гигиена (от греч. *hygieinos* — здоровый) — это наука, изучающая влияние разнообразных факторов окружающей среды и производственной деятельности на здоровье человека, его работоспособность, продолжительность жизни и разрабатывающая практические мероприятия, направленные на оздоровление условий жизни и труда человека⁵. Фактически соблюдать гигиену, в медицинском смысле этого слова, означает содержать свое тело, одежду, рабочее место и жилище в чистоте, что позволит избежать различных заражений и заболеваний.

Термин «цифровая гигиена» был введен специалистами в сфере информационной безопасности и сегодня широко применяется в их лексиконе. Действительно, в цифровом пространстве есть свои правила гигиены, а потому к содержанию своего виртуального рабочего места, использованию компьютерного устройства, интернет-ресурсов и потреблению информации стоит относиться так же, как к потреблению пищи, использованию физических предметов и вещей, к соблюдению санитарных норм и правил человека, желающего сохранить свой организм здоровым и жизнеспособным [13].

Под цифровой гигиеной следует понимать адекватное имеющимся киберугрозам и рискам поведение пользователя компьютерного устройства, интегрированного в цифровое пространство или способного подключиться к цифровым сетям и ресурсам, позволяющее обеспечить минимальный базовый уровень индивидуальной защиты от кибератак⁶. Адекватное поведение состоит из определенного перечня действий (а в некоторых случаях бездействия), исключающих неконтролируемый сбор злоумышленниками информации о пользователе и его окружении в целях причинения материального ущерба или морального вреда. Таким образом, в результате анализа специальных технических, юридических и педагогических источников информации можно предложить оптимальный набор активных действий и (или) пассивного поведения пользователя в цифровой среде, которые составляют сущность и содержание мер индивидуальной цифровой гигиены.

Характеристика поведения в цифровой среде и правила информационной безопасности

1. *Создавайте и используйте обезличенные логины и сложные пароли.* Логин — это уникальное имя учетной

записи, которое идентифицирует пользователя в компьютерных системах, и многие люди при его создании действуют свои фамилию и имя (инициалы). Это удобно, но позволяет злоумышленнику отождествить человека по адресу его электронной почты (отрицательный пример — мой электронный почтовый ящик: GusevVA@mail.ru), а затем попробовать подобрать его в качестве логина на других интернет-ресурсах.

Сложный пароль не обязательно длинный, он может состоять всего из 7–8 символов, но при этом быть достаточно сложным. Вот пример паролей: простой — sasha1987; сложный — \$asha_19B7. Но и здесь желательно избегать имен собственных и годов рождения, потому что они первые используются при попытке подбора. Кроме того, специалисты настоятельно рекомендуют не применять одинаковые логины и пароли на различных сетевых ресурсах, а также регулярно изменять их. В случае использования секретных вопросов формулировать следует такие, на которые ответ знаете только вы (например, вопросу о девичьей фамилии мамы следует предпочесть вопрос об имени вашей первой любви)⁷.

Современным решением создания многочисленных паролей являются менеджеры паролей (например, LastPass или 1Password), которые хранят все ваши коды и автоматически вводят их на сайтах, а вам достаточно помнить один мастер-пароль⁸. Создатели таких менеджеров уверяют в сохранении конфиденциальности и соблюдении безопасности хранения ваших паролей, к которым даже они не имеют доступа. Вместе с тем определенные сомнения в обеспечении абсолютной безопасности все-таки остаются, поэтому пользователь должен сам принимать решение об их применении.

2. *Обращайтесь к многофакторной аутентификации.* Если операционная система поддерживает двухфакторную аутентификацию, то специалисты настоятельно рекомендуют ею воспользоваться. Сущность ее заключается в том, что для входа в систему необходимо не только набрать пароль, но и применить второй способ аутентификации пользователя. Как правило, это проверка посредством электронной почты или код подтверждения, высланный на мобильный телефон. Достаточно часто вторым фактором аутентификации выступают биометрические данные: отпечаток пальца или распознавание лица (FaceID). Двухфакторная аутентификация особенно актуальна при осуществлении платежей и денежных переводов, так как, даже завладев паролем, киберпреступник не сможет украсть деньги с вашего счета, потому что вы не подтвердите неизвестный вам денежный перевод.

⁵ Она включает ряд самостоятельных дисциплин — коммунальную гигиену, гигиену труда, гигиену питания, гигиену детей и подростков и др. (Большая медицинская энциклопедия. URL: <https://бмэ.опр/index.php/ГИГИЕНА> (дата обращения: 25.10.2021)).

⁶ *Топ базовых правил цифровой гигиены.* URL: https://sysadmin-note.ru/fast/top_bazovyih_pravil_tsifrovoy_gigienyi/ (дата обращения: 20.10.2021).

⁷ *Цифровая гигиена.* URL: <https://www.concise.ru/czifrovaya-gigiena/> (дата обращения: 19.10.2021).

⁸ *Семь правил цифровой гигиены, за которые вы скажете спасибо.* URL: <https://lifehacker.ru/cifrovaya-gigiena> (дата обращения: 16.10.2021).

В последнее время широкое распространение получил метод авторизации и аутентификации на основе токенов (электронной подписи) — устройств, предназначенных для идентификации его владельца и обеспечения его информационной безопасности⁹. Такой способ на сегодняшний день является наиболее надежным с точки зрения киберзащиты, поэтому используется для обеспечения безопасности цифровых валют, документов и административного доступа, преступное посягательство на которые может повлечь значительный экономический ущерб и необратимые юридические последствия.

3. *Имейте несколько аккаунтов на различных электронных почтовых сервисах.* Для деловой и неконфиденциальной переписки вполне подходит адрес с фамилией и именем (тот же пример — GusevVA@mail.ru). Это позволяет коллегам, партнерам, клиентам, пациентам (в зависимости от вида деятельности) идентифицировать вас и запомнить среди многих прочих. Для личного, интимного общения предлагается завести другой почтовый аккаунт, наименование которого не должно ассоциироваться с личностью его пользователя. Специалисты рекомендуют регулярно «чистить» свой электронный почтовый ящик, периодически удалять всю переписку.

Кроме того, следует осторожно открывать электронные письма с неизвестных адресов и тем более переходить по содержащимся в них ссылкам, необходимо помнить, что в них могут содержаться вредоносные программы. Необходимо знать, что в последнее время широкое распространение получили фишинговые (фишинг (англ. *fishing*) — рыбная ловля, выживание) атаки, которые осуществляются путем массовых рассылок электронных писем от имени популярных брендов, банков, знакомых пользователей социальных сетей со ссылкой на мошеннический сайт, внешне не отличимый от настоящего. Цель такой атаки — получение конфиденциальных данных пользователя (персональных данных, логинов, паролей и др.) с последующим доступом к банковским картам и платежным системам¹⁰.

4. *Исключите хранение в виртуальных ресурсах сканированных копий важных документов.* Достаточно часто люди хранят электронные копии паспортов, свидетельств о рождении, заключении брака и других документов в памяти смартфона или в виртуальном «облаке». Чтобы исключить потенциальный несанкционированный вами доступ к ним посторонних лиц, предлагается хранить их на флеш-карте, которая будет подключаться к компьютерному устройству только по необходимости.

5. *Сохраняйте приватность в социальных сетях.* Если ваша работа не связана с максимальной популяризацией своей личности, следует соблюдать разумные пределы публичности своего аккаунта в социальной сети.

Имена и фамилии родственников и друзей, их фотографии, года их рождения, наименование мест отдыха и частого посещения, даты и время тех или иных событий в вашей жизни — вся эта личная информация может весьма эффективно использоваться мошенником для установления с вами доверительных отношений и введения вас в заблуждение относительно истинных целей его общения с вами. Кличка домашнего питомца, марка личного автомобиля, приверженность к какому-либо бренду и многое другое, афишируемое вами в соцсетях, может быть частью логина, пароля или секретным вопросом для их восстановления. Выкладывая эту информацию о себе и своем окружении на всеобщее обозрение, человек создает условия для того, чтобы стать наиболее вероятным объектом для кибератаки. В идеале аккаунт должен быть закрытым с разрешенным вами доступом только для проверенных контактов (родственников, друзей, коллег), не рекомендуется в социальных сетях принимать запросы на «дружбу» от незнакомых людей. Однако и в этом случае следует оценивать, что и кому вы говорите или пишете. Отключите геотеги на фотографиях и не отмечайте на них имена своих близких и знакомых.

6. *Не предоставляйте посторонним лицам доступ к вашему смартфону или ноутбуку.* Сегодня просьба воспользоваться чужим личным компьютерным устройством для выхода в интернет, безусловно, за исключением чрезвычайных обстоятельств, выглядит примерно так же, как просьба одолжить вашу зубную щетку или нательное белье: некорректно и негигиенично. Более того, именно ваш IP-адрес будет зафиксирован в случае посещения таким лицом запрещенных интернет-ресурсов, не говоря уже о том, что в процессе пользования за непродолжительный период времени можно изменить настройки конфиденциальности на вашем устройстве и открыть определенные доступы, о которых вы можете даже не узнать. Если же в условиях форс-мажора этого не избежать, не оставляйте свой компьютер и такое лицо наедине. В прямом смысле «заглядывайте ему через плечо», даже в ущерб вашей репутации культурного человека.

7. *Аккуратно пользуйтесь Wi-Fi.* Крайне осторожно нужно относиться к сети Wi-Fi в местах общего пользования: гостиницах, ресторанах, торговых центрах и т. п., а обращение к мобильному банку посредством публичных сетей Wi-Fi лучше вообще исключить. Специалисты не рекомендуют даже оставлять стационарный компьютер постоянно подключенным к домашнему Wi-Fi, если нет необходимости взаимодействия по интернету.

8. *Контролируйте работу приложений на ваших компьютерных устройствах.* Необходимо отслеживать, какие доступы на ваших устройствах получают вновь

⁹ Токен. URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/token/> (дата обращения: 19.10.2021); Токен авторизации. URL: <https://habr.com/ru/post/534092/> (дата обращения: 19.10.2021); Что такое токен. URL: https://kontur.ru/ca/spravka/38-cto_takoe_token (дата обращения: 19.10.2021).

¹⁰ Почему работает фишинг и как с ним бороться. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/how-to-avoid-phishing/5411/> (дата обращения: 28.10.2021).

скачиваемые или уже установленные приложения (доступ к видеокамере, микрофону, геопозиции, фотогалерее, телефонной книге и т. д.). В списке приложений с доступом к данным сервисам должны быть только широко известные программы, которым такой доступ необходим для полноценной работы. Тогда как игровым приложениям совсем не обязательно видеть вас через камеру смартфона и знать, где вы сейчас находитесь. Эти данные также могут быть использованы вам во вред в случае их похищения или подключения к ним злоумышленников.

Регулярно проверяйте историю финансовых операций в вашем банковском приложении. При этом на основной (часто используемой в том числе при онлайн-покупках) банковской карте следует хранить минимальную сумму денежных средств, возможная потеря которых в результате кибератаки не повлечет серьезного ущерба для вашего бюджета. Кроме того, следует иметь в виду, что если вы часто расплачиваетесь банковской картой в мобильных приложениях, вам может быть подключен автоматический платеж.

9. *Создавайте резервные копии важных файлов.* Не храните все данные на одном компьютерном устройстве или телефоне. Помимо его банального технического повреждения и поломки с последующей потерей всей информации, хакеры могут заблокировать доступ к ним и требовать от вас денежное вознаграждение за его восстановление. Наиболее надежным способом хранения резервных копий является копирование файлов на внешний носитель, который подключается к компьютеру только по мере необходимости. Эту функцию можно автоматизировать. Так, в операционных системах Mac и Windows существует встроенная возможность создавать резервные копии на внешнем носителе, а на рынке информационных услуг функционируют специальные платные сервисы, которые регулярно копируют и сохраняют ваши данные.

10. *Регулярно обновляйте программы и операционные системы на всех компьютерных устройствах.* Каждый пользователь должен знать, что разработчики программного обеспечения постоянно анализируют возникающие угрозы и выявляют уязвимости системы, которые устраняют в программных обновлениях. Именно поэтому установка обновлений, предлагаемых операционной системой, относится к основным правилам цифровой гигиены. Чтобы не забывать об апдейтах, можно подключить автоматическое обновление. Рекомендуется удалять программы и приложения, которыми вы перестали пользоваться или которые больше не поддерживаются разработчиками. Не следует забывать о роутере и других «умных» устройствах: им тоже необходимы регулярные обновления, которые можно установить, следуя инструкциям на сайте производителя.

11. *Не скачивайте и не используйте украденные программные продукты.* Достаточно часто на неизвестных и непроверенных сайтах бесплатно предлагаются «взломанные» дорогостоящие игры, фильмы, музыкальные произведения, компьютерные программы и т. п. Следует иметь в виду, что в них могут содержаться замаскированные вредоносные программы, которые позволяют проникать хакерам в компьютерные устройства любителей «бесплатного сыра».

12. *Устанавливайте на свои компьютерные устройства специальные программы-антивирусы.* Согласно последним исследованиям, около 25% домашних компьютеров не используют никаких средств антивирусной защиты, и взломы таких машин происходят в среднем в 5,5 раза чаще, чем компьютеров, где установлено специальное программное обеспечение [14]. Антивирусные программы бывают платные и бесплатные (качество их, соответственно, тоже отличается), но они обеспечивают определенный уровень защиты от вторжения на компьютерное устройство уже известных и ранее использованных киберпреступниками вредоносных программ.

Выводы

На современном этапе практика информационной безопасности выработала достаточно эффективный комплекс мер индивидуальной цифровой гигиены пользователя. Этих мер вполне достаточно, чтобы на бытовом уровне обезопасить себя подавляющему большинству граждан. Однако в цифровом пространстве безопасность всегда конфликтует с комфортом пользователя: чем сложнее механизм защиты, тем меньше удобства в пользовании компьютерным устройством и его программным обеспечением. Поэтому на вопрос, насколько далеко вы готовы пойти в процессе внедрения алгоритмов безопасности, нет однозначного ответа: каждый пользователь решает сам с учетом своих потребностей [14].

Перспективы. Прогноз криминальной обстановки в мире неутешителен: многочисленные эксперты едины во мнении, что киберпреступность будет расти как в количественных, так и в качественных показателях. С учетом этой негативной тенденции адекватной реакцией государства и общества, на наш взгляд, будет являться обучение граждан способам индивидуальной киберзащиты, мерам и правилам цифровой гигиены на самых ранних стадиях развития. Смартфоны становятся спутниками современных детей, пожалуй, уже с дошкольного возраста, однако, получая их в пользование, дети не имеют никакого понятия о конфиденциальности, вирусах, фишинге, кибербуллинге и других проблемах безопасности в интернете. Именно поэтому полагаем необходимым включить в школьную программу обучение основам цифровой гигиены и поведения в интернет-пространстве.

Список источников

1. Чекунов И. Г. Понятие и отличительные особенности киберпреступности // Российский следователь. 2014. № 18. С. 53–56.
2. Летелкин Н. В. К вопросу об определении понятия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы XV междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 619–622.
3. Саркисян А. Ж. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Российский следователь. 2019. № 3. С. 54–59.
4. Далгалы Т. А. Киберкриминология: вызовы XXI века // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 19–21.
5. Денисов Н. Л. Негативные изменения киберпреступности в период пандемии и пути противодействия им // Безопасность бизнеса. 2020. № 4. С. 37–42.
6. Евдокимов К. Н. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия компьютерной преступности в России (социологическое исследование) // Российский следователь. 2020. № 11. С. 41–44.
7. Воронцова С. В. Киберпреступность: проблемы квалификации преступных деяний // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 14–15.
8. Крайнова Н. А. Права и технологии в сфере противодействия киберугрозам // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 23–31.
9. Кецко К. В. Преступность в сфере электронной коммерции // Российский следователь. 2021. № 9. С. 58–63.
10. Унукович А. С. Социальная инженерия и кибербезопасность: виктимологический аспект // Психология и педагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 3(86). С. 346–351. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-3-86-346-351>.
11. Благополучная К. В. О новой системе верификации цифровых файлов WIPO PROOF // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 7. С. 37–44.
12. Черешнев Е. Форма жизни № 4: как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта. М., 2022. С. 320–322.
13. Смирнов К. Цифровая гигиена: правила информационной безопасности, которым стоит научить своих детей. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/395719-cifrovaya-gigiena-pravila-informacionnoy-bezopasnosti-kotorym-stoit-nauchit>.
14. Стуров Д. Правила цифровой гигиены: как жить в гармонии с диджитал-миром. URL: <https://reputation.moscow/2021/03/16/pravila-czifrovoj-gigieny/>.

Поступила 08.11.2021; одобрена после рецензирования 22.11.2021; принята в печать 30.11.2021.

References

1. Chekunov I. G. Concept and peculiarities of cybercrime. *Russian Investigator*. 2014. No. 18. Pp. 53–56. (In Russ.)
2. Letelkin N. V. To the issue of defining the concept of crimes committed via informational telecommunication networks (including the Internet). *Criminal Law: strategy of development in the 21st century. Materials of the 15th international scientific and practical conference. Moscow, 2018*. Pp. 619–622. (In Russ.)
3. Sarkisyan A. Zh. Criminological characteristics of crimes committed in the sphere of informational communication technologies. *Russian Investigator*. 2019. No. 3. Pp. 54–59. (In Russ.)
4. Dalgaly T. A. Cyber Criminology: challenges of the 21st century. *Russian Justice*. 2020. No. 10. Pp. 19–21. (In Russ.)
5. Denisov N. L. Negative changes of cybercrime during pandemics and ways to counteract them. *Business Security*. 2020. No. 4. Pp. 37–42. (In Russ.)
6. Evdokimov K. N. Criminology and Criminal Law aspects of counteracting computer crimes in Russia (sociological study). *Russian Investigator*. 2020. No. 11. Pp. 41–44. (In Russ.)
7. Vorontsova S. V. Cybercrime: problems of classifying of criminal acts. *Russian Justice*. 2011. No. 2. Pp. 14–15. (In Russ.)
8. Kraynova N. A. Rights and technologies in the sphere of counteracting cyber threats. *Law and Digital Economics*. 2021. No. 2. Pp. 23–31. (In Russ.)
9. Ketsko K. V. E-commerce Crime. *Russian Investigator*. 2021. No. 9. Pp. 58–63. (In Russ.)
10. Unukovich A. S. Social engineering and Cyber security: the Victimological aspect. *Psychology and Pedagogy in Law Enforcement*. 2021. Vol. 26, No. 3(86). Pp. 346–351. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-3-86-346-351>. (In Russ.)
11. Blagopoluchnaya K. V. On the new system of verification of digital files WIPO PROOF. *Intellectual Property. Copyright and related rights*. 2020. No. 7. Pp. 37–44. (In Russ.)
12. Chereshnev E. Form of life No. 4: How to stay human in the age of artificial intelligence. Moscow, 2022. Pp. 320–322. (In Russ.)
13. Smirnov K. Digital hygiene: rules of information security to be taught to children. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/395719-cifrovaya-gigiena-pravila-informacionnoy-bezopasnosti-kotorym-stoit-nauchit>. (In Russ.)
14. Sturov D. Rules of digital hygiene: how to live in harmony with digital world. URL: <https://reputation.moscow/2021/03/16/pravila-czifrovoj-gigieny/>. (In Russ.)

Submitted: 08.11.2021; approved after reviewing: 22.11.2021; accepted for publication: 30.11.2021.

Краткое сообщение

УДК 340 © М. А. Буцакова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-109-112

5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки

Правовое регулирование борьбы с бродяжничеством, туеядством и попрошайничеством в Советской России

Марина Александровна Буцакова¹, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права; mb290163@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1149-5315>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат

Введение. Бродяжничество, попрошайничество, туеядство — антисоциальные явления, представляющие определенную общественную опасность для общества, выступающие благоприятной средой для преступных элементов, наркоманов и алкоголиков. **Результаты и обсуждение.** В Советской России разрешалась проблема искоренения бродяжничества, туеядства и попрошайничества, прежде всего, на идеологической основе. Антисоциальные элементы подвергались различным мерам наказания, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Активная роль в противодействии бродяжничеству и попрошайничеству была возложена на органы внутренних дел. **Выводы.** Опыт Советской России по борьбе с бродяжничеством, туеядством и попрошайничеством считается уникальным, так как позволил практически полностью искоренить этот вид поведения граждан. Опыт борьбы с указанными антисоциальными явлениями в современных условиях свидетельствует о необходимости комплексного подхода к ним.

Ключевые слова: борьба; правовое регулирование; искоренение; антисоциальные элементы

Для цитирования: Буцакова М. А. Правовое регулирование борьбы с бродяжничеством, туеядством и попрошайничеством в Советской России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 109–112. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-109-112>

Brief Report

UDC 340 © M. A. Buchakova, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-109-112

5.1.1 Theoretical and Historical Law Sciences

Legal Regulation of Fighting Vagrancy, Parasitism and Begging in Soviet Russia

Marina A. Buchakova¹, Doctor of sciences (in Law), Associate-Professor, chief of the chair of Constitutional and International Law; mb290163@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1149-5315>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract

Introduction. Vagrancy, begging, parasitism, being antisocial phenomena, pose a certain social danger to society and act as a favorable environment for criminal elements, drug addicts and alcoholics. **Results and Discussion.** In Soviet Russia, the problem of eradicating vagrancy, parasitism and begging was solved, primarily on an ideological basis. Antisocial elements were subject to various punishments up to criminal prosecution. An active role of counteracting vagrancy and begging was played by law enforcement bodies. **Conclusions.** The experience of Soviet Russia in combating vagrancy, parasitism and begging is unique, as it allowed for almost complete eradication of this type of citizens' deviant behavior. The experience of fighting the mentioned antisocial phenomena under modern conditions proves the necessity of using a complex approach.

Keywords: fight; legal regulation; eradication; antisocial elements

Citation: Buchakova M. A. Legal Regulation of Fighting Vagrancy, Parasitism and Begging in Soviet Russia. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 109–112 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-109-112>

Основные положения

1. Бродяжничество, туеядство и попрошайничество традиционно относят к разновидности негативного девиантного поведения.

2. В советской период предпринимались целенаправленные меры по борьбе с данными общественно опасными явлениями, которые оказались успешными и позволили практически полностью искоренить такие виды девиантного поведения граждан. Использовался широкий спектр социально-медицинских мер, направ-

ленных на размещение подобных лиц в учреждения социального типа с последующей реабилитацией, а также применение юридической ответственности к тем, кто не желал изменять свой образ жизни.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы.

Актуальность исследования данной проблематики сохраняется на современном этапе развития общества в силу того, что бродяжничество и попрошайничество в России как разновидности девиантного поведения

имеют место и сейчас, представляя несомненную угрозу для жизнедеятельности общества [1].

Бродяжничество, попрошайничество, тунеядство — антисоциальные явления, известные еще с периода Древней Руси, представляющие определенную общественную опасность для общества. Традиционно они выступали благоприятной средой для преступных элементов, наркоманов и алкоголиков.

Зарубежные ученые рассматривают попрошайничество как продукт социальной эксклюзии и в числе его основных причин выделяют процессы экономической глобализации, которые ограничивают шансы на рынке труда, осложняют доступ к социальным услугам и тем самым выталкивают людей на улицу [2–6].

С применением историко-правового метода нам удалось рассмотреть в ретроспективном аспекте правовое регулирование борьбы государства с бродяжничеством, тунеядством и попрошайничеством. Нормативные акты, действовавшие в советский период, а также системный метод, основывающийся на учете сложившейся тогда экономической и политической ситуации в стране, позволили создать целостную картину борьбы с данными социальными явлениями в Советской России.

Результаты и обсуждение

О понятии бродяжничества и попрошайничества.

Согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова «бродяга — обнищавший, бездомный человек», «бродяжничать — скитаться, быть бродягой»¹. В «Комплексном словаре русского языка» говорится, что «бродяга — человек, у которого нет постоянного местожительства и постоянной работы»². «Попрошайничеством является систематическое выпрашивание у посторонних лиц (под различными предлогами и без них) денег, продуктов питания, одежды, других материальных ценностей»³.

В России в конце XIX — начале XX вв. численность нищих возросла и, по разным оценкам, достигла более миллиона человек. Например, Д. Линева говорил об «армии нищенствующих», составляющей 2–3 млн человек [7]. События, связанные с Первой мировой войны, революционные потрясения 1917 г., а также последующая за этим гражданская война усугубили проблему тунеядствующих и бродяжничавших.

Меры искоренения и профилактики. В первые годы советской власти борьба с этими антисоциальными явлениями носила преимущественно репрессивный, карательный характер. Так, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, утвержденная III Все-

российским съездом Советов 12 января 1918 г., ввела всеобщую трудовую повинность⁴. Это положение легло в основу Конституции РСФСР 1918 г., в которой было дано определение лиц, живущих на нетрудовые доходы, и закреплялась норма о лишении их избирательных прав, в дальнейшем получившая развитие в Конституции СССР 1924 г.

В этот же период для борьбы с попрошайничеством народным комиссаром социального обеспечения было издано распоряжение № 69, в котором предлагалось немедленно принять меры к искоренению данного социального явления [8, с. 26–38]. Одновременно трудовая повинность для всех граждан РСФСР была закреплена Кодексом законов о труде 1918 г.⁵, а реализация законодательно установленных положений была предусмотрена декретами СНК РСФСР 1919–1920 гг.

Значение трудовой повинности заключалось в тотальном обеспечении лиц трудовой функцией и ликвидации тунеядцев. Те, кто нарушал требования декретов, уклоняясь от выполнения трудовой повинности, дезертируя с работ и др., передавались суду революционного трибунала⁶.

В декрете СНК РСФСР от 14 мая 1920 г. «О трудовом дезертирстве и органах борьбы с ним»⁷ обращалось внимание на необходимость беспощадной борьбы с любыми проявлениями паразитизма. При этом были определены все его формы, что позволяло дифференцировать тунеядствующих лиц от тех, кто не мог осуществлять трудовую повинность по вполне объективным причинам, связанным с состоянием здоровья. Функция борьбы с трудовым дезертирством возлагалась на Главный комитет по всеобщей трудовой повинности и его местные органы.

Постановлением ВЦИК и Совнаркома от 29 августа 1929 г. «О мероприятиях по ликвидации нищенства и беспризорности взрослых»⁸ были установлены меры социального характера, направленные на перевоспитание бродяг и попрошаек. Гуманность государства проявилась в создании и размещении нетрудоспособных в дома инвалидов. Трудовое перевоспитание указанных лиц проводилось путем устройства их в разные виды социальных учреждений. Первичным звеном являлось размещение поступающих лиц в распределители, где устанавливали их социальное положение и трудоспособность. Проводилось медицинское освидетельствование на предмет выяснения пригодности к осуществлению трудовой деятельности. Все прибывшие лица

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2015. С. 174.

² Комплексный словарь русского языка / под ред. А. Н. Тихонова. М., 2001. С. 53.

³ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2015. С. 294.

⁴ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 3(16) января 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

⁵ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 87–88.

⁶ Там же. 1920. № 8, ст. 49.

⁷ Постановление СНК о трудовом дезертирстве и органах борьбы с ним // Собрание узаконений. 1920. № 35, ст. 168.

⁸ Собрание узаконений РСФСР. 1929. № 67, ст. 659.

распределялись по категориям, а затем решался вопрос об их дальнейшем устройстве: направлении на работу, учебу, в социальные учреждения для нетрудоспособных или по прежнему месту жительства. Для тех, кто рассматривал занятие нищенством в качестве постоянной профессии и не желал менять образ жизни, создавались учреждения с мастерскими или трудовыми сельскохозяйственными колониями. Считалось, что эти лица подлежат перевоспитанию посредством работы в данных учреждениях. Кроме того, для злостных профессионалов-нищих, а также нищенствующих, имеющих связь с преступными элементами, открывались специальные учреждения принудительного трудового перевоспитания с особым режимом содержания. Организация указанных учреждений и проведение мероприятий по борьбе с нищенством и беспризорностью взрослых возлагались на народный комиссариат социального обеспечения РСФСР и на местные органы социального обеспечения. Определенные функции отводились и Народному комиссариату внутренних дел. Родственники безработных на основании Кодекса законов о браке, семье и опеке были обязаны содержать их. К лицам, нуждающимся в помощи, принимались меры по передаче их на попечение родственников в установленном порядке. Кроме того, на родственников и иных соответствующих лиц возлагалась ответственность за невыполнение обязанностей по их содержанию. Такой дифференцированный подход к антисоциальным элементам позволил в короткие сроки сократить число тунеядствующих лиц.

После окончания Великой Отечественной войны число таких негативных социальных явлений, как бродяжничество, беспризорность несовершеннолетних, попрошайничество, возросло.

В 50-х гг. XX в. попрошайки и бродяги относились к антиобщественным элементам, и государством предпринимались активные меры по борьбе с этими категориями лиц. Прежде всего, к данным мерам относились выселение из города и лишение свободы на минимальный срок. Действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами»⁹. Согласно архивным данным, в 1952 г. МВД было задержано 156 817 человек, в 1953 г. — 182 342 человека; в числе нищих инвалиды войны и труда составляли 70%, лица, впавшие во временную нужду, — 20%, профессиональные нищие — 10% и пр. [9, с. 105]. Борьба стала вестись не только с лицами, ведущими «антиобщественный и паразитический» образ жизни, но даже с целыми национальными меньшинствами. Так,

был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 г. «О приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством»¹⁰.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. была предусмотрена уголовная ответственность за систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством с лишением свободы до двух лет или исправительными работами от 6 до 12 месяцев (ст. 209 УК РСФСР).

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»¹¹ такие лица подвергались приводу в органы внутренних дел и им делалось официальное предупреждение. Под положения данного нормативного правового акта подпадали трудоспособные лица в возрасте от 18 лет, мужчины до 60 и женщины до 55 лет, которые длительное время (более четырех месяцев) уклонялись от общественно полезного труда и вели антиобщественный паразитический образ жизни.

Органы социального обеспечения, обязанные содержать лиц, задержанных за бродяжничество и попрошайничество, не имели необходимого опыта и финансовых средств для борьбы с антисоциальными элементами. Возникла необходимость передачи функции борьбы с рассматриваемым антиобщественным явлением, равно как и учреждений для содержания вышеназванных лиц, органам внутренних дел.

Распоряжением Совета Министров СССР от 15 февраля 1955 г. № 930-рс в ведение областных и городских управлений милиции передавались оборудованные помещения для организации приемников для лиц, задержанных за попрошайничество и бродяжничество.

Опыт правоприменительной деятельности использования приемников-распределителей показал целесообразность десятидневного срока задержания для выявления среди задержанных бродяг преступников. При этом оперативные работники, контактируя с данной категорией лиц, руководствовались общими положениями об агентурной работе.

Однако предпринимаемые меры не всегда достигали желаемого результата, так как задерживаемые бродяги после освобождения возвращались к прежнему образу жизни.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью» обращалось серьезное внимание на необходимость активизации работы по предупреждению тунеядства, в частности, таких его опасных форм,

⁹ Сборник основных нормативных актов органов государственной власти и управления об уголовной ответственности за преступления и освобождении от наказания. М., 1968.

¹⁰ Информационный бюллетень о цыганском национальном меньшинстве. Будапешт, 2006. С. 14.

¹¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 38, ст. 932.

как бродяжничество, что должно было способствовать дальнейшему сокращению преступности [10, с. 3].

В 1970 г. МВД СССР был издан приказ, регламентирующий деятельность органов внутренних дел (милиции) по борьбе с бродяжничеством и попрошайничеством, основные функции, связанные с данной категорией лиц, перешли к органам внутренних дел.

Выводы

За годы советской власти продуктивно разрешилась проблема искоренения бродяжничества, тунеядства и попрошайничества. Ее осуществление происходило на идеологической основе, ведущим принципом того времени являлся девиз: «Кто не работает, тот не ест». Антисоциальные элементы подвергались различным мерам наказания, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Активное участие в

противодействии бродяжничеству, тунеядству и попрошайничеству принимали органы внутренних дел [11, с. 42], в ведении которых находились приемники-распределители, позволяющие дифференцировать лиц данной категории. Одновременно применялись меры экономического и социального характера, проявляющиеся в высоких темпах строительства жилья и последующем его предоставлении гражданам.

Историко-правовой опыт борьбы с антисоциальными явлениями в виде бродяжничества и попрошайничества свидетельствует о необходимости комплексного подхода к ним. Это включает широкий спектр социально-медицинских мер, направленных на реабилитацию данных лиц с возможностью размещения их в учреждениях социального типа, а также применение юридической ответственности к лицам, не желающим изменять свой образ жизни.

Список источников

1. Теохаров А. К., Бондарь А. Я., Шилова И. М. Детерминанты попрошайничества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 4(79). С. 456–464. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-14015>.
2. Adriaenssens S., Hendrickx J. Street-level informal economic activities: Estimating the yield of begging in Brussels. *Urban studies. Abingdon*. Vol. 48, № 48. 2011. Pp. 23–40.
3. Glasser I., Bridgman R. Braving the Street: The Anthropology of Homelessness. N.-Y., 1999. 134 p.
4. Kennedy C., Fitzpatrick S. Begging, rough sleeping and social exclusion: Implications for social policy. *Urban studies. Abingdon*. Vol. 38, № 11. 2001. Pp. 2001–2016.
5. Murdoch A. We are human too: A study of people who beg. London, 1994. 44 p.
6. Hartley D. Begging questions: street level economic activity and social policy failure. Bristol, 1999. 256 p.
7. Дьяконов И. Ю. Нищенство в дореволюционной России // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 26–38.
8. Джафаров С. А., Рябинин В. Н. За чужой счет: борьба с паразитическим образом жизни. М., 1986. 96 с.
9. Беркутов А. С., Кравченко Е. В. Борьба с бродяжничеством в СССР в 1950–1960-е годы // Философия права. 2016. № 2(75). С. 104–111.
10. Антонян Ю. М., Цвелодуб И. П. Борьба с тунеядством, бродяжничеством и попрошайничеством. М., 1974. 29 с.
11. Буцакова М. А., Дизер О. А. О координации деятельности органов публичной власти в области противодействия бродяжничеству и попрошайничеству // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. СПб., 2017. С. 42–46.

Поступила 26.09.2021; одобрена после рецензирования 30.10.2021; принята в печать 30.08.2021.

References

1. Teokharov A. K., Bondar' A. Ya., Shilova I. M. Determinants of Begging. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2019. Vol. 24, No. 4(79). Pp. 456–464. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2019-14015>. (In Russ.)
2. Adriaenssens S., Hendrickx J. Street-level informal economic activities: Estimating the yield of begging in Brussels. *Urban studies. Abingdon*. Vol. 48, No. 48. 2011. Pp. 23–40.
3. Glasser I., Bridgman R. Braving the Street: The Anthropology of Homelessness. N.-Y. Oxford, 1999. 134 p.
4. Kennedy C., Fitzpatrick S. Begging, rough sleeping and social exclusion: Implications for social policy. *Urban studies. Abingdon*. Vol. 38, No. 11. 2001. Pp. 2001–2016.
5. Murdoch A. We are human too: A study of people who beg. London, 1994. 44 p.
6. Hartley D. Begging questions: street level economic activity and social policy failure. Bristol, 1999. 256 p.
7. Diakonov I. Yu. Begging in pre-revolutionary Russia. *Ethnographic Review*. 2007. No. 3. Pp. 26–38. (In Russ.)
8. Jafarov S. A., Ryabinin V. N. At someone else's expense: the fight against a parasitic lifestyle. Moscow, 1986. 96 p. (In Russ.)
9. Berkutov A. S., Kravchenko E. V. Fighting begging in the USSR in the 1950-1960s. *Philosophy of Law*. 2016. No. 2(75). Pp. 104–111. (In Russ.)
10. Antonyan Yu. M., Tsveldub I. P. The fight against parasitism, vagrancy and begging. Moscow, 1974. 29 p. (In Russ.)
11. Buchakova M. A., Dizer O. A. On coordination of governmental bodies' activity in counteracting vagrancy and begging. Current problems of Administrative and Administrative Procedural Law. St. Petersburg, 2017. Pp. 42–46.

Submitted: 26.09.2021; approved after reviewing: 30.10.2021; accepted for publication: 30.11.2021.

Научно-практическая статья

УДК 342.9 © Т. В. Голованова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-113-119

5.1.4 Уголовно-правовые науки

5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Административно-правовые средства профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах

Татьяна Валерьевна Голованова¹, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел; tgolovanova2010@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9230-3890>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат

Введение. Правонарушение, совершенное в общественном месте, вызывает общественный резонанс, подрывает чувство защищенности людей, уверенности в безопасности личности в государстве. Построение эффективной системы административно-правовых средств профилактики правонарушений, совершаемых в общественном месте, выступает стратегической задачей в обеспечении национальной безопасности. Гарантия защищенности общественного места — наиболее короткий путь к снижению общего количества преступлений, а также повышению авторитета правоохранительной системы в стране.

Материалы и методы. Изучались статистические данные о правонарушениях, совершаемых в общественных местах, научная литература, в том числе зарубежная, посвященная профилактике правонарушений, совершаемых в общественных местах, правовая база, содержащая правила поведения в общественных местах, ограничения, связанные с этим, правовой статус правоохранительных формирований, участвующих в охране общественного порядка. Методологической базой исследования выступает формально-юридический метод, а также общие подходы и методы, относящиеся к методологическому аппарату юридической науки: анализ, синтез, системный подход. Проинтервьюировано 162 человека, из них 67 сотрудников полиции (участковых уполномоченных полиции и сотрудников патрульно-постовой службы полиции), а также 17 представителей правоохранительных формирований граждан различных организационно-правовых форм. **Результаты и обсуждение.** Профилактика правонарушений, совершаемых в общественных местах, представляет собой совокупность правовых и организационных способов воздействия на причины и условия совершения правонарушения. Личность правонарушителя должна изучаться как общее социальное явление вне зависимости от тяжести противоправного деликта. Особенностью административно-правовых средств профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах, выступает значимость состояния общественного места как самостоятельного объекта профилактического воздействия. **Выводы.** Система административно-правовых средств профилактики правонарушений, совершенных в общественных местах, охватывает правовые и организационные средства обеспечения безопасности общественного места и воздействие на лиц, находящихся в общественном месте, в том числе ограничивает присутствие здесь лиц определенной категории. Положительные результаты профилактики указанных правонарушений достигаются эффективными силами охраны общественного порядка, включающими государственные и частные формирования граждан правоохранительной направленности.

Ключевые слова: профилактика правонарушений; общественное место; система профилактики; полиция

Для цитирования: Голованова Т. В. Административно-правовые средства профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1(88). С. 113–119. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-113-119>

Scientific and Practical Article

UDC 342.9 © Т. В. Голованова, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-188-113-119

5.1.4 Criminal Law Sciences

5.1.2 Public Law Sciences

Administrative and Legal Means to Prevent Offenses Committed in Public Places

Tatyana V. Golovanova¹, Candidate of sciences (in Law), Associate-Professor of the chair of Administrative Law and Administrative Activity of Law Enforcement bodies; tgolovanova2010@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9230-3890>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract

Introduction. An offense committed in a public place causes a public response, undermines people's sense of security, confidence in the effectiveness of the system of personal security in the state. Building an effective system of administrative and legal means to prevent offenses committed in public places is a strategic task in ensuring national security. Ensuring the security of a public place is the shortest way to reduce the total number of crimes, as well as to increase the authority of the law enforcement system in the country. **Materials and Methods.** Statistical data on offenses committed in public places, scientific literature, including foreign literature, devoted to the prevention of offenses committed in public places, the legal framework containing the rules of behavior

in public places, restrictions related to this, and the legal status of law enforcement units involved in public order maintenance were studied. The methodological basis includes the formal legal method and general approaches and methods related to methodological apparatus of legal science: analysis, synthesis, system approach. 162 respondents were interviewed including 67 police officers (district police officers, patrol officers), and 17 representatives of citizens' law enforcement associations. **Results and Discussion.** Prevention of offenses committed in public places is a set of legal and organizational ways to influence the causes and conditions of the offense. The identity of the offender should be studied as a general social phenomenon, regardless of the severity of the illegal tort. A peculiarity of administrative and legal means to prevent offenses committed in public places is the special significance of the state of the public place as an independent object of preventive action. **Conclusions.** The system of administrative and legal means used to prevent offences committed in public places includes legal and organizational means of providing security of the public place, in particular, by restricting the presence of persons of a certain category in the public place. Positive results of the prevention of the mentioned offenses are achieved by effective public order protection forces, including citizens' public and private law enforcement formations.

Keywords: prevention of offenses; public place; system of prophylaxis; police

Citation: Golovanova T. V. Administrative and Legal Means to Prevent Offenses committed in Public Places. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 1(88). Pp. 113–119 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-188-113-119>

Основные положения

1. Меры профилактического воздействия на правонарушения, совершаемые в общественных местах, охватывают в равной степени административный и уголовный деликт, а также само общественное место, его благоустройство, так как состояние общественного места влияет на принятие решения о совершении противоправного поступка. Это обстоятельство существенно отличает средства профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах, от иных. Кроме традиционных сил профилактического воздействия в общественных местах существует широкая возможность вовлечения в профилактику правонарушений негосударственных субъектов охраны правопорядка.

2. Административно-правовые средства профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах, представляют собой совокупность административного и правового воздействия на общественные отношения в сфере общественного порядка. К правовому воздействию относится система нормативных актов федерального, регионального и муниципального уровней, а также ведомственных правовых актов, регулирующих правила поведения людей в общественном месте, устанавливающих ответственность за несоблюдение этих правил. Административно-организационные средства направлены на обеспечение благоустройства общественных мест, поддержание их в состоянии, гарантирующем комфорт и безопасность граждан.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Профилактика правонарушений в общественных местах выступает стратегической задачей в обеспечении национальной безопасности. Гарантия защищенности общественного места — прямой и наиболее короткий путь к снижению общего количества преступлений, а также повышению авторитета правоохранительной системы в стране [1, с. 45].

В условиях современности свидетели противоправного поведения, совершаемого в общественных местах, часто снимают его на видео, незамедлительно размещают в социальных сетях, что, с одной стороны, упрощает работу сотрудникам полиции по установлению виновных лиц, с другой — повышает уровень тревожности большого количества людей, оказавшихся «невольными очевидцами», вовлеченными в процесс переживания за жертву нападения. При этом сведения о событии противоправного посягательства доступны и наглядны, а реакция правоохранителей по горячим следам редко становится общим достоянием. Эти факты свидетельствуют о высокой степени значимости профилактики любого противоправного поведения в общественном месте. Причем степень опасности противоправного посягательства не имеет значения, профилактическое воздействие, целью которого является обеспечение безопасности людей в общественном месте, необходимо направлять на все виды угроз.

Целью исследования стала разработка классификации административно-правовых средств профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. В последние годы ученые мало исследуют административно-правовые средства профилактики правонарушений, совершенных в общественных местах. Основное их внимание сосредоточено на мерах профилактического воздействия узкой направленности — по видам противоправных поступков [2]. Отдельно исследуются причины и условия совершения мелкого хулиганства [3], потребления (распития) алкогольной продукции, наркотических средств в общественном месте [4, с. 97–130], профилактика правонарушений несовершеннолетних в общественных местах. Анализируются профилактические меры в отношении тяжких преступлений, которые сгруппированы в понятие «уличных преступлений» [5; 6], и т. д. В определенной степени такой подход оправдан. Точечное воздействие

на негативное социальное явление способно предотвратить его пагубные проявления, минимизировать отрицательные последствия.

Однако считаем необходимым комплексное исследование причин любого противоправного поведения в общественном месте. Такая позиция к профилактике рассматриваемых правонарушений позволит обнаружить слабые стороны самого общественного места, провоцирующие девиантное поведение, что предотвратит совершение противоправных поступков в общем.

К сожалению, подобных исследований практически не проводится, несмотря на имеющиеся научные предпосылки. Ученый-административист В. В. Денисенко, анализируя проблему латентности административной деликтности и преступности, предлагал рассматривать правонарушения и преступления в качестве «целостности системы деликтов» [7, с. 250], выступая за наличие устойчивых связей между административными правонарушениями и преступлениями. Криминологи М. С. Лаврентьева и М. М. Туркин указывали, что «своевременное выявление и пресечение административных правонарушений выступает одним из основных способов профилактики преступлений» [8, с. 63]. Американские социологи Дж. Уилсон и Дж. Келлинг, основоположники криминологической «теории разбитых окон», с помощью социальных экспериментов смогли доказать, что совершение мелких правонарушений в общественных местах, а также содержание мест общественного пользования в ненадлежащем порядке с низким уровнем благоустройства создают фон, формируют предпосылки для тяжких преступлений, влекут рост преступности в обществе, выступают индикатором преступности в целом [9]. Подобные мнения высказывают другие зарубежные ученые, посвятившие свои труды изучению причин совершения правонарушений на улицах [10; 11].

Профессор Д. К. Нечевин отмечает, что система социальной профилактики правонарушений включает субъекты, объекты, содержание и ее обеспечение [12, с. 13]. Административно-правовые средства, направленные на профилактику правонарушений, совершаемых в общественном месте, регламентируют правовой статус субъектов охраны правопорядка, способы реализации их компетенции. Объектами в зависимости от вида профилактики становятся все лица, присутствующие в общественном месте (общая профилактика), либо указанные в законе категории граждан, нахождение которых в общественных местах возможно при определенных ограничениях (индивидуальная профилактика). Следует обратить особое внимание, что общественное место само по себе также становится объектом профилактического воздействия, реализуемого чаще административными (организационными) средствами.

Материалы и методы

Использовался формально-юридический метод для анализа действующего законодательства, а также общие подходы и методы, относящиеся к методологическому аппарату юридической науки: анализ, синтез, системный подход. Системный подход позволил создать целостную картину административно-правовых мер профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах. Научный анализ применялся при формулировании определений и классификаций. Теоретический анализ данного феномена в исследуемой сфере правоотношений с использованием прогностического и системно-структурного методов позволил внести предложения по совершенствованию законодательства и повышению административно-правовых мер профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах.

При подготовке научной статьи проинтервьюировано 162 человека, из них 67 сотрудников полиции (участковых уполномоченных полиции и сотрудников патрульно-постовой службы полиции), а также 17 представителей правоохранительных формирований граждан различных организационно-правовых форм.

Результаты и обсуждение

Статистические данные свидетельствуют о некотором снижении количества правонарушений, совершаемых в общественных местах, за последние шесть лет. Согласно динамике зарегистрированных преступлений, совершенных в России в общественных местах с 2014 г. по 2019 г., их число снизилось с 785 383 до 702 323 [2, с. 25]. Последующий год объявленной пандемии с введением ограничительных мероприятий также сохранил тенденцию к снижению правонарушений, совершенных в общественных местах. Люди имели меньше контактов между собой, сократились и конфликтные ситуации. В общественных местах в 2020 г. зарегистрировано 620 800 преступлений (–10,0%), в 2021 г., по данным МВД России, курс на обеспечение безопасности в общественных местах сохранен.

Проведенный в 2019 г. опрос общественного мнения показал, что 41% россиян чувствуют себя комфортно, когда находятся на улицах в темное время суток (в 2013 г. этот показатель составил всего 33%), и 89% опрошенных ощущают себя в безопасности в общественных местах в светлое время суток.

Существенное уменьшение числа противоправных действий в общественных местах стало результатом планомерной работы по профилактике правонарушений, реализуемой по нескольким направлениям одновременно различными административно-правовыми средствами, составляющими общую систему профилактики правонарушений.

Административно-правовые средства общей профилактики правонарушений в общественных местах. На протяжении длительного времени понятие

«профилактика правонарушений» не имело нормативного закрепления. Впервые определение профилактики правонарушений было дано в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», но сфера его действия ограничилась профилактикой противоправного поведения лиц, возраст которых не достиг 18 лет. Кроме того, несмотря на название, указанный нормативный акт не разъяснил, что следует понимать под системой профилактики правонарушений. Лишь спустя 17 лет в России был принят правовой акт, законодательно определивший систему профилактики правонарушений как «совокупность субъектов профилактики правонарушений, лиц, участвующих в профилактике правонарушений, и принимаемых ими мер профилактики правонарушений, а также основ координации деятельности и мониторинга в сфере профилактики правонарушений». Принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» стало ключевым моментом формирования административно-правовых мер профилактики правонарушений в стране [13, с. 40].

Система административно-правовых средств профилактики правонарушений. Разнообразие административно-правовых средств, применяемых в предупреждении правонарушений, совершаемых в общественных местах, обуславливает необходимость их типологии. Система административно-правовых средств профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах, представляет собой совокупность нормативных правовых актов федерального, регионального и муниципального уровней, а также ведомственных правовых актов, регулирующих правила поведения людей в общественном месте и связанные с этим ограничения, устанавливающих ответственность за несоблюдение указанных правил.

Важнейшими правовыми актами в данной группе административно-правовых средств воздействия выступают Конституция Российской Федерации, федеральные законы от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», от 23 февраля 2013 г. «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции», от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации закрепили нормы ответ-

ственности за противоправные поступки, совершаемые в общественных местах.

Другая группа правовых актов регулирует правовой статус и порядок деятельности субъектов, в обязанности которых входит реагирование на противоправные поступки, совершаемые в общественных местах. К ним относятся федеральные законы от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», от 15 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

Присутствие в общественном месте субъекта, обладающего компетенцией пресекать противоправное поведение, — одна из наиболее эффективных мер профилактического воздействия. Именно с этой целью вводились первые должности полицейских [14, с. 46]. Сотрудники полиции (милиции) долгое время оставались единственными правоохранителями в общественном месте. Намного позже возникли гражданские инициативы по поддержанию правопорядка и борьбы с преступностью, которые реализовывались в различных организационно-правовых формах [15, с. 114–120]. В настоящее время такими негосударственными правоохранительными формированиями могут выступать народные дружины, частные охранные организации, внештатные сотрудники полиции, казацкие общества и т. д.

Правоохранительные формирования граждан — один из существенных факторов, способствующих сокращению количества совершенных правонарушений в общественных местах [16; 17]. Деятельность народных дружин есть не что иное, как применение административно-профилактических мер, доступных рядовым гражданам, наряду с индивидуальными действиями по распространению правовых знаний, разъяснению норм поведения в общественных местах. Народные дружины на улицах «уже сами по себе являются эффективной формой профилактики административных правонарушений в общественных местах» [18, с. 57]. Подобные дружины по охране правопорядка в общественных местах существуют в Германии, Израиле, Канаде, Швеции, Японии, Великобритании, в США и других странах [19, с. 45]. Патрулирование общественных мест негосударственными правоохранительными формированиями неизменно демонстрирует положительные результаты профилактики правонарушений.

Перечисленные административно-правовые средства общей профилактики правонарушений в общественных местах относятся к средствам ранней профилактики. Административно-правовые средства, направленные на индивидуальное воздействие, предусмотрены в качестве ранней профилактики и пост-

контрольного содержания, обеспечивающих предупреждение рецидива.

Согласно Федеральному закону от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» профилактика правонарушений несовершеннолетних представляется правовым средством индивидуального характера ранней профилактики правонарушений в общественном месте. К числу средств постконтрольного содержания относятся административный запрет на посещение официальных спортивных соревнований в дни их проведения, установленный в качестве вида административного наказания за совершение административного правонарушения (ст. 3.14 КоАП РФ); запреты пребывания в определенных местах, посещение мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в них, предусмотренные для лиц, в отношении которых установлен административный надзор (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»).

Административные (организационные) средства профилактики. Административные (организационные) средства профилактики рассматриваемых правонарушений, направленные на снижение рисков нахождения людей в общественном месте, реализуются увеличением комфорта городской среды и обеспечением ее безопасности. Вопросам комфортной обстановки в городском пространстве в последние годы уделяется особое внимание. Подготовлен федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Жилье и городская среда». В 2019 г. Министерством строительства Российской Федерации разработан «индекс качества городской среды»* — инструмент, который позволяет оценить качество материальной городской среды, создать объективные рекомендации к ее улучшению. Реализация государственного проекта в этой сфере нацелена на широкое вовлечение граждан в формирование комфортной городской среды.

В рамках обеспечения безопасности в общественных местах органами власти реализуется Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», предполагающая размещение и включение в общую систему большого количества видеочкамер в городских массивах, которые позволят контролировать городскую среду в целях обеспечения безопасности и немедленного реагирования в случае возникновения угрозы.

Реализация указанных проекта и концепции положительно сказывается на профилактике правонарушений, совершаемых в общественных местах,

однако нацелены они и дадут результат, прежде всего, в крупных городах, мегаполисах [20, с. 43].

Вместе с тем содержание в порядке и чистоте общественных мест, которое относится к задачам местных органов власти, — самое недооцененное, на наш взгляд, средство профилактики анализируемых правонарушений. Его эффективность доказана проводимыми социальными экспериментами, оно не предполагает большого финансирования, но сдерживает граждан от совершения мелких правонарушений. Поэтому данное средство профилактического воздействия необходимо широко использовать в любом населенном пункте.

Изучение административно-правовых средств профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах, позволяет рассматривать такие правонарушения в качестве общего негативного социального явления, устанавливать причины и условия, вызывающие противоправные проявления в общественных местах, воздействовать на них.

Выводы

1. Классификация административно-правовых средств профилактики правонарушений, совершенных в общественных местах, по различным критериям позволяет констатировать их универсальный характер с точки зрения воздействия на основные факторы совершения указанных правонарушений.

2. Группировать административно-правовые меры профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах, следует по двум основаниям: меры, направленные на общую профилактику правонарушений (на причины и условия совершения правонарушения), и меры, направленные на индивидуальную профилактику (предусмотренные для конкретной категории лиц).

3. Эффективность административно-правовых средств профилактики правонарушений, совершаемых в общественных местах, тесно связана с уровнем гражданской активности населения, способного оказывать содействие правоохранительным органам участвуя в охране общественного порядка в составе негосударственных общественных формирований.

Перспективы. Исследовательская идея и полученные результаты позволяют определить перспективы дальнейшего исследования данной проблематики. Совокупное изучение научных исследований, а также деятельности правоохранительных органов, касающихся профилактики административных правонарушений и уличных преступлений, позволит выработать универсальные административно-правовые средства профилактики такого негативного явления, как правонарушения, совершаемые в общественном месте.

* <https://индекс-городов.рф>.

Список источников

1. Зиядуллаев М. З. Зарубежный опыт системы охраны общественного порядка и профилактики правонарушений в населенных пунктах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2(63). С. 42–47.
2. Голубых Н. В. Уличная преступность: состояние, причины и прогноз развития // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 3-4. С. 256–260.
3. Костенников М. В., Куракин А. В. Мелкое хулиганство как административное правонарушение, посягающее на общественный порядок, и проблемы его оценки в деятельности полиции // Российская юстиция. 2016. № 6. С. 47–51.
4. Водяная М. Ю. Административная ответственность граждан за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 186 с.
5. Бицадзе Г. Э. Состояние и тенденции уличной преступности в Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 2(50). С. 24–29.
6. Залогин П. Ю. Уличная преступность: профилактика и предупреждение // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 84–86.
7. Денисенко В. В. Латентность административной деликтности и преступности в структуре оценки органами внутренних дел состояния оперативной обстановки // Общество и право. 2014. № 4(50). С. 249–253.
8. Лаврентьева М. С., Туркин М. М. Выявление и пресечение административных правонарушений как один из способов профилактики преступлений // Союз криминалистов и криминологов. 2015. № 1-2. С. 60–65.
9. Wilson James Q., Kelling George L. Broken windows. *The Atlantic Monthly*. 1982. March. Pp. 17–20.
10. Brown D. K. Street crime, corporate crime, and the contingency of criminal liability. *University of Pennsylvania Law Review*. 2001. No 5(149). Pp. 1295–1360.
11. Newman O. Defensible space: crime prevention through urban design. N.-Y., 1972. 292 p.
12. Нечевин Д. К. Социальная профилактика как одно из основных направлений деятельности органов внутренних дел (теория и практика) // Вопросы совершенствования деятельности милиции общественной безопасности : сб. М., 2001. Вып. 8. С. 3–20.
13. Шишкина О. Е. Новый закон в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации: попытка системного подхода // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 38–41.
14. Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX в. — нач. XX в.). Н. Новгород, 1993. 129 с.
15. Матушко Т. В. Организационно-правовые формы участия граждан в обеспечении правопорядка: исторический аспект // Полицейское право. 2005. № 4(4). С. 114–120.
16. Потапенкова И. В. Административно-правовое регулирование участия объединений граждан правоохранительной направленности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 221 с.
17. Мельников О. Ю. Административно-правовое регулирование участия граждан Российской Федерации в охране общественного порядка : дис. канд. юрид. наук. М., 2009. 183 с.
18. Дерюга А. Н. Профилактика и предупреждение административных и иных правонарушений: теоретико-прикладные сходства и отличия // Административное право и процесс. 2016. № 10. С. 44–49.
19. Богатова Т. В. Административно-правовой статус граждан, участвующих в обеспечении правопорядка : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. 176 с.
20. Голованова Т. В., Денисенко С. В. Особенности охраны общественного порядка в мегаполисах // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2(69). С. 48–52.

Поступила 15.04.2021; одобрена после рецензирования 30.05.2021; принята в печать 30.08.2021.

References

1. Ziyadullaev M. Z. Foreign experience of the system of protection of public order and prevention of offenses in populated areas. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2017. No. 2 (63). Pp. 42–47. (In Russ.)
2. Golubykh N. V. Street crime: the state, causes and prognosis of development. *Union of Criminalists and Criminologists*. 2014. No. 3-4. Pp. 256–260. (In Russ.)
3. Kostennikov M. V., Kurakin A. V. Petty hooliganism as an administrative offense that encroaches on public order, and the problems of its assessment in the police activities. *Russian Justice*. 2016. No. 6. Pp. 47–51. (In Russ.)
4. Vodyanaya M. Yu. Administrative responsibility of citizens for public drinking. Candidate of sciences dissertation (in Law). Omsk, 2018. 186 p. (In Russ.)
5. Bitsadze G. E. The state and trends of street crime in the Russian Federation. *Bulletin of the All-Russian Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2019. No. 2 (50). Pp. 24–29. (In Russ.)
6. Zalogin P. Yu. Street crime: prophylaxis and prevention. *Bulletin of the Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2011. No. 1. Pp. 84–86. (In Russ.)
7. Denisenko V. V. Latency of administrative tort and crime in the structure of the law enforcement bodies' assessment of the state of the operational conditions. *Society and Law*. 2014. No. 4(50). Pp. 249–253. (In Russ.)
8. Lavrentieva M. S., Turkin M. M. Revealing and suppression of administrative offenses as one of the ways to prevent crimes. *Union of Criminalists and Criminologists*. 2015. No. 1-2. Pp. 60–65. (In Russ.)
9. Wilson James Q., Kelling George L. Broken windows. *The Atlantic Monthly*. 1982. March. www.theatlantic.com. Pp. 17–20.
10. Brown D. K. Street crime, corporate crime, and the contingency of criminal liability. *University of Pennsylvania Law Review*. 2001. No. 5(149). Pp. 1295–1360.
11. Newman O. Defensible space: crime prevention through urban design. N.-Y., 1972. 292 p.

12. Nechevin D. K. Social prevention as one of the main activities of the Internal Affairs bodies (theory and practice). Issues of improving the activities of militia of public security. Collected papers. Moscow, 2001. Issue 8. Pp. 3–20. (In Russ.)
13. Shishkina O. E. New Law in the field of prevention of violations of law in the Russian Federation: an attempt of a systematic approach. *Administrative Law and Procedure*. 2017. No. 7. Pp. 38–41. (In Russ.)
14. Mulukaev R. S. Police in Russia (19th century — early 20th century). Nizhny Novgorod, 1993. 129 p. (In Russ.)
15. Matuzko T. V. Organizational and legal forms of citizens' participation in providing law and order: historical aspect. *Police Law*. 2005. No. 4(4). Pp. 114–120. (In Russ.)
16. Potapenkova I. V. Administrative-legal regulation of participation of citizens' law enforcement associations. Candidate of sciences dissertation (in Law). Moscow, 2011. 221 p. (In Russ.)
17. Melnikov O. Yu. Administrative and legal regulation of participation of citizens of the Russian Federation in the protection of public order. Candidate of sciences dissertation (in Law). Moscow, 2009. 183 p. (In Russ.)
18. Deryuga A. N. Prophylaxis and prevention of administrative and other offenses: theoretical and applied similarities and differences. *Administrative Law and Procedure*. 2016. No. 10. Pp. 44–49. (In Russ.)
19. Bogatova T. V. Administrative and legal status of citizens participating in protecting law and order. Candidate of sciences dissertation (in Law). Rostov-on-Don, 2008. 176 p. (In Russ.)
20. Golovanova T. V., Denisenko S. V. Features of the protection of public order in megalopolises. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2018. No. 2(69). Pp. 48–52. (In Russ.)

Submitted: 15.04.2021; approved after reviewing: 30.05.2021; accepted for publication: 30.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);

— ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;

— основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в ведущие научные базы (Scopus, Web of Science). Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), ERICH PLUS.

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала.

Публикации в журнале бесплатные.

Подписные индексы 41979; 41980 в объединенном каталоге «Пресса России». **Интернет-подписка** <http://www.ppressa-rf.ru>; <http://www.akc.ru>.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!